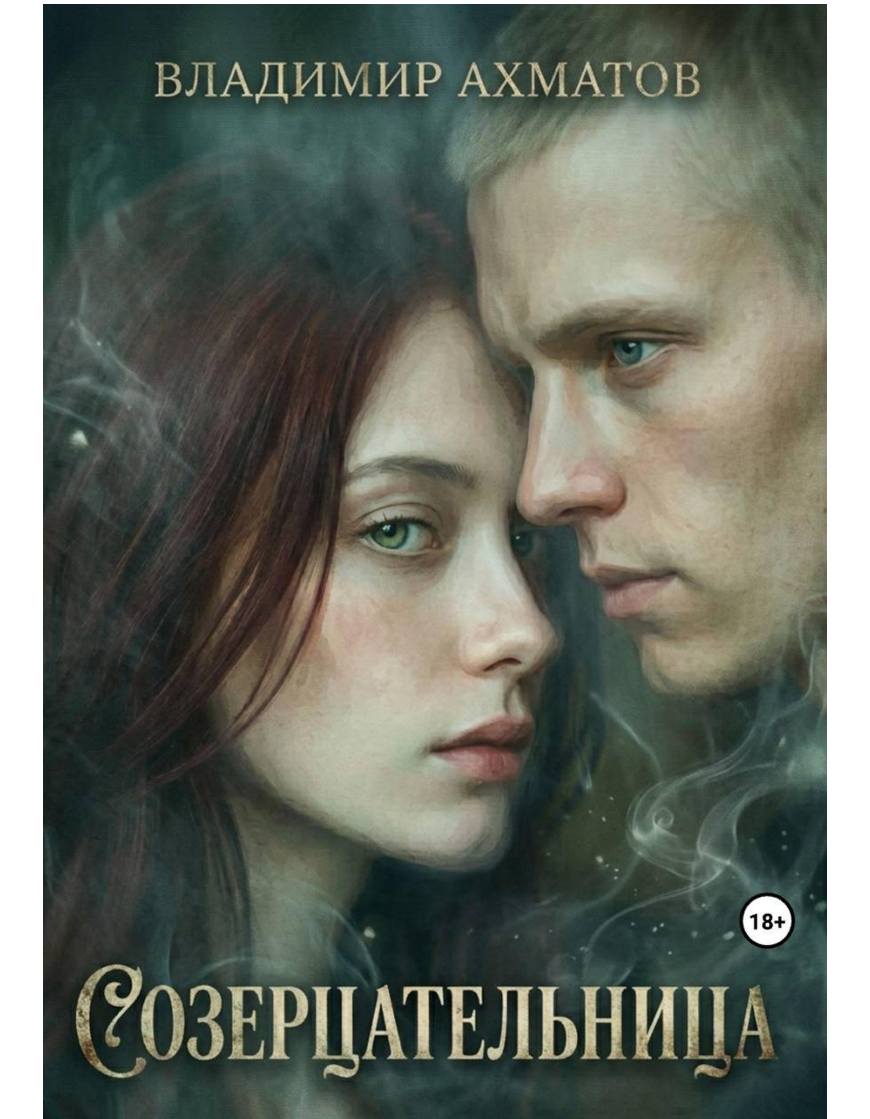

ВЛАДИМИР АХМАТОВ

18+

СОЗЕРЦАТЕЛЬНИЦА

Владимир Ахматов

Созерцательница

<https://litres.ru/74316073>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты будешь плакать. Даже если терпеть не можешь мелодрам. Жизнь щадила Лизу ровно до тех пор, пока не обрушила на неё ужасное проклятие и сказочный дар одновременно. Теперь Лиза — Созерцательница — та, кто дарит вечность другим, а сама становится жертвой в плену обстоятельств. Единственная надежда на спасение — мужчина с глазами синее синего моря и душой, исполненной светлой грусти. Ты будешь плакать не от боли, а узнав, как сильна бывает любовь, когда «завтра» уже не наступит. Узнай, что скрыто за краем великих испытаний. Не сдерживайся, переживи это.

Содержание

от автора	4
Интерлюдия. Сад души	6
Проклятие	12
Барри и дар Богини ночи	15
Два ангела и ключ от всех дверей	32
Компаньонка	43
Люди, которые слышат	50
Печать луны	64
Труба звучащего кошмара	88
Сказка Лизе	106
Душа, исполненная светлой грусти	114
Напоминание. Сомнение. Предчувствие	129
Волшебный полет	140
Дворцовый кошмар	152
Всё изменится, когда он придёт	179
На самой кромке земли	191
С	202
Конец ознакомительного фрагмента.	203

Владимир Ахматов

Созерцательница

от автора

Эта история вымышленная. Все совпадения с реальными людьми и местами случайны. Автор не является врачом или лицом, как-либо причастным к медицине, поэтому наименования описанных недугов, способов их диагностики и лечения, проявления симптомов и осложнений могут не соответствовать действительности.

Книга рассказывает об испытаниях и преодолениях. О чудодейственной силе веры, о счастье обретения и боли утраты. Она создана с одной лишь целью: чтобы не забывать — надежда существует, и даже в самые тёмные времена ведёт нас к свету.

Главы писались впопыхах, надиктовывались в пробках, снились, приходили в горячечном помешательстве во время затяжной госпитализации и мучительного восстановления после. Рука не успевала записывать слова, льющиеся из вселенной в мир самостоятельно, вопреки стилистическим канонам, отрицая формы и жанровые тиски. Автор только записал, не добавив в текст от себя ровным счётом ничего.

И оказалось, что прежде всего прочего это история, как и все истории, данные нам в виде смутного порыва души или откровения редкого сорта, про любовь... которая сильнее смерти.

*- И ветра воющего пыль,
и лепестков пыльца
спасутся. Коль запечатлит
их Созерцательница.*

*Не грянет гром судьбы,
Бессмертия не явит ночь,
Но в памяти ее воскреснет
Твоя душа. Точь-в-точь.*

Интерлюдия. Сад души

Галя снова орала на отца в столовой. Тарелка полетела на кафель.

— Ты не видишь во мне человека! — кричала Галя с надрывом, добавив в голос немножечко слабины, будто ещё чуть-чуть — и расплечется. — Я для тебя пустое место!

— Бу-бу-бу, — отвечал отец. Стенам нравились тёплые глубины его голоса, и они его впитывали, в отличие от визгливого Галиного.

— А кто опять не брал трубку, когда я звонила днём?! Какое такое совещание?! На карте пусто! Я как дура стояла на кассе и хлопала глазами. На меня там все пальцами показывали! Нищенка! Стыдобище...

— Бу-бу-бу.

Очередная тарелка. И всё в таком духе, опять и опять. Зачем он на ней женился? Оставил бы в любовницах — спокойнее бы была.

Лиза вставила в ухо наушник, где дожидался XXXTentacion со своими самыми грустными треками. Грустными, как вся её жизнь. Взяла плед, кружку с кофе, сливками, зефирками и книжку. Лиза читала Грина. Одного из Гринов, того, что постарше. Однажды «согрешила» с молодым, и ей не понравилось.

Неслышно ступая, вышла в сад, стынувший после августовского зноя, медленно пошла по узкой выющейся дорожке из разноцветной плитки. Приподняла руку с книгой, под которой, стоило ей приблизиться, один за другим вспыхивали тускло-золотым фонарики на земле. Если бы не она — фонарики простояли всю ночь тёмные, безжизненные, а так — воскресали. Дорожка, несколько раз изогнувшись вдоль кустов королевских гортензий, привела в уютный закуток в зарослях падуба с крышей из зелёного выюнка, с «гнездом» — как они с мамой называли милое плетёное кресло — пружинистое и парящее на незаметной опоре в метре над плиткой. Лиза чуть-чуть не утонула в его мягких подушках.

Идеально.

Если вынуть наушник, ещё и полуночные сверчки спели бы ей, но увы, их страстные рулады то и дело нарушал бы вой турбированных и потому тоже отчаянных движков соседских спорткаров — МКАД слишком близко. Поэтому она не вынула. Положила книжку на кружку, а кружку на столик и занялась тем, ради чего, как была убеждена Лиза, она пришла в мир — созерцать.

Людей можно классифицировать как угодно. Самое простое: дураки и умные, мужчины и женщины. Сложнее — холерики, меланхолики и остальные. Или интроверты с экстравертами. Лиза предпочитала делить человечество на мыслителей и деятелей, добавив к ним третью касту — самую малочисленную — наблюдателей. Ведь если одни придумыва-

ют, другие воплощают, должен быть кто-то, кто просто станет за ними приглядывать, фиксировать их великие дела в памяти, а значит — сохранять для истории. Иначе всё бессмысленно.

Лиза сидела тихо-тихо, настолько, что сад принял её, свыкся, подпустив к милым тайнам, которые обычно прятал. У рукотворного ручейка ожила земляная жабка — мерзкая, но если не приближаться, вполне себе забавная. В кустах промелькнул рыжий хвост — чей-то кот пробрался во-ришкой, даже не подозревая, как предательски выдаёт его в полутьме яркая шкурка. Вот бы прилетели светлячки! Лиза мечтала их увидеть всю жизнь, но светлячки не водятся в Подмоскowie, а возможно, и нигде больше — экология ни к чёрту. Возможно, остались живые светлячки только в сказках да фильмах по сказкам. Но всё равно она сидела, слегка покачиваясь, в надежде на их появление, изредка забывая вздохнуть.

Воздух прел августом. Мерцал редкой звездочкой. Дурманил мёдом цветов.

Задумавшись, она не заметила, как плей-лист закончился. Жаль, XXXTentacion оставил после себя слишком мало песен. А может, и хорошо, что погиб молодым — страшно представить, сколько боли выпало на его долю, раз уж она так и сквозит в каждой ноте.

Всю свою жизнь Лиза провела с ощущением грядущего чего-то. Слов не подобрать, чтобы описать это чувство недо-

заполненности. Будто внутри отсутствовал какой-то орган, хотя тело знало — он должен быть, вот и местечко для него, но где же оно — чудесное нечто? Куда запропастилось? Будто голодная на банкете. Будто без бюстгальтера. Что-то должно быть в ней помимо всего остального, да только что?

Пустота сделалась обширнее три года назад, когда умерла мама. Лиза нахмурилась, запрещая себе вспоминать. Слишком долго залечивала шрамы, оставленные бедой. И всё равно в палисаднике её души будто выкорчевали самое любимое дерево — сакуру. Никогда впредь там не наступит весна, и облако лепестков не сорвётся под упрямым порывом маминого смеха. Искры её добрых глаз догорели, осталась только яма от корневища, которая никак не желала зарастать травой времени.

Сморгнув печаль, Лиза вздохнула, накинула плед — холодало. Не успеешь оглянуться, как август кончится. Придётся вернуться в квартиру в Москве, ходить в университет за профессией, которая ей не интересна, улыбаться людям, которым нет до неё никакого дела (и это взаимно), толкаться в метро, которое бесит.

Вот бы отрастить крылья и улететь. Далеко-далеко, где ждут. Где её место. Где найдётся недостающий фрагмент. Существует ли такое место для неё? Лиза в последнее время сильно в этом сомневалась. Подумала было вернуться в дом за картами — раскинуть расклад на будущее. Вот уж в чём она действительно хороша, так это в картах. Однокурс-

ницы, называющие себя её «подружками», вечно просили погадать — Лиза почти никогда не ошибалась. Гораздо чаще, чем ошибалась, отказывала, за что слыла «белой вороной» — как ей хотелось думать, ведь на самом деле подружки именовали её «овцой». Но кто нынче обижается на статусы? Вздор.

Сходить за картами Лиза не успела — судьба настигла раньше. Вполне конкретно, без тумана вероятностей.

По саду с фонариком в руках, в наспех накинутом халате бежал отец.

— Собирайся, дочь! Пришли результаты анализов. Мы срочно летим в Питер. Рейс через три часа.

В самолёте Лиза всё же добралась до карт. Вот уже третий расклад на будущее вёл её к червовому вальту. «Да ладно вам. Не собираюсь я влюбляться!» — но карты оставались неумолимы, к тому же из раза в раз окружали «молодого человека» россыпью обещаний: «счастье в любви», «сердечное приключение», «любовная любовь» и так далее. И всё бы ничего, да только ближайшее будущее прорицали не одни лишь черви. Карты жестоко подкидывали то пиковую девятку, то перевёрнутый туз — оба про недуги и большое горе. И спорить с этим было попросту глупо. Её давно беспокоило собственное самочувствие, теперь же анализы, срочный вызов в... Лиза не имела смелости даже мысленно целиком произнести ужасное название — сокращала до «онкодиспансера», словно это могло сократить страх, изрядно приправленный

горьким соусом тревоги.

Спустя несколько часов Лиза узнала, что карты, которые никогда ей не лгали, не солгали.

Проклятие

«Глупость несусветная. Чепуха невероятная. Бредятина».

— Вы уверены, что мы можем говорить прямо? — спрашивает врач у отца, но смотрит при этом на меня пустым, отстранённым взглядом.

— Конечно, говорите! Ей девятнадцать — она взрослый человек.

Врач слишком молод, чтобы ему верить. Слишком неопытен, чтобы сходу огласить приговор, а потом спокойно пойти пить чай с медсёстрами, будто только что не раздавил чью-то жизнь одним предложением. Его профессия — онколог. Мог бы просто молча выдать справку. Но он говорит. С ним что-то не так.

- ...

Я смотрю на него во все глаза и понимаю: то, что он проносит, — не на человеческом языке. Люди недостаточно безумны, чтобы придумывать такие сложные, «кусачие» слова, сплетать их в ещё более витиеватые, страшные, невозможные конструкции. Врач повторяет длинно, нараспев, с гортанными модуляциями. Формула наливается силой, падает в уши и не рассеивается — воздух после неё продолжает вибрировать и гудеть, как струна, которую перетянули. Отец

хватается за сердце, бледнеет, покрывается испариной.

Это магия. Не знаю, какая, но совершенно точно — чёрная. Дурная. Новая.

Врач встаёт, подходит к графину, возвращается со стаканом воды. Я отодвигаюсь от него на стуле — ножки противно, по-крысиному визжат о керамогранит. Глаза мои расширены. Отец не заметил — его смутил морок. Но я-то, я видела, как из-под штанины, из-под идеально отглаженной брючной стрелки, на миг показался хвост. Чёрный, чешуйчатый, глянцевый, как змея, и с утолщением на кончике — точь-в-точь карточный символ «пик».

Врач вздрагивает и бросает на меня резкий косой взгляд через плечо. Его глаза сужаются, и на самый-самый краткий миг я замечаю - моргает третьим веком — прозрачной, гадкой плёнкой. По его лицу пробегает едва заметная волна, словно лицо ему не принадлежит, словно это маска, которую надели второпях. Губы на маске расплываются в усмешке, готовясь повторить формулу. Он знает, что я знаю, что я разглядела его доподлинную суть. Слегка недоумевает, почему заклятие не сработало с первого раза.

Говорит:

— Высокодифференци....

Я затыкаю уши. Зажмуриваюсь. Замуровываюсь. Замираю. Не слышу. Внутри меня немое беззвучие визжит громче, чем те ножки стула. Но это спасает.

— Вы же говорили, она у вас взрослый человек, а тут дет-

ский сад какой-то! — злится доктор. В его голосе сквозит не столько обида, сколько звериная досада — жертва не хочет идти на заклание.

Меня трясёт. Отца трясёт. Хочется сбежать отсюда как можно быстрее. Дурное место. Отвратительное, как жертвенник на капище, где на закланье черному духу — я.

— Папа...

— Нам требуется время, — говорит отец, придерживая одну ладонь другой, но дрожь не унимается. — Мы... Мы пойдем...

— Времени у вас как раз практически нет! — режет по живому доктор, кем бы он ни был на самом деле — человеком или чем-то, что лишь притворяется им. — Если вы надеетесь на благоприятный исход, поспешите.

— Да-да, конечно.

Барри и дар Богини ночи

Они медленно брели по гулкому холлу. Лучший центр в России, как сказали Лизе. И врач лучший в России. А он оказался редким. Кем? Чёртом? Дьяволом? Демоном?

Отец споткнулся дважды — растерянный, как мальчишка в торговом центре. Она взяла его под руку. Теперь прохожие принимали за пациента его, а Лизу — за образцовую дочку. Ай, какая молодец! Саму же Лизу словно отрезали от тела. Тело само шло, садилось в машину, ехало в гостиницу. Тело слушало Галю, которая зачем-то прилетела с ними.

Галя выпроводила отца в бар — выпить коньяк, «полезный для сердца и нервов». Он ушёл, такой же бледный, но теперь ещё и с тяжёлой жалостью во взгляде, стоило ему глянуть на дочь.

— Ну ты как? — Галя деловито поставила перед Лизой бокал с вином. — Держишься?

Галя Лизе в общем-то нравилась. Не набивалась в матери или подруги. С первых дней в доме между ними возникло негласное соглашение: не мешать друг другу и держаться на расстоянии. Соглашение работало без сбоев уже год. Хотя на вкус падчерицы Галя была слишком простовата. Хорошо хоть «гэ» исправила. Платиновая блондинка. Вне сомнений — червонная дама.

Лиза пожала плечами.

— Знаешь, сейчас врачи чудеса творят, всякие лазерные технологии! — Галя плюхнулась в кресло напротив. — У меня подружка тоже вышла... э-э-э, в смысле просто вышла замуж...

— Я поняла, не переживай.

— Так вот, у неё после родов пошёл жуткий варикоз! Вены на ногах вот такие! — она показала на своё запястье. — И что ты думаешь? Одна операция — и всё исправили!

— Как? — не поняла Лиза.

— Ну как-как? Разрезали, вытянули вену, отмотали лишнее — полметра или около того, отрезали, зашили. Откуда я знаю? Но результат — мать божья, хоть снова на... м-м-м, подиум!

Лиза схватила маленькую подушку, прижала к груди, как щит. Не понимая, что происходит. То есть понимая, но как это выговорить? Выговорить — значит согласиться.

Неоспоримый Галин плюс: она не ходит вокруг да около. За это, наверное, и приглянулась отцу. Рубит с плеча правду-матку.

— Ты же понимаешь, что тебе там... всё вырежут?

Лиза моргнула, всё ещё не понимая.

— Ну, матку. Рак, всё такое.

— Галя, спасибо, но мне надо побыть одной. — Лиза пошла в свою комнату, всё ещё сжимая подушку.

— Ты обиделась, что ли? — крикнула та вслед. — Если

захочешь поговорить, я здесь!

Как-то само собой получилось — она оказалась на балконе. Питер не то, чтобы далеко от Москвы, но отличается, как ложка от вилки. Поздний вечер, шумный город не спит, но под ногами — изломанные крыши старых кварталов, голуби летят стаями по небу, которое ещё хранит остатки заката. В воздухе знакомые выхлопы, но пахнет свободой. Всё по-другому.

Теперь по-другому стало всё.

Лиза залезла на стульчик для курильщиков с ногами, положила голову на колени, вглядываясь в далёкие тёплые прямоугольники окон. За дымкой занавесок жили люди. Готовили, смотрели телевизор, читали книги. А за занавесками поплотнее — наверняка любили друг друга. Люди кричали, задыхаясь от счастья. Стыли так сладко. Дышали так часто. Ей же хотелось замедлиться — как можно сильнее, почувствовать пульс города, где люди ночами делают новых людей.

Вместо тех, которые «вышли в тираж». Вроде неё.

Странно, но никакой грусти, никакой тоски Лиза не испытывала. Что-то упрямое сопротивлялось внутри. Что-то знало: произошла ошибка. Нет, она не воздушная наивница, чтобы не верить фактам. Просто неувязочка. Ну какой рак в девятнадцать? Откуда рак у человека, который толком никогда не болел? Даже ковид перенёс, будто обычную простуду. И доктор с этим своим хвостом, третьим веком и маской. Не привиделось же!

«Божечки, а ведь я размышляю, как самая настоящая пациентка онкологии. Здравствуй, первая стадия. "Отрицание", полагаю? Неужели мне проще поверить в магию, чем в диагноз?»

— Привет, — сказала тьма у стены справа и подмигнула алым угольком. — У тебя всё в порядке?

Лиза заморгала — оказывается, глаза в слезах. Вот и нет чёткости. А она даже не заметила, как заплакала.

— Здравствуйте, — голос надломился. Потом разглядела: парень из соседнего номера курит. Заглянул через стену. — То есть привет.

Первым порывом было сбежать в номер. Но, собственно, какого чёрта? Она встала и подошла к перегородке.

— Сегодня красиво, — задумчиво сказал он, чтобы завязать разговор, бросив на неё оценивающий взгляд. — В Питере всегда красиво. Люблю здесь бывать. У тебя что-то случилось?

— Я так скверно выгляжу, что ты спрашиваешь?

— Вовсе не скверно. Просто какая-то потерянная... Но, как видишь, я тебя нашёл! Борис.

«Какой примитивный подкат, Борис».

Однако, изобразив улыбку одними губами, сказала:

— Угостишь сигареткой Алину?

Он вскинул бровь, как взводят курок.

— Конечно. Одну секундочку.

И следом перевалился из-за стены, протягивая пачку с за-

жигалкой. Рубашки на нём не было. Мышцы на руках, плечах, груди — без перебора, а как надо. Красивый торс. И... пожалуй, ничего больше про него не скажешь. Обычный русский парень с правильными, но совершенно тривиальными чертами, с глазами, так и не определившимися — голубые они или серые. Показал ровные зубы в улыбке. Ровные — это важно.

— Вообще-то я не курю, — пожала она плечами, создавая уголек на краю сигареты. — Просто такой день. Понимаешь?

— Понимаю, — серьёзно кивнул он, делая последнюю затяжку. А когда затушил, изобразил рукой рыбку от себя к ней. — Не возражаешь?

— Даже не знаю... Не уверена, что это хорошая идея. У меня в номере отец и Галя...

— Мы им не помешаем.

Он скрылся за стеной, а в следующее мгновение уже стоял над пропастью между балконами на узеньком ограждении.

Лиза ахнула, в ужасе отшатнувшись:

— Ты что?! Это же восьмой этаж!

— Так ты меня пригласишь? — замер он спиной над пустотой, ухмыляясь. — Хотя могу и здесь остаться. Правда, не уверен, как надолго.

— Конечно! Приглашаю! Только слезь, ради бога. На тебя смотреть страшно.

Ей и впрямь сделалось дурно, когда глянула вниз — на очень-очень далёкую улицу, всю в огнях, с маленькими,

словно игрушечными, машинками. Борису же было мало просто спуститься. Он ловко развернулся в воздухе, как акробат, прыгнул, оказавшись чуть ли не в полупоклоне.

— Мадам, — неожиданно схватив, поцеловал руку. — Рад с вами познакомиться!

Ох уж эти парни. Из-за таких вот кульбитов мужчины и живут меньше.

То ли от сигареты — первой в году, то ли от неожиданного страха за незнакомца, наверняка не от его поцелуя — ноги стали ватными. От падения на стул удержала только его рука. Борис приобнял аккуратно, почти не нарушив границ. Их нарушил его запах: древесный, с горькими нотками — «Шанель», а сквозь него, еле уловимый, мужской, его собственный. Аромат обнял тоже, защекотал нос. Лиза слегка напряглась.

«Будь начеку. Этот полуголый парень нырнул к тебе не просто так. Ты прекрасно знаешь, чего ему хочется».

Но Борис будто услышал мысли — отступил на шаг.

— Мне кажется, этому вечеру не хватает немного магии. Хочешь увидеть настоящее волшебство? — И, не дожидаясь ответа, хлопнул себя по карманам брюк. — Абракадабра!

В следующее мгновение в его ладонях оказались две крошечные бутылочки виски из мини-бара.

Она улыбнулась:

— Какой полезной бывает бытовая магия.

Он открыл себе и ей. «За знакомство». Сел на пол спи-

ной к стене, уставившись на ночной город. Лизе показалось, его глаза полыхнули в тенях, как у зверя. Вгляделась — нет, привиделось.

Помолчали.

— Мне почему-то кажется, — начал Борис, — у нас обоих что-то стряслось. Знаешь такое ощущение... Шестое чувство подсказывает.

— Бывает.

— Так вот. И ещё ты же в курсе, как говорят: открыться проще незнакомому, — он сделал паузу, — человеку. Поболтаем? У меня, например, сегодня бизнес отжали. Представляешь? Я из зала суда недавно вернулся. Партнёры подставили, а адвокат — скотина, не подготовил базу. В договоре одиннадцать лишних пунктов, и, конечно, их обошли...

Он принялся ходить по балкону туда-сюда, дымя новой сигаретой. Лиза сделала глоток. Вовсе не этого она ожидала.

Виски пролился внутрь расплавленным оловом. Или зельем. Показалось, спутал, хотя на самом деле наоборот — расставил мысли по местам, придал им стройность. Слова Бориса точно играли в чехарду, вставляли в предложения вразнобой и как попало, путая смыслы. Нет, конечно, нет. Не мог он всерьёз говорить с ней о бизнесе. Всё не то и не так.

Она зажмурилась. Испытала чувство редкого сорта: ещё чуть-чуть и что-то произойдёт. Не хватает самой малости, щепотки, чтобы чудо случилось. А чуда ой как хотелось. Прямо здесь и сейчас, потому что иначе — только уныние,

страх, да глупый разговор. Лизе не хватало волшебного слова. Но она напряглась, зажмурилась ещё крепче и изо всех сил пожелала... иного.

Когда же открыла глаза...

Я словно проснулась от долгого мучительного сна. Свежий ветерок, долетевший, должно быть, от самой Балтики, подействовал как компресс на лбу при горячке. Обманы спали. Иллюзии развеялись. Город преобразился. Петербург вспыхнул, воссиял королем ночи. Во мне шевельнулся дар, и я увидела истину.

Напротив меня стоял вампир. Древний, исполненный мерцанием кожи под бледным светом луны, которая в кои-то веки решила самолично взглянуть на ночную северную столицу. Уж не этот ли коварный хитрец приманил полнооую ночную богиню? Вампир почуял упавшую ширму реальности, взглянул прямо в мои глаза своими пугающе горящими во мраке. Я угадала – ночной охотник. Вот почему спрашивал позволения войти – без него бы не смог.

- «Случайная встреча — это ещё не жест судьбы, но уже улыбка на краешке ее губ», - вымолвил он, склонившись в поклоне. – Будьте моей госпожой этой ночью, мадам Созерцательница.

- О, ты цитируешь Макса Фрая, - не зная, как мне быть сказала я, отступая от его опасного образа. Руки сами при-

нялись поправлять складки на домашней одежде, к случаю прискорбно не подходящей. – А как же твой бизнес?

- Бизнес и прочую ересь оставим за ширмой дня, моя госпожа, - он выпрямился и показался удивительно красивым. Словно все черты человека чуть сместились, в одночасье сделавшись идеальными. – Признаться, я никак не ожидал встретить кого-то из вашего славного племени сегодня и здесь – в юдоли дождей. Почтите же меня своим обществом, Созерцательница.

Я ничего не понимала. Какое такое племя? Откуда столько тонкого почтения в голосе? Почему нахальный парень вдруг обернулся бессмертным мифическим существом, к которому, стоит признать, удивительно влекло. И, хотя это было совершенно не в моих правилах - в последнее время всё шло не как полагается, поэтому, вздохнув, чувствуя себя оказавшейся на пороге в неизвестность, где с равным успехом сокрыто либо чудо, либо пропасть, — я шагнула. Приняла его руку.

Он улыбнулся криво и загадочно, обнажив острые клыки, принял руку и совершив неожиданно легкое, почти танцевальное движение, закружил меня. Оглянуться не успела, как оказалась прижатой к сильной груди. Однако, какой высокий! Как приятно от него пахнет, теперь ещё и опасностью. Я положила ладонь на крепкий торс – прохладный, не ледяной, совсем даже не мертвый – зря болтают про «нежить». Мёртвое не пахнет так, что хочется вдыхать и вдыхать.

- Так ты вампир? – сказала я, и прозвучало это до ужаса наивно, почти глупо. – Эм-м-м, прости.

Он засмеялся, не надменно, а как-то совсем по-простому, словно спросила его: «ты обрезан»?

- Давай-ка заново познакомимся. Меня зовут Барри Энгельстоун. Я и впрямь вампир. Скажу без ложной скромности – высший. Поэтому отринь страхи – пить тебя я не собираюсь. Не то чтобы мне этого не хотелось, просто зачем портить первое впечатление? И уж тем более, остаться в памяти Созерцательницы бесчестным кровопийцей. Сама понимаешь, какие последствия могут произойти.

- Разумеется, последствия... - сощурилась я, словно и впрямь понимала, о чем он. – Честно говоря, мне несколько недостаёт опыта в общении с вашим... племенем, так что будь, пожалуйста, терпелив, если скажу какую-нибудь глупость.

- Обожаю глупости! – склонившись, шепнул он на ухо. Губы почти коснулись мочки, поцеловали дыханием.

Вдруг пол ушел из-под ног, мир обернулся вокруг своей оси, как перед обмороком, я ахнула и обнаружила себя на крыше. Не просто на крыше, на самом ее краешке – внизу пропасть, огни города, игрушечные машинки. Непременно бы упала, если бы сильные руки Барри не держали, не прижимали бережно и нежно, так крепко, так уверенно, что страх, на миг поглотивший сознание, треснул льдом, начал крошиться, уступая место восторгу.

- Это... Это невероятно! – воскликнула я, хотя голос чуть дрогнул. – Барри, что ты сделал?

- Перенес нас в очень красиво место, - сказал он едва ли громко и дыхание коснулось щеки. – Тебе нравится?

- Слушай, вообще-то я – знатная трусиха и не делай так больше, но тут невероятно! Словно мы на краю мира. Ты уверен, что крепко держишь?

- Уверен, - улыбка прорезалась в слове.

Поборов остатки страха, я с огромным трудом оторвала свои руки от его и расправив плечи, раскинула их в стороны. Как в «Титанике». Только вместо воды — город. Город под нами тек сияющим океаном магистралей, подмигивал светфорами, пялился глазами витрин, точно не веря – эких дураков повстречал! Я засмеялась, глядя на безумное великолепие внизу. Впервые за долгое, очень долгое время, испытала укол счастья. Короткий. Колкий. Как вакцина от всего, что случилось раньше днем.

Развернулась и прижалась к обнажённому торсу своего проводника в ночь. Словно не познакомилась с ним час назад. Словно знала давно. Словно мы не посторонние. Так оно и становилось: нас успела связать как минимум одна общая тайна — это приключение на краю. Там, где кончаются правила и начинается чувства.

Словно подслушав мысли, а может, и впрямь их услышав, Барри, который глядел не отрывая глаз, попутно наматывая выпавший локон моих волос на указательный палец, спро-

сил:

- А ведь ты мне пока не открыла своего имени, Созерцательница...

- Отчего же? — отстранилась я, взглянув на него снизу вверх. — Меня зовут Лиза.

- Хм, а мне слышалось Алина...

- Ой! — краска залила лицо, аж щеки полыхнули алым. — Прости! Я совершенно не умею врать, сам видишь — запуталась на ровном месте.

Он хохотал без злобы. Ему впрямь стало весело. И мне тоже, сквозь смущение.

— Но, послушай, Созерцательница, ты вольна назваться хоть Кариной, хоть Наташей, хоть Лизой. Это имена одного толка — шелуха. Имя-ширма, имена для всех прочих, но не для нас с тобой. Открой мне секрет: как тебя зовут на самом деле?

— Но... у меня нет другого имени, — расстроилась я. И вдруг поняла, что это снова неправда. Есть. Просто я его не знаю. Или забыла. Или никогда не слышала. — И что-то мне подсказывает, тебе это уже известно.

Он отступил. Помог спуститься с парапета на пологую поверхность. На крыше обнаружилось что-то вроде мансарды со столиком и тонкими стульчиками — будто сплетёнными из лоз, обращённых в металл. Руки мастера, который знал — красота должна быть хрупкой на вид.

— Ты права. Нечто в этом духе я и подозревал, — под-

мигнул Барри. — Не могу поверить собственному везению: встретить не просто Созерцательницу, но ещё и засвидетельствовать её имя перед ликом святой ночи.

Он отвел меня на другую сторону здания. Оттуда открылся вид на старый город — не слишком высокий, пропитанный историей, тайнами, воспоминаниями тысяч людей — заложников вековых зданий. Узкие высокие окна отбрасывали теплый желтый свет, словно не сговариваясь все обитатели квартир решили нынешней ночью зажечь свечи. Огоньки слабо мигали, как пламя на приветливом ветру. Как в храме.

— Юная леди, посмотри внимательно на то, что ты видишь. И, не думая излишне долго — дабы не смутить истину сомнениями — назови имя, которое придёт на ум первым. Произнеси его достаточно громко, чтобы город услышал, чтобы ночь забыла обо всех остальных, приняв тебя в свои объятия точно любимую дочь.

Вот опять. Глупость несусветная! Но... Хватит с меня злой обыденности. Раз предлагают — включайся в игру! Я забыла обо всём и подчинилась напутствиям вампира. Зажмурилась, чувствуя в груди невероятное волнение, точно это не шутка, не просто так, а и впрямь — таинство. Рождение. Начало чего-то большего, чем я сама. Волна тепла поднялась от кончиков пальцев босых ног, достигла горла, губ, кольнув кончик языка.

— Эльза, — шепнула я беззвучно. А потом, без подсказок, по наитию, закричала в ночь: — Эльза! Моё имя Эльза! Эй,

слышишь, богиня-ночь? Я — твоя дочь, Эльза!

Ночь ответила мякнувшей кошкой. Кошка испуганно удрала, а я засмеялась.

- Барри, Барри – это прекрасно! Как же мне сейчас хорошо!

Он стоял в стороне тоже босой, со скрещенными на груди руками. Глядел в прищуре наставника как на ученицу, что не подвела возложенных надежд. Или на чудо, которому помог состояться.

— Кто бы мог подумать, — сказал он. — Мне посчастливилось встретить красавицу с именем самой Снежной королевы.

— Ах, как-то даже не подумала про ту Эльзу, — засмеялась я. — Неужели это подсознательное? Выбрала имя диснеевской принцессы — вот растяпа! Это ты виноват — поторапливал! Но я и сама хороша: могла бы подольше подумать. Постой, а можно всё переиграть? Стать, например, Ариэль? Ариэль больше подходит — я ведь, как и она, рыжая...

- Боюсь, уже поздно, - Барри притворился расстроенным, и это было видно в приподнятом уголке губ. – Взгляни на небо во-о-н там...

Я проследила за направлением его руки и обомлела.

Питер вновь обложили облака. Невидимые в ночи — их выдавала только исключительная прожорливость. Все звёзды они уже подъели, кроме ровного круглого пятка прямо над головой. Там точно невидимый столб поднялся от зем-

ли прямым в космос. В круглое отверстие с идеально ровными краями на меня кучно глядели звёзды. Сколько же их было! Тьма. Должно быть, отпихивали подружек, лишь бы пролезть поближе к краю, хотя бы одним глазком взглянуть на новоявленную... кого? Неужто меня? Меня?!

Голова закружилась от игры в «гляделки» со звездами.

Барри шагнул, обнял и рука соскользнула по спине на талию, дальше, ниже. Так непринуждённо легко, выдав опытного соблазнителя.

- Ночь и я засвидетельствовали твое новое имя, Созерцательница. Ты – особенная и нету такой другой. Носи его с гордостью, помни, где обрела. Сохрани в сердце и памяти, ибо только это имеет значение, ведь в этом вся ты.

Он склонил голову и коснулся лбом моего лба. Терпкий аромат кожи смешивался с теплом дыхания — его и моего. Граница между «я» и «ты» истончилась. Ничего более волнительного со мной прежде не случилось.

- К тому же, будь ты Ариэль, - спустя минуту сказал Барри, добавив в голос сахар. - Ума не приложу, чем бы мы занялись дальше. У нее же хвост.

Я прыснула, прижимаясь к нему плотнее. Фразочка вышла на «троечку». Не слишком-то высокопарно для высшего вампира, больше подходит Борису, но, с другой стороны... Он хотя бы остался честен. Озвучил свои желания. Когда же в молчании различил согласие, легко поднял на руки. Я обняла вампира за шею. Думала, мы полетим над неспящим

городом. Но нет. Вновь волна головокружения, и мы на балконе. Теперь уже его.

А дальше в его постели.

И простыни льнули к коже, споря с поцелуями, кто нежней. И руки сплетались с руками, обнимали, искали, щеко-тали, находя скрытое. То, что я сама от себя прятала. Пальцы утопали в волосах, звали, просили не останавливаться. Щеки горели. Губы жгли. Глаза полыхали – его истинным бес-смертным огнем. Я узнала, как соблазнителен может быть страх. Как он без слов спорит с доверием, сливаясь с ним, как наши тела сливались в неге, полной истомы, страсти и удо-вольствия. Две противоположности, обреченные расстаться. Но, если уж встречаются - это неминуемо приводит к взрыву. И я подрывалась как мина, найденная его миноискателем. Как нимфа в руках божества, что, породив ее, потом убива-ет. Искры сыпались на подушки и гасли на потной коже.

Знала, ждала, была готова. Его поцелуи стремились вы-ше, становясь настойчивее, нетерпеливей, пока не достигли шеи, где артерия трепетала от бешеного биения сердца, влек-ла его, испытывала. Он маялся, терзаемый не только влече-нием, но и жадой. Мне же вдруг сделалось не страшно. Всё равно. Я отпустила поводья судьбы. Будь что будет. Довери-лась, не имея сил противиться. Доверилась тому, кому ни в коем случае доверять нельзя, но только не этой ночью. В ночь второго рождения - можно. Опаленная страстью, тлела в объятиях крепких рук. Смерть так смерть – не боюсь. Бар-

ри чувал. Всё угадал. Всё знал про меня.

И губы сомкнулись на шее. И я затерялась во тьме.

Два ангела и ключ от всех дверей

— Лиза... Лиза! — оттолкнув горничную ворвался в номер отец. Он выглядел так, будто только что подавился. — Ты с ума сошла!..

Замер на пороге спальни. Прикрыл глаза — то ли от наготы дочери, то ли от утреннего света. Сделал вид, что от света.

— Оденься, пожалуйста, — отвернулся. — Лиза, я понимаю, то, что на тебя свалилось, — это всё ужасно. Но как ты могла? Мы с Галей всю полицию на уши поставили! А ты в соседнем номере черт знает с кем...

— Трахаюсь? — подсказала дочь.

— Да! — крикнул он, тут же взяв себя в руки. — То есть ты взрослая и сама решаешь. Но можно было хотя бы предупредить!

— Прости, — безжизненно отозвалась она, трогая шею. — А где Барри... То есть Борис?

— Кто?! — отец аж осип.

В комнату заглянула горничная — глазки бегают в предвкушении повода для новых сплетен с товарками.

- Постоялец этого номера съехал рано утром, еще до рассвета. Номер оплачен, в том числе мини-бар.

- Очень по-джентельменски с его стороны, - съязвил отец.

- Съехал, - беззвучно повторила Лиза и поплелась вслед

за родителем.

Если мужчина исчезает до того, как ты проснулась, — это не его побег. Это диагноз тебе как женщине. Внеочередной диагноз.

Четверть часа спустя она стояла перед зеркалом в ванной и боялась взглянуть на шею. Чтобы отсрочить момент, раздалась полностью, предстала в отражении вся как есть. Не слишком высокая, не слишком «нормальная», скорее, худая — вон и ребра торчат. Зато руки хороши тоненькие — ими красиво страдать, заламывая у груди. Грудь могла бы быть и больше, но ведь могла оказаться меньше. Ноги прямые, как у той девушки, о которой в универе все говорят «она могла стать моделью, но ей лень». Лиза трогала себя, водила пальцами по коже, вспоминая минувшую ночь, прикосновения Б...

Неверная память истончалась, как утренний туман, и таяла, таяла, таяла... В голове всё смешалось, словно приключившееся с ней было не на самом деле, словно сон. Ночь забрала тайны с собой. Лизе вдруг показалось — ничего такого с ней не произошло. Поболтали с Борисом, потом, захмелевшие, перелезли к нему на балкон, посмеялись, допили остатки из мини-бара, а дальше всё как-то само собой пошло, когда он стянул с нее блузку потной ладонью.

Нет, неправда. Совсем не так всё было. Испугавшись потерять остатки чудесного приключения, испугавшись, что сходит с ума, Лиза решительно повернула шею к зеркалу. Засос.

Не очень видный синяк, достаточно далеко от синей венки. Больше ничего. Голая глупая героиня собственных фантазий в зеркале, которую мимоходом трахнули. Бледная, как моль, если исключить яркое пятно рыжих волос. А в молях, как известно, физика измеряет что-то очень малое, почти ничтожное количество вещества, и это совершенно точно про нее.

Моль с засосом.

Слизнув остатки ночной магии, на Лизу нашло какое-то странное оупение. Ничего не было, никаких таинств, пиптерских крыш, именований. И богиня, разумеется, на нее не глядела глазами звезд. Включила душ, потом долго сидела на кафеле, пока горячие капли бежали сверху вниз, не в силах вернуть душе хотя бы капельку тепла.

Пару часов спустя вернулись в медицинский центр. Отец подобрался, выглядел деловым и «сфокусированным» — его любимое слово. Лиза следовала за ним тенью из кабинета в кабинет. Оторванная от реальности, почти утратившая способность её воспринимать, она выпала из нее ещё на пороге гостиничного номера, когда, провожая их, Галя шепнула:

— Подруга, ну ты вчера отождгла! Прямо как я в молодости. Уважаю!

Иногда поддержка звучит как пощечина. Иногда ты больше всех достойна пощечин.

«Шлёп-шлёп» - шлепнули по вене, а потом проткнули иглой, навесив какую-то пластиковую сосиску и принялись качать кровь. Кровь покорно перетекала из Лизы в прозрачные

пробирки, а те выстраивались в плотный ряд на столе, как шоты в баре. Ей подумалось — в каждой набралось крови ровно на глоток. Лучше бы она отдала её Барри, хоть кто-то порадовался бы. Десять глотков Лизы остались в лаборатории, оставив ей боль, онемение в руке да тугой бинт поверх. Барри оставил бы гораздо больше. Почему он ее не укусил? Неужели и для него она оказалась недостаточно хороша? Или его отвратило порченное болезнью Лизино нутро?

Или не было Барри. Не было?

А вокруг только и разговоров, что о ее недуге. Все с прикусом жалости, аж скулы сводит от брошенных украдкой взглядов. Неужели медики не понимают — нет ничего хуже этих их взглядов. Уж лучше бы говорили прямо и в лицо — так честнее. «Девочка, мне жаль — ты умираешь», а не эта извиняющаяся грусть, которая аж кричит: «Ты умрешь, а я останусь. Прости, но круто, что не я на твоём месте».

— Простите, Вячеслав Андреевич отбыл на симпозиум в Милан, — сообщила девушка на ресепшине.

— Но это наш лечащий врач! — нахмурился отец. — Мы специально прилетели к нему из Москвы. Мне говорили, он лучший. Мне говорили, ваш центр — лучший, но выходит это совсем не так. Что за безалаберное отношение?

— Не переживайте, пожалуйста, — не отрываясь от монитора, проговорила девушка. — Вас примет Федор Сергеевич — он лучший, а его специализация как раз «высокодифф...»

Опять это слово-заклинание, впрочем, в голосе девушки

нет следа силы, как, вероятно, нет и хвоста, поэтому заклинание не работало.

— А когда и этот ваш Федор куда-нибудь «убудет», вы предложите нам ещё одного «лучшего» врача? — закипал отец. — Полагаю, у вас все без исключения «лучшие»?

— Так и есть, - игнорируя иронию, отозвалась равнодушно девушка-ресепшен. — Ваш кабинет номер сто три.

— Уму непостижимо! — вскинул руки отец.

— Уму непостижимо! — вскинул брови Федор Сергеевич, когда закончил изучать изрядно распухшую историю болезни Лизы. — Редчайший случай. По нему можно диссертацию писать. В столь юном возрасте, и сразу третья стадия. — Он осекся, поняв, что болтает лишнее. — Хм, про диссертацию я чисто гипотетически.

«Сразу видно - лучший».

Доктор воплощал собой все стереотипы, способные прийти на ум, когда представляешь мудрого профессора медицины. Щуплый, старый, с седой бородкой и круглыми очками Гарри Поттера.

— Вы похожи на Троцкого, — улыбнулся отец, когда знакомились.

— У меня и фамилия Бронштейн.

Лиза не понимала, о ком они. Что-то на стариковском. Наверное, какой-то гинеколог, потому что доктор по одной из специализаций оказался именно им. Лиза чувствовала себя кошкой, которую принесли на стерилизацию. Отца не выдво-

рили из кабинета, когда предложили ей раздеться, а потом занять место на худшем из всех кресел в мире — том, что с подлокотниками для ног. Какой бред! Хоть бы ширмой отгородили! Её отгородили. Вскоре Лиза поняла, насколько угадала с параллелью. К ней относились как к питомцу — бережно, но с постоянной оглядкой на владельца, который за питомца платит.

Когда пластиковый расширитель коснулся кожи там — всё сделалось настолько плохо, что, не в силах больше этого выносить, она отгородилась от мира ещё сильнее, запрятав разум и душу глубоко-глубоко внутри.

Спустя две вечности подряд, когда инструменты холодно лязгнули о металлическую чашу, когда экзекуция кончилась, когда еле живая слезла на пол, еле смогла проговорить:

— Папа, я — всё. Больше не могу.

Вышла из кабинета.

Медицинский центр оказался очень большим, в нём наблюдались многие похожие на нее. Брели тенями вдоль стеночки — умирали или поправлялись, сходу не скажешь. Лиза сидела, ничего не видя, но спустя полчаса увидела ангелов. Сразу двух. Мальчика и девочку. Смешные — лысые, лет шести. У девочки на лейкопластырь приклеен розовый бантик на затылок — в остальном идентичные. Они пробежали мимо в больничных распашонках к автомату с газировкой. Посмеялись, как умеют только ангелы, будто бы обещая светлое «завтра». Чего-то там пошушукались, подошли.

— Привет! — сказал мальчишка. — Я Карик, а это Валя — моя сестрица.

— Ага, — подтвердила Валя. — Ты, кстати, похожа на волшебницу. Как тебя зовут? А то нам запрещено разговаривать с незнакомцами, поэтому отвечай да поживей, чтобы стать нашим знакомцем!

Что-то встрепенулось под сердцем, оживая ягодкой в кубике льда.

— Я?.. Я Эльза. Приятно познакомиться. Мама мне читала про вас книжку. В далеком детстве.

— Про нас?! — Валя округлила глаза, а у самой край крыла выглядывает из-за спины — с белым пушком.

— Ты придумываешь! Что за книжка? — не поверил Карик, пряча свои с пушком рыжим.

Они и сами были бы рыжими — вон веснушки на обоих носках-пуговках. Да вот беда: волос нет.

Дождаясь ответа, Карик притопывал ногой, но терпение ангелов не безгранично. Пожал плечами:

— Мы подумали: раз ты похожа на волшебницу, значит, у тебя должна быть заговорённая карта. Или не карта, а монетка — но тоже непременно заговорённая, которая откроет сундук с сокровищами!

Я вдруг осознала: сама не знаю, что у меня есть, а чего нет. Эти сумочки — будь они неладны — вечно в них всякая дре-

бедень, а полезного не сыскать. Покопалась в своей «волшебной». Вытряхнула хлама больше, чем могло бы поместиться — говорю же, магия, что ещё? Действительно отыскала колоду карт.

— Боюсь, этим сундук с сокровищами не отопрешь, — вздохнул помрачневший Карик, и под глазами проявились синюшные тени.

— Пойдемте, что-нибудь придумаем!

Сундук с прозрачной стенкой хвастал детскими драгоценностями на любой вкус. Там хранился нектар смешного дерева — откроешь, а он как зашипит, защекочет нос. Леденцы хорошего настроения на палочках. Сладкие яйца с внезапными сокровищами вместо желтка. И тортики в разноцветной обёртке — эти волшебные сами по себе, от природы.

Я вспомнила: в потайном кармашке у меня хранится карта от всех дверей. Её однажды подарил отец — пластиковая по сути, но платиновая по факту. С нарисованным аленьким цветочком с одной стороны и длинным цифровым кодом от вечной тайны — с другой. Карта сияла скрытым волшебством. Никаких заклинаний не требовалось: стоило загадать желание, поднести — и вуаля. Чудо. Карта без труда открывала сундук снова и снова, каждый раз извлекая всё новые сокровища.

Ангелочки ликовали. Танцевали вокруг, смеялись перезвоном — к ужасу больничных стен, привыкших исключительно к проливным ливням слёз. Когда же подол Валиной

распашонки уже не мог вместить всё добытое, брат с сестрой схватили меня за рукава и потащили по лабиринту немало шокированных коридоров. Продолжая галдеть и смеяться.

Карик и Валя привели нас в тайную комнату. Туда, где от ужасов мира спряталось детство. Тут всё было под стать доброй сказке: розовые пони, принцессы, гномы на стенах, замок — правда, очень-очень маленький. Но я-то хорошо помнила историю про Карика и Валью. Знала их секрет. При желании эти двое способны уменьшаться до размера спичечной головки. Но «тс-с-с» — это тоже тайна.

Налопавшись вдоволь всякой чудесной снеди, мы сначала думали посмотреть мультфильмы. Но резонно решили: веселее во что-нибудь сыграть. Я достала колоду.

— Фу, карты — это не интересно, — протянула Валя.

— Ты просто не можешь их все запомнить! — засмеялся Карик. — А я умею играть в «дурака».

— Ты у нас здесь один — мальчик, — заметила мудрая Валя. — Можно не играть, и так понятно, кто дурак.

— Уважаемые ангелы, — провозгласила я. — Давайте не будем в «дурака». А сами придумаем свою собственную игру и сыграем в неё. Разве может быть что-то веселее?

Карик скептически скривился. Зато Валя — уже не пряча от меня — расправила крылышки за спиной. Они дрожали в нетерпеливом предвкушении.

— Давай!

— А ты странная, — Карик подсел ближе, сложив ноги по-

турецки. — Смотришь на нас, словно видишь то, чего нет.

— Ты разве не понял, дурында?! — воскликнула его сестра. — Она же Созерцательница! Ей положено видеть суть истины, а не глупые оболочки.

— Ого, живая Созерцательница? — уставился он на меня с неподдельным уважением, какое так трудно заслужить взрослому в детских глазах. — Никогда прежде не встречал! Ну, рассказывай, как играть.

Вот и снова меня именовали. Хоть бы узнать, что это значит — титул, статус? Барри говорил про «племя» — неужели национальность? Позднее обязательно обдумаю. Я отбросила лишние мысли и с головой погрузилась в кураж.

О! У нас вышла замечательная игра. Самой младшей картой в колоде оказался туз, на том простом основании, что на нём нарисован всего один символ. Самая сильная карта — дама, ведь девочек бить нельзя! Кто же её побьёт? От королей в игре было принято избавляться в первую очередь — ну, ей-богу, кому нравятся старые пердуны, которые знай себе только ворчат? Вальты получили титул глупышей. Шестерки — шестерок, без комментариев. Зато десятки ценились пуще всего. Близнецы знали, что десять раз по десять — это сто, но уверенно считать до ста пока не научились, поэтому уважали карту авансом.

— Быть может повторим набег на сундук с сокровищами? — предложила я, когда время пронеслось мимо птиц счастья, а за окнами начали сгущаться тени.

У ангелов глаза заблестели.

— Давай!

— Давай!

— Лиза, вот ты где?! Смотрю, сбегать от меня сделалось твоей привычкой...

Отец.

Лиза вздрогнула всем телом, как от болючего укола. Должно быть, в глаз что-то попало, а когда проморгалась, из мира точно вытянули все краски. Поднялась растерянная. Испуганные близнецы остались сидеть на полу, стыдливо пряча фантики за спиной, словно опасаясь наказания. За их плечами переносные стойки с капельницами. У Вали белая. У Карика рыжая.

— Ребята, простите, мне пора.

Уже в дверях Лиза обернулась, ей померещилось, что брат с сестрой сделались как будто бы меньше.

— Приходи ещё! – едва слышно сказал мальчик.

А девочка вдруг побледнела, и её стошнило.

Компаньонка

Отец говорил о болезни в такси, в лифте, в холле гостиницы, а потом повторил всё заново для Гали. Лиза не особенно вслушивалась. Все его многочисленные слова так или иначе сводились к простому знаменателю: ей хана. Но можно побороться. Но шанс всегда есть. Но терапия. Но молодой организм. Короче, ей хана, но не сразу.

«Отец даже не понимает, что звучит как радио «Маяк» - его никогда не слушают, но включают фоном, чтобы не оставаться с самим собой наедине».

Поздно вечером засобирались на ужин. Отцу позвонили, он выскочил из номера. Вернулся и сообщил к негодованию разодетой Гали, что ужинать будем не в ресторане, а прямо здесь.

— У меня новость, — сообщил он перед десертом. — Срочное дело в Москве. Собрание акционеров — пропустить нельзя. Утром я улетаю. А ты, дочь, переезжаешь в клинику. Не переживай, будешь жить в гостинице при больнице, а не в палате. Однако...

Лиза насторожилась. Впервые за день почти полностью вернулась в собственное тело. «Однако» не сулило ничего хорошего. Даже жизнь в лечебнице — а как её ни назови, это лечебница — пугала меньше.

— Твоё деструктивное поведение внушает серьёзные опасения, — одной рукой он сжал нож, а другой принялся стряхивать с рукава крошки, которых там не было. — Я не могу оставить тебя одну. Если ты опять испаришься, кто станет тебя искать? Срываться в ночь по любому поводу — у меня не выйдет. Одна в чужом городе... Лучше, чтобы с тобой осталась Галя.

— Нет! — ахнула я.

— Ну, уж не-е-ет, — отложила ложечку Галя, собираясь с силами перед истерикой. — Олежка...

— Стоп! — скомандовал отец. Сделал характерный жест в сторону жены, будто указал ей место, как собаке. Он умеет быть жестким. — В общем, я так и думал, что вы обе останетесь не в восторге. Поэтому, Лиза, хочу тебя кое-с-кем познакомить.

Отец встал и прошёл к двери. Отворил. На пороге оказалась самая необыкновенная женщина из всех, кого Лиза когда-либо встречала. Для полного впечатления не хватало только грома с молнией, чтобы как в кино. Постойте, она что, стояла там всё это время, пока они ужинали? Ждала?

Кто-то назвал бы женщину обладательницей «широкой кости» — кто-то от рождения деликатный. Потому что была она отъявленной толстушкой. Низенькой, почти квадратной. Мадам носила гардероб середины двадцатого века с отчаянием стилиста, ждущей, когда мода наконец завершит цикл и всё, что на ней сейчас надето, вновь обретет актуальность.

Тёмная блузка, расшитая чёрной бахромой. Тёмно-зелёная плиссированная юбка — такое ещё шьют? Ужасная аутентичная шляпка, из-под которой во все стороны торчали густые волосы-пружинки. И это могла бы быть химическая завивка советских времён, если бы не одно но. Волосы точно были натуральными. Так же точно, как и то, что их хозяйка являлась стопроцентной, натуральной негритянкой.

— Пи***ц, — плюхнулась на стул Галя, прикрывая рот.

Лиза внутренне извинилась перед гостьей. Не за «пи***ц» — тут как раз всё верно. А за «негритянку», поспешно исправившись на афроамериканку.

— Здравсьте! — по-простому приветствовала немолодая афроамериканка, бросив на полку увесистый саквояж. — Меня зовут Мэри, но можно Маша. А вы тут хорошо устроились, как погляжу. Живенько так. О, и торт для меня оставили? Спасибо, это я всегда не прочь...

Никакого акцента. Только лёгкий налёт говора, отсылающий удивительным образом прямиком в Пермь. Кто же она? Афророссиянка?

— Это Мэри, — опомнился наконец отец. — Она сиделка, и патронажная сестра, и...

— Олег, зачем пугаешь регалиями? — отмахнулась толстушка. — У меня даже зубы заныли — звучит паршиво. Мы же договорились. Я — компаньонка, как тамагоча. Ха! — она залилась громким грудным смехом. — Хотя, по правде говоря, наоборот. Какахи за мной убирать не надо, а я сама

в случае чего могу.

По пути к столу поставила в угол зонт. Кто вообще сегодня пользуется зонтами? Все давно поменяли их на каршеринг.

«Пипец», — внутренне согласилась Лиза с мачехой. Она ещё вполне жива, почти здорова, а отец приволок в дом нянюку, у которой, судя по звукам из саквояжа, больничная утка уже с собой, наготове.

«Очень изобретательный способ сказать «ты скоро умрешь». Спасибо, папа».

— Вам должно быть интересно, откуда я? — толстушка без приглашения заняла место за столом, собирая на чайное блюдо остатки угощений. Делать нечего, оторопевшая семья вернулась на свои места поодаль. — Из Сенегала, должно быть подумали вы? Почему-то все уверены, будто я из Сенегала. Ха! Когда училась в РУДН, у нас даже команда КВН называлась «Галки-Синегалки» — потому что мы чёрные как галки. Галки же чёрные, да? Потому что мы якобы из Сенегала, хотя на самом деле потому, что вечно были синими — не просыхали, ну вы понимаете. Ха-ха-ха!

Стоит отдать должное, хохотала Мэри заразительно. Невозможно хмуриться, если рядом кто-то заходится таким естественным, заливистым смехом, да ещё похрюкивает время от времени.

— На самом деле я из Перми, — продолжила болтать положенным по праву рождения речитативом темнокожая

КВНщица. — В восемьдесят первом родилась — сечёте? Ну? — она с сомнением глянула на Лизу, перевела взгляд огромных чёрных глаз на Галю... — Так, с этими всё ясно. Но ты-то, Олег, должен догадаться?

— Дитя олимпиады? — налил он ей вина.

— Золотая медаль за эрудицию отходит вашему отцу! — излишне прямолинейно польстила Гале будущая сиделка Лизы. — Мой папенька и впрямь из Африки. Все думают: мол, легкоатлет, наверное, какой-нибудь бегун... Чем им там в пустыне ещё заниматься, если не за ягуарами гоняться, ага? Была такая мысль? Угадала? Ха! На самом деле мой папенька был шахматистом. А матушка обожала умных и скромных парней. Всю зарплату швеи потратила на билетик в первый ряд, специально из Перми прикатила. Но папенька продул в первой же партии Карпову. А дальше? Немного поддержки, пара слов на ломаном английском — мы все на нём плохо говорим, фамильная черта. Ха! Немного русских пирожков — и матушка добилась своего. Увезла из Москвы то, за чем приезжала — меня в пузе!

Мэри всё болтала и болтала. Дикая, глупая ситуация. И нервы натянуты до предела. И вроде бы ничего хорошего — ведь она вошла в их жизнь только по одной причине. Из-за случившейся ужасной беды.

Однако...

Почему-то поздний вечер с появлением этой странной женщины вдруг преобразился. Немного погода заledenев-

ший от недосказанности и печали гостиничный номер вдруг начал оттаивать. Сначала Галя хохотнула. Потом отец спрятал улыбку в усы. Словно весенний ветерок с запахом первых цветов дунул, вымел отзвук смерти, пообещав надежду на будущее. И отцовское «Однако» показалось не таким уж страшным, когда незаметно для других, рассказывая историю про починку старого жигулёнка, на котором потом укатила в столицу, Мэри положила свою ладонь на ладонь Лизы. И хоть несла она в это время неимоверную чушь, их глаза встретились. Лиза с удивлением обнаружила в них столько доброго тепла, понимания, заботы, что смутилась. Ведь, как ни старалась, не смогла углядеть главного — обречённой жалости.

«Надо же, и предположить не могла, как это приятно — не жалость».

Отец к концу вечера в Мэри чуть ли не влюбился. Лиза начала подозревать, что та задержится в их семье надолго. Возможно, навсегда. То есть даже после того, как сама Лиза... Ну, в общем, понятно — смотрины удались.

— Что ж, — подвёл черту отец. — Пансион мы с вами обсудили заранее. Надеюсь, вопросов не возникло? Тогда приступаете с завтрашнего дня.

Кресло, когда она поднялась, казалось, выдохнуло от облегчения. Мэри было много, многое с её приходом изменится, и этого не избежать, хотя бы потому, что уходя, она положила в прихожей монетку.

— Чтобы наверняка вернуться. Ведь я так-то нарасхват. Ха! — подмигнула Лизе.

Когда двери за ней закрылись, Галя сказала:

— Сначала я сомневалась, но, чёрт побери, Олежка. Нанять негритянку — это гениальная идея.

Вот и всё. Что конкретно она подразумевала, осталось невысказанным. Ведь как бы ни было удивительно, больше Мэри не обсуждали. А что может стать лучшей похвалой, если не отсутствие пересудов за спиной?

Люди, которые слышат

Существует ли во взаимоотношениях между двумя людьми более неловкий момент, чем тот, когда вы впервые остаётесь наедине? Когда вокруг другие — проще. Поведение, реакции, фразы диктует этикет, приправленный общими правилами игры. Оставшись тет-а-тет, правила выходят за дверь вместе с последним свидетелем, перемещая тебя на тропинку, ведущую в неизвестность. Тропинка может завести куда угодно. Вот и страшно. Во всяком случае, если ты кто-то социально-кастрированный вроде Лизы.

Так она размышляла, когда двери за уезжающими закрылись.

Уходя, отец сообщил:

— Я тебя люблю.

— И я тебя люблю.

— И я тебя люблю, — сказала Галя, глядя на отца.

Мэри любила тортики, поэтому промолчала.

Когда же они остались наедине, в улыбке надзирательницы почудилось что-то хищное. Натуральная Черная бодипозитивная Пантера.

Хотелось бы продолжить: «Всё утро они переезжали», но вряд ли это могло быть правдой, если весь твой хилый скарб уместился в один чемодан для ручной клади. Отец

обещал прислать вещи курьером, но когда это ещё будет... Лиза сделала всего несколько шагов по своему новому «дому» — просторному номеру гостиничной части больницы (или больничной гостиницы?). Упала на диван, погрузившись в смартфон. Точнее в приложение «заметки», где обитали нестройные ряды разрозненных обрывков памяти с лёгким налётом дневникового флёра, хотя по факту — коротенькие бредовые фразы, годные разве что для подписей в соцсетях.

«Может, мне завести блог?» — подумала Лиза. «Буду писать туда пронзительно и метко, огнём слова высекая искры огня душевного из сердец читателей. Назову как-нибудь пафосно, вроде: "Как томительно я угасала"».

— Так, ну всё, подруга, хватит умирать! — скомандовала Мэри, отбирая у неё телефон. — Пойдём на разведку, узнаем, как тут всё устроено.

— Больше никогда так не делайте, — с металлом в голосе проговорила Лиза, забирая смартфон обратно. — Я вам не дочь и не рабыня. Вы — наёмная служащая и будете делать то, что я велю. Так вот — не смейте трогать мой айфон. Никогда.

Мэри изобразила на лице утрированную обиду. Даже пухлые губы задрожали — невозможно не улыбнуться. Лиза устояла.

— Ладно-ладно, мир? — капитулировала, подняв руки и усмехнувшись, толстуха. — А теперь, когда мы выяснили,

что яйца у тебя есть, давай всё-таки обследуем НАШ новый дом.

Она подхватила Лизу под локоть и потащила за собой.

Гостиница, как и больница, располагалась за городом — никакого шума Северной столицы и её суеты за окнами. В номере — просторная гостиная с кухней, две крошечные комнаты-спальни и чудесная мансарда, выходящая на настоящий — даже удивительно — сосновый перелесок. «Вот где я буду проводить всё свободное время», — подумала Лиза, восторженно разглядывая огромный балкон. Диван-качели, столик из ротанга, плетёные кресла, чудесный вид на ленивые деревья с четвёртого этажа.

— Грязновато тут, — провела пальцем по столу Мэри.
— Но чистота — дело наживное, вмиг всё поправим!

И неожиданно швырнула Лизе мокрую тряпку.

— Приступай!

Лиза обомлела от такой наглости, но рука с тряпкой автоматически провела по пыльному подлокотнику, двинулась дальше. Сама не заметила, как обнаружила себя протирающей листья декоративной пальмы в кадке, следом балконную балюстраду, следом стены, а там и до окон дело дошло.

В наушниках изысканно страдала Sade — вечная музыка. Ей же отчего-то страдать расхотелось. Это даже контрастировало на фоне общей трагедии — как если бы Sade запела Sigma Girl. Откуда-то появились силы, захотелось сделать что-то ещё, словно она не умирает в больничной гостинице,

а гостит.

Придумала фразочку, тут же записав ее в заметки
*Барометр суицидальности: Собираясь умереть — окна
мыть не станешь.*

Нет.

У смертников окна всегда грязные.

Нет.

*Ты можешь раком заболеть, но вымыть форточку обя-
зан!.*

Недовольно мотнула головой и всё удалила.

Лиза закончила с балконом, повернулась и обомлела.

На полу на коленях сидела Мэри. Откуда-то притащила
цветастый коврик и делала что? Молилась?!

— О боже мой, — выдохнула Лиза. — Это что, намаз?
Так вы ещё и мусульманка?

— А что такого? — Мэри замерла в неглубоком поклоне
на солнце. — Если ты возражаешь, можешь считать йогой.
Йога же вписывается в твоё избалованное мироустройство?

— Вовсе я не избалованная! — румянец залил щёки. —
Просто... просто представила вас в хиджабе...

— Да-да, — между делом отмахнулась Мэри. — Я уже
слышала эту шутку: «Чёрная жаба в хиджабе». Неоригиналь-
но. Как-то раз увидав меня в платке называли «Жирной нин-
дзей» — это уже веселей.

— Я вовсе ничего такого не имела в виду, — вскинула
подбородок Лиза, направляясь к той спальне, что выбрала

для себя. — Вера — личное дело каждого...

— ...но проверить, на месте ли моя бомба, не помешает?
— закончила за неё Мэри.

— Да что с вами не так?! Откуда это всё? Я вам что-то сделала?

— Вовсе нет. Просто ты какая-то полумёртвая, словно на помойке поела. Решила тебя расшевелить.

— Имею право. У меня вообще-то диагноз!

— Диагноз: «ест на помойке». Ха!

Лиза аж дар речи потеряла. Так и стояла с открытым ртом. А потом фыркнула и, хотя совсем не планировала, рассмеялась.

День стелился скатертью-самобранкой, где все блюда оказались порченными. Врач — обследование — анализы — врач. Фёдор Сергеевич попытался было разговаривать с Лизой, но встретив стену отрицания (наверняка не впервые за свою многолетнюю, если не вековую, практику), переключился на Мэри. Они повторяли на разные лады страшное заклинание её болезни, которое больше не работало. Осмелев, Лиза даже сама беззвучно, одними губами, попыталась повторить это имя: «Высокодифференцированная серозная карцинома матки». Слово отозвалось пульсирующей болью в висках. Никто не заметил. Мэри и доктор обсуждали план лечения и операций. Не «операцию», а именно «операций» - во множественном числе. Дьявол.

«Наверное, мне стоило бы проявлять побольше рвения,

ведь речь о моей жизни», — логично подумала Лиза и тут же послала логику куда подальше. Ок. Если отбросить рацию, остаётся эмоцио. «Чего бы мне сейчас хотелось больше всего? Магазиновый шопинг — утомляет. Заказать какую-нибудь красивую безделушку с доставкой? Тоже нет — картинки вечно врут, а приходит китайская дешёвка. Поплакать? Было бы неплохо, да лицо опухнет. Поговорить? Но разве найдётся в целом мире тот, кто услышит, поймёт, кто-то на личном опыте знающий липкий страх, когда неожиданно узнаёшь — долгой длинной жизни в твоей сказке не случится. Конец — вон он, уже мерещится невдалеке».

— ...дважды в неделю в центре проводятся группы поддержки, — привлекла её внимание одна из множества фраз Фёдора Сергеевича. — Запишем Лизу?

Они с сомнением покосились на неё. Лиза писала в заметки:

Ощущение, будто я редкая лабубу, прицепленная на рюкзак чужой судьбы. Про меня изредка вспоминают, но в основном нет. Кто-то увидит мельком — усмехнётся, подумав: брелок на удачу. Но ведь правда в том, что на "неудачу".

Мэри кивнула:

— Однозначно запишем.

И отвела её на маникюр.

— Собрание сегодня, да? — на обратном пути поинтересовалась Лиза.

— Да, вечером. Зайдём, сделаем укладку?

— Мы словно к выпускному балу готовимся, а не к встрече смертельно больных.

— Пожалуй, ты права, — пожала плечами Мэри. — Укладку можно не делать. Ты всё равно там будешь самая красивая. У тебя хотя бы есть волосы.

— ...тебе не кажется, это уже перебор?

— Чёрный юмор со мной с самого рождения, если ты не заметила. — Мэри всучила ей объёмистые пакеты с едой, притормозив у винного отдела. — Жди здесь. А я за бутылочкой. Тебе не предлагаю — тебе теперь ничего нельзя.

«А она крутая! — подумала Лиза. — Раскусила меня». Если бы Мэри окружила её пристальной заботой, принялась сдувать пылинки, наварила, чего доброго, куриного бульона или ежеминутно заглядывала в глаза, выискивая признаки мыслей «а не покончить ли всё разом», Лиза бы точно повесилась. Она и так подумывала об этом. Как не думать?

Знакомый привычный мир в одночасье рухнул. На его развалинах ничего нового не проклюнулось — только вытоптанная волчья тропка в круг из единственной мысли «я умру». Всё самое страшное, чего боится каждый, произошло. Оказалось, никакой защиты нет. И если «завтра» ещё будет, то «через год» — уже вряд ли. Хотя, как узнала Лиза, врачи отчего-то меряют перспективы раковых больных пятилетиями. Каждый вариант, подвид или сорт недуга с общим названием в конце описания имеет единственно важное резюме: выживаемость в течение пяти лет — ...%. В её случае

двадцать семь со звёздочкой. А под звёздочкой: «если...», «в случае...», «при удачном стечении...», «с учётом...». В общем, меньше. Поэтому Лиза решила не загадывать, а попробовать жить сегодня и здесь. Но для сильнодействующих препаратов всё же выделила укромное местечко в сумке. Потому что в случае чего — вешаться, ну, право, скверный вариант. То ли дело таблетки.

Планы на жизнь у смертельно больного человека всегда включают два пункта: "дожить до завтра" и "иметь под рукой способ не дожить до послезавтра".

В 19:45 она стояла в дверях помещения для собраний группы поддержки. Никаких карт раскидывать не пришлось, чтобы предсказать антураж в точности. Мёртвый свет галогеновых ламп залил просторную комнату без окон — располагалась она на цокольном этаже, читай: в подвале. Большой тканевый экран, как бельмо на стене. Столик справа с самыми дешёвыми печенюшками и чайными пакетиками. В центре — круг из одинаковых раскладных стульчиков. В его центре кто-то предусмотрительно бросил на пол прямоугольную коробку с торчащими бумажными салфетками для слёз.

Весело, очевидно, не будет.

— Здравствуй, Лиза! — подошла к ней высокая худая женщина в длинном платье цвета слоновой кости с вышив-

кой и без пояска. Платье висело на ней, как на вешалке, словно под ним скелет. — Меня зовут Анфиса. Я — модератор группы. Добро пожаловать! Начинаем ровно в восемь, никого не ждём. Тебе, наверное, не по себе? Не переживай. Ребята у нас замечательные. Но если не захочешь, сегодня можешь ничего не говорить, просто слушать. Ты сама почувствуешь момент, когда возникнет потребность раскрыться.

Она говорила торжественно, с паузами, словно работала на аудиторию. Положила субтильную руку на плечо, слегка сжала. У неё была мальчишья, очень короткая стрижка — 5, плавно переходящие в 10 миллиметров волос. Волос, отросших с проплешинами. Причёска победительницы опухли, вероятно, забравшей у владелицы грудь.

— Привет! Ты новенькая? — подкатила следом юная девушка на кресле-каталке в очень-очень оверсайз-свитере в катышках. — Я Элли, здесь уже давненько. Рак груди, — бросила беглый взгляд выцветших серых глаз на бледном лице с желтушным налётом. — Да, я — уникальная девчонка, доказываю профессорам, что рак груди бывает не только после 45 и беременностей. Мы с Анфисой вроде как две противоположности на весах одной болезни.

— Лиза... — Лиза замялась — ещё не свыклась с ярлыком собственного вида рака. — Рак матки.

— Ого. По тебе уже пишут диссертацию? Нас тут всех разобрали на диссертации. Только Макс с аденокарциномой ходит в аутсайдерах. Обычный рак лёгких. Добавить тебя в

нашу группу? — и протянула руку за смартфоном.

— Да, пожалуйста.

Пока тянулись оставшиеся минуты до встречи, Лиза изучала группу в мессенджере. Вернее, их было две. Группа собрания с модератором называлась «Путь надежды», а без модератора — «Груз 200 2020». 244 участника. Много больше 200 «были в сети давно».

Наконец Анфиса, стоявшая у дверей как привратник, затворила створки и прошла к столику с древней bluetooth-колонкой. Включила. Помещение наполнил совершенно неуместный птичий щебет за шелестом ветерка в листве — какая пошлость. Народ потянулся к стульям.

Всего в собрании помимо модератора принимали участие девять человек. В основном подростки от 14 до 18, в основном девчонки. Лиза из девчонок оказалась самой старшей. И волосы у всех на месте, ну, почти у всех. Тот самый Макс присел по левую руку от Лизы, улыбнулся, сделал глазки. Был он очень-очень... миленький. Сказал неожиданным манерным баском (если это вообще возможно):

— Добро пожаловать в наш дурдом.

Похоже, парень компенсировал банальный подвид рака небанальным внешним видом. Сублильный, лет семнадцати, хорошо одет. Его брови вызвали ревность, ведь были оформлены лучше, чем у Лизы. Эти двое могли бы подружиться, если бы не одно «но». Макс дышал с просто-таки ужасающими хрипами, точно ему девяносто, точно внутри него ап-

парат искусственного дыхания. Лиза поспешно отвернулась, пряча жалость во взгляде, желая, чтобы он не успел её разглядеть.

Жалость похожа на желчь, только хуже. Желчь хотя бы проявляют, а жалость подсознательно прячут, потому что она - худшее из зол.

Элли в своём кресле заняла место в круге напротив, перешептывалась с соседками — совсем ещё девчонками. Девчонками с глазами взрослых женщин, выдавших чересчур многое. Кто тоже на каталках, кто на антидепрессантах, кто на финишной прямой. Элли помахала ей. В группе оказалось ещё двое парней. Старшие. Один в военной форме, которая добавляла минимум лет пять к возрасту. Лиза даже предположить не могла, что он участник — приняла за охранника. Впрочем, от кого их охранять? Драки уж точно ожидать не стоило. Второй — жгучий брюнет с явно южными корнями. А глаза — надо же — фисташковые! Прошёл бы кастинг в любую турецкую мелодраму.

— Всем доброго вечера, — начала Анфиса. Прямая, словно швабру проглотила. Даже руки сложила по линеечке на коленях. — Давайте откроем наше собрание минутой молчания, которую вы можете использовать по своему усмотрению. После чего мы произнесём молитву о душевном покое.

Тишина. Только птички поют. Только Макс дышит.

Дзинь!

Лиза чуть сквозь землю не провалилась под железобетон-

ным взглядом Анфисы. Вот тупица — не отключила звук! Исправилась, успев прочитав сообщение в мессенджере от Марата: «Что за красotka на группе? Пряма тигрица! Ррр!».

Мило.

— Боже, даруй мне смирение принять то, что я не могу изменить, мужество изменить то, что могу, и мудрость отличить одно от другого, — пафосно проговорила Анфиса за всех собравшихся. А дальше задала ужасно глупый вопрос: — Есть ли здесь новички, которые присутствуют на собрании в первый раз?

Лизе стало неуютно, когда все глаза обратились к ней. Очевидно, единственным новичком была она.

— Э-э-э, я — Лиза, здравствуйте, — краска залила лицо.

Анфиса тут же вскинула руки, словно она дирижёр, а остальные — побитый оркестр.

— Добро пожаловать, Лиза! — нестройным хором, вразнобой отозвалась группа. — Мы рады видеть новые лица на наших собраниях.

Брюнет подмигнул, собрал ладони в замок — потрянул перед собой: мол, привет, или не дрейфь. Парень в форме хмыкнул на Марата (а это, очевидно, был Марат) и насупился на Лизу, буравя взглядом. Такого сходу не прочтешь.

Мило.

Удовлетворённая Анфиса кивнула.

— После собрания желающие остаются на чаепитие, где вы сможете познакомиться. А пока...

Она зачитала длинную торжественную формулу, делая слишком много пауз, наполняя каждую благодарностью чему-то за что-то.

— Кто начнёт сегодняшнее собрание? Есть желающие высказаться?

Руку подняла Элли.

— Я — Элли, — сказала она, обращаясь словно бы к одной Лизе. — У меня кое-что произошло с прошлой встречи. Я тут уже второй месяц. Почти столько же встречалась с одним парнем — Костей, вы помните Костю? Блондин с остеосаркомой? — самой Элли на вид лет пятнадцать, шустрая девчонка. — У Кости ремиссия, и он позавчера уехал домой в Красноярск. Перед этим сообщил, что мы расстаёмся. Я как бы и не надеялась на продолжение... — хотя видно было, что надеялась. — Но это меня ранило. Зато на следующий день пришли результаты свежего скрининга, которые показали, что мои метастазы уменьшились. Мама так рада! А я... Я теперь не знаю, радоваться или горевать. Согласитесь, странное совпадение. Слово Костя уехал, но оставил мне частицу своего здоровья. — Глаза у Элли заблестели, но она подняла худенькое лицо повыше и улыбнулась почти счастливо, будто извиняясь за это. — Что думаете?

— Элли, спасибо за твою историю, — встряла Анфиса, выставив перед собой ладонь. — Но я должна напомнить: мы не просим совета и не высказываем собственных суждений о других. Мы делимся личным опытом, чтобы остальные мог-

ли использовать его на собственном пути.

— Да, конечно, — отозвалась Элли.

А Лизе будто бы сделалось нечем дышать. Или, может, близость к Максусу так повлияла. Она живо представила, как это продолжится. Ещё семь историй посторонних людей. И ни единой надежды, что они окажутся оптимистичными. Лиза вглядывалась в лица собравшихся, не находя ничего знакомого по университету и всем-всем её знакомым. Где снобизм? Пренебрежение? Рисовка на публику? Понты? Они все какие-то... Хотела было использовать слово «странные», а потом поняла — «нормальные»! Такие, какими должны быть люди. Слушают. В кои-то веки люди слушают друг друга! Незнакомая девочка приобняла Элли, поддержала. Неужели им и вправду не всё равно?

И, дивясь самой себе, внутренне затыкая себе рот, противясь изо всех сил, Лиза подняла руку.

— О, Лиза, — оживилась Анфиса. — Мы все с удовольствием тебя послушаем.

— Простите, я должна заново представиться. Меня зовут Эльза...

Печать луны

Головокружение — как будто я застыла на верхней точке качелей, в метре от неба — вот оно — рукой подать, а следом полетела вниз, будто у меня выросли крылья, а лететь не научилась.

Я открыла глаза. Не упала и чувств не лишилась, к счастью. Но очутилась в совершенно ином месте. В бальной комнате королевского замка. Не успела толком ничего рассмотреть, как невидимые музыканты в тенях опустили смычки на струны — и залу наполнила старинная скрипичная мелодия. Изысканная. В тройном такте. Чуть печальная, как воспоминание о том, чего со мной никогда не происходило. Или происходило во снах.

Что это? На мне платье с огромным кринолином — рюши, шелка, банты, складки. И под ним, если верить ощущениям, ещё и шёлковые панталоны. Вот же угораздило.

Ветерок шевельнул локон у щеки — умышленно высвобожденный из замысловатой причёски. Ветерок как от кондиционера, но чу: у стены справа шелест, там замер плечистый темнокожий великан. Мускулистый мавр — раб в одной набедренной повязке. В его огромных руках — опахало из лебединых перьев такого размера, что им можно разогнать тучу. Вот откуда воздух.

По залу, украшенному рукой талантливого декоратора gobеленами, картинами и античными статуями, плыл запах цветов, цветочных духов и розового вина. Слышен приглушённый женский смех. Я не одна. Многие другие тоже здесь, тоже разодетые, сразу видно — знать. Выходит, и я теперь одна из них? Не успела опомниться, как:

— Ваша светлость, позвольте пригласить вас на танец.

Передо мной в выверенном поклоне склонился мужчина. Его костюм — неожиданно розовый, архаичного кроя, словно сошедший с портрета века так восемнадцатого навскидку — шокировал. Когда же мужчина выпрямился, я узнала его.

— Макс!

— Прощаю вашу фамильярность, мадам. Но, дабы избежать косых взглядов и досужих пересудов, рекомендую называть меня полным именем — Максимилиан.

— Ох, милорд, — сказала я, принимая его руку и правила игры. — Счастлива, что не Максимус. Брутальность вам не к лицу.

Его лицо — ухоженное, лишь чуть напыженное, бесспорно красивое — каким-то непостижимым образом отразило сразу и кокетство, и согласие, и лёгкий укор за отсутствие комплимента. Он повел нас под музыку в центр зала. Струнные заиграли громче. Струнные обещали и требовали движения. Максимилиан закружил. Максимилиан был мастером — подхватывал, поддерживал, хранил осанку, демонстрируя высший пилотаж. Разумеется, как и все девчонки

поколения Z, я была обречена на танцевальный кружок с пяти лет. Но сейчас серьёзно усомнилась в полученных навыках. Как бы не ударить в грязь лицом. Ведь все смотрели.

А все смотрели.

— Вы правы, — наконец проговорил Максимилиан, даже не сбив дыхания, хотя танцевал он так, будто тренировался каждый день по три часа. — Вся брутальность нынешним вечером брошена на алтарь вашей исключительной красоты. Вы только посмотрите на капрала Асташенка.

Он играючи развернул меня к зрителям, на миг зафиксировав выпад, чтобы я разглядела в стороне от всех прочих подтянутого мужчину. Солдатская выправка, короткий ёжик пшеничных волос, мундир с пуговицами, сияющими точно зеркала. Мужчинам красота необязательна, но этому она шла. Разве что смотрел он исподлобья. Скажем прямо, не слишком-то приветливо.

— Хм, боюсь-боюсь! — шепнул Максимилиан мне на ухо. — Боюсь не ошибиться, предположив, что мысленно наш капрал уже мстит мне за то, что я похитил ваш первый танец. Так и представляю, как он вонзает в мое тело свою длинную, упругую, мужественную, возможно, слегка искривлённую набок... саблю. Ха! Готов биться об заклад: следующий ваш танец будет принадлежать ему. И несдобровать юному Мцыри, если тот попробует на него посягнуть.

Он умудрился аж в двух местах изогнуть соболиную бровь, кивнув на самое яркое пятно в зале. Там, напротив ве-

личественного канделябра с сотней трепетных свечей, будто перенимая их золотое сияние, в парче и бесстыдном восточном китче стоял... падишах. Вернее, Мцыри или Марат в одежде падишаха. Глядел своими фисташковыми глазами с прищуром, с нахальной, но не унижающей ни его, ни моё достоинство усмешкой. Даже представить сложно, как много девушек мечтают, чтобы на них однажды посмотрели вот так — обещающая непокой. Накал, безумие, борьбу, эмоциональные ссоры и страсти ночных примирений — сколько угодно, через край. Но не покой.

— Думаю, пару минут назад, мысленно раздевая вас — а он, бесспорно, занят именно этим, — наш Мцыри добрался до самого что ни на есть нижнего белья. Смею предположить, сегодня вы пришли на бал во всеоружии?.. О, поглядите, как играют желваки, как кривятся губы. Никак миг назад им была сорвана подвязка с вашей ножки!

— Максимилиан, — зарделась я. — Вы меня смущаете. Да и господину Мцыри в дальнейшем придётся туго с чулками на новеньком поясе с хитроумными застёжками — такими игривыми, на французский манер. Моя гувернантка, и та с ними едва управляется.

Партнёр по танцевальному приключению захохотал.

— Вы полны сюрпризов, миледи.

Паркет под ногами сиял, благоухал воском. Мы чуть не летали. Восторженное сердце ликовало. Почему музыка не кончается? Как мудры были композиторы прошлого, когда

несли в мир искусство просторного вальса. Не чета нынешним медлякам по три минуты — без прелюдий, кульминаций и отступающего финала. Как скверный секс.

Мы танцевали. Бальный зал кружился, отливая красками радости. Даже усталость, засевавшая много месяцев назад где-то в подреберье, казалось, отступила. Я улыбалась, совсем не думая о том, что же значат эти мои выпадания за ширму бытия. В мир, сотканный из фантазий.

Но вот музыканты сделали паузу.

— Ваша светлость, — розовый костюм Максимилиана склонился в поклоне. — Был счастлив разделить с вами мгновения вечера, лишь благодаря вам переставшего быть томным.

— Ваша светлость, — тут же предложил мне руку в идеальной тканевой перчатке капрал Асташенок, материализовавшийся справа. — Могу ли я претендовать...

— Миледи, — загорелая рука слева — без перчатки, что, видимо, не очень-то прилично в обществе. — Прошу, окажите милость разделить с вами музыкальный момент... — фисташковые глаза блестят, обещают.

А я глядела в дальний край зала. Там несколько юных леди — кажется, их называют старлетками? — сбились в группку, спрятались за веерами, недовольно покачивая кринолинами. Стреляли в мою сторону взглядами, как пистолетными пулями — выискались тоже дуэлянтки! Впрочем, их можно понять: сомнительная незнакомка вторглась столь нагло на

их праздник, захватила внимание единственных кавалеров. Тех, кому предназначались их платья, причёски, веера.

Мне было всё равно. Инъекция счастья ещё бежала по венам, кружа голову.

Я подняла ладонь перед собой, не умея сделать выбор. Мужчины истолковали всё верно.

— Танец — это маленькая смерть, Эльза, — поклонился Мцыри. — Я приглашаю вас умереть со мной на несколько сладостных минут, а следом воскреснуть под взглядами завистников.

А сам глядит. Искушает.

Асташенок побледнел, плохо скрывая досаду.

— Я не умею изъясняться метафоричным туманом, госпожа Созерцательница. Но если вам нужен танец без придворной лжи — примите моё предложение и надежную руку.

Он щёлкнул каблуком, как огрел лошадь плеткой.

Улыбнувшись, я приняла руку того, кто назвал меня где-то в другой реальности «тигрицей». Пусть кое-кто поумерит спесь — это полезно. «Кое-кто» побледнел пуще прежнего, сглотнул обиду выдающимся кадыком, отступил.

Музыканты — их лёгкие образы скорее угадывались в позолоте драпировок, чем были видны — взяли свежий аккорд.

Мцыри движением опытного любовника обхватил меня за талию и прижал к себе чуть плотнее, чем того требовалось. Мы закружились и голова закружилась от плотного аромата эфирных масел — корицы и бергамота, главных нот его во-

сточного парфюма. Фисташковые очи на мужественном лице — точно вырубленном из камня скульптором-новичком, который ещё не научился сглаживать углы. Кавалер, конечно, побрился перед балом, но густая иссиня-чёрная щетина уже успела чуть прорасти. Я как наяву представила его торс под укрытием парчи и шёлка. Наверняка сплошь волосатый, как у зверя, как у... медведя.

Боже, неужели оборотень?

Подозрение округлило мои глаза. «Сумерки» какие-то.

Мцыри точно читал мысли. Усмехнулся, отвёл взгляд в поддельной скромности и следом вернул. Взгляд скользнул снизу вверх, бесстыдно задержавшись у моего декольте.

Влечение и риск — вот что чувствуешь, находясь с таким рядом.

— Мы с вами весьма яркая пара, — проговорил он с едва уловимым акцентом. — Даже хозяйка вечера удостоила нас взглядом. Хотя обычно она не склонна проявлять хоть сколько-то энтузиазма.

— Хозяйка вечера? — не поняла я. Подумала: как неосмотрительно с моей стороны было обо всём забыть, увлёкшись танцевальным волнением.

— Богиня Этта, разумеется, — он указал подбородком на стену за моей спиной и развернул нас. — Властительница терзаний всех собравшихся. Дум и болей. Свидетельница нашей тусклой печали и обреченного увядания.

Там, на невысоком подиуме с ведущими к нему ступеня-

ми, стоял трон. Богатый, инкрустированный золотом и турмалином. На троне восседала удивительная женщина в белом подвенечном платье. За её спиной — обширная панель, стилизованная под горизонт с заходящим солнцем. Женщина казалась тоненькой, как былинка в поле на закате. Но при этом противоречиво масштабной — на порядок крупнее любого человека. Словно иссохшая великанша. Её голову венчала диадема с острыми выступами — отсылающими к терновым шипам — с россыпью рубинов. Выглядела Богиня изможденной: спину не держала, более того, облокотившись на руку, по всей видимости, дремала.

— Боюсь показаться невежей, — сказала я, возвращаясь из пируэта. — Но не могу припомнить, богиней чего является хозяйка вечера?

— Моя леди, сколь лестно для меня стать вашим проводником в тайны мира — как те, что на виду, словно монеты на прилавке лавочника, так и те, что почивают за пологом ночных балдахин, куда не всякий дерзнёт заглянуть, — вот и двусмысленные намеки пожаловали! - Этта — богиня мнимого шанса, новой попытки и чудес, коих не ждёшь. А ещё отчаяния, безусловно. Все мы — её дети, молящие о милости, но так редко получающие дары. Все мы - нищие, протянувшие шляпу под дождь, в которую вместо монет падают капли — глупо ждём золотого отблеска, получая лишь то, что должно.

— Сир, прошу меня простить, — без иронии сказала я, но

тут же спохватилась: — Вы совершенно не походите на нищего, и уж тем паче молящего. Вот ни чуточки! Скорее уж на «безапелляционно претендующего». На «берущего всё, до чего возможно дотянуться». На «желающего большего, как щенок, облизывающийся на целую тушку запечённой индейки»!

С последним я, пожалуй, переборщила. Впрочем, моего кавалера замечание ничуть не смутило — напротив, он улыбался всё шире, с азартом охотника, настигающего добычу.

— О, какие точные эпитеты! Мне следует прислать к вам на обучение придворного льстеца. А то его комплименты, увы, сделались весьма однобоки — как молитвы, которые читают больше по привычке, не вкладывая души.

— Мы могли бы обмениваться льстецами, — я подумала о Мэри. — Мой так вовсе ни на что не годен, только на колкости горазд.

— Увы, как бы прекрасно ни сплетались их слова, на фоне проклятий, под мрачными крыльями коих все мы ходим, они не более чем отсыревшие спички. Чиркнешь — а вместо пламени одна вонь.

— Проклятия?

— Миледи, я очарован вашей игрой, — не понял он серьёзности моего вопроса, увлекая в танце за собой. — Отраднo, что и на краю неизбежной развязки нет-нет да мелькнёт проблеск света, позволяющий сохранить лицо и крупинцы гордости. Не ошибусь, если предположу: со мной соглас-

ны все присутствующие на сегодняшнем вечере. В чём в самое ближайшее время мы, несомненно, убедимся. Вы — ярчайшая звезда несчастных будней и главное событие нашего тоскливого приговора. Благодарю вас...

— Но за что?..

И музыка оборвалась.

В возникшей тишине старлетки оглушительно зашуршали накрахмаленными юбками, освобождая центр зала, где в отсутствии партнёров танцевали в одиночестве. Краем глаза я видела их вымученные па, полные драматичных полупоклонов, вскинутых рук, странноватых жестов, выражающих на языке тела болезненную тоску. Я было последовала за ними, но наткнулась на острый взгляд капрала — холодный и яростный. Замерла. За моей спиной послышался лёгкий звук ткани, отсылающий к крыльям крупной бабочки.

— Ваше сиятельство, богиня... — раздался негромкий юный голос. Я обернулась, с трудом узнав — Элли. — ...и многоуважаемые гости.

За «ширмой реальности» — так я решила именовать чудесное место, куда всякий раз выпадала, стоило назвать моё ночное имя — Элли изменилась разительно. Во-первых, не была прикована к креслу. Более того — она парила. Под кринолином её платья едва различимые ступни в балетных пуантах чуть-чуть не касались пола. Её наряд в лазурных тонах подчёркивал хрупкость, но отнюдь не болезненность. Короткие густо напмаженные волосы собраны в причудливые за-

витки на лбу. Во-вторых, Элли светилась. Самая настоящая фея — только волшебной палочки не хватало. Впрочем, ей шло и так.

— Дражайшие сородичи, избранные тени сего божественного чертога! — Элли воздела руки, и в голосе её зазвела нежданная сила, какой я прежде не слыхала. — День сей, а уж тем паче вечер, ознаменован радостью, какой не знали эти стены со времён, когда звёзды смотрели на землю иначе. Сегодняшнее торжество окрылено известием, что заставляет трепетать самые чёрствые сердца. С восторгом и трепетом представляю вам нашу драгоценную гостью, её великолепие — госпожу, дарующую надежду на будущее за пеленой *Finis fatalis*, несущую слово, увековечивающую память...

Мне стало любопытно: о ком она говорит?

— Мисс Эльза, — Элли торжественно вскинула руки, и платье её взметнулось, точно лепестки ночного цветка. — Созерцательница. Персона грата нашего вечера!

Второй раз за какой-то час мне сделалось до ужаса дискомфортно. А я-то было подумала: реальность за ширмой — это какой-то защитный механизм сознания, оберегающий от переживаний. Ан нет. Извечные мои спутницы — тягостная скромность, нездоровая боязнь внимания, тревожное расстройство — все на месте, тут как тут. Кровь отхлынула от лица, когда на ватных ногах я прошла в центр зала, под приглашающий жест Элли, под гнётом взглядов, поклонов, даже реверансов. Хорошо хоть богиня не проснулась — даже глаз

не открыла, только сделала многозначительный жест одними пальцами: мол, не возражает.

Я на всякий случай поклонилась.

— Ваша светлость, соблаговолите ли засвидетельствовать откровения нескольких из нас? — улыбнулась Элли. Невидимые слуги уже принесли к ступеням у трона гору подушек, соорудив для меня подобие ложа. — Мы все страстно желаем вашего внимания. Однако насильственное вторжение — неподходящий путь...

Я как раз примостилась у ног богини, когда музыканты заиграли негромкую, скромно-неяркую мелодию — струны точно с опаской тревожили воздух. Гости перестали дышать. С опозданием осознала, что пропустила вопрос, поэтому просто кивнула. Элли развернулась к залу, собираясь обратиться к собравшимся, когда неожиданно раздался голос Этты — сильный, с надломом, будто треснувшее зеркало заговорило человеческим ртом:

*- И ветра, воющего пыль,
и лепестков пыльца
спасутся. Коль запечатлит
их Созерцательница.*

*Не грянет гром судьбы,
Бессмертия не явит ночь,
Но в памяти ее воскреснет*

Твоя душа. Точь-в-точь.

Глаза богини сверкнули двумя северными звёздами — я как раз оглянулась — и скрылись под веками в следующее мгновение, словно ничего не было.

— Элли, начни ты, — обронила богиня и вновь погрузилась в дремоту.

Элли, обескураженная не меньше меня, быстро заморгала, прижала тонкие руки к груди. Вряд ли ожидала такого поворота. Но быстро подобралась, подлетела ближе, замерла в поклоне дольше необходимого.

— Моя госпожа... Мисс Созерцательница. — Голос дрогнул, когда она поднялась, и слова полились, спотыкаясь, как ручеёк о камни, постепенно набирая силу. — Я... Я была цветком, что пророс в тени старого леса. Ещё будучи ростком, тот цветок похитил древний дракон и заточил в горшок со стеклянной крышкой. Забытая в глубинах каменного чрева сокровищницы бессмертного коллекционера, я чахла без зимнего солнца. Не зная, каков на вкус свет лета и как пахнет осенний закат. Не слыша обещаний весенних ветров — тех, что перебирают лепестки, будто струны. Я думала, так и пронесётся жизнь мимо. Не слишком долгая, не слишком заметная. Пылинка в луче, которого нет.

Но однажды в сокровищницу чудовища пробрался юноша. Отчаянный — тот, кто не считал шаги, помышляя об обратном пути. Сокровищница была полна: золото сияло, как

закат на воде, камни переливались всеми снами мира. Но из этих сокровищ он почему-то выбрал меня.

Юноша глядел на цветок так, словно в нём было нечто большее, чем зелень да алый бутон. Он стал первым, кто поднял крышку. Касался лепестков с волнением, словно боялся, что они рассыплются от трепетной страсти в его дыхании. — Элли смущённо спрятала глаза. — Однако юноша знал: из логова старого дракона ничего не унести. Стоит дерзнуть — и чудовище проснётся, а зубастая пасть его станет последним, что увидишь.

Скрепя сердце — или, быть может, только сделав вид, — однажды ночью юноша простился со своим цветком и ушёл как был — с пустыми руками. Но когда наступило утро, я обнаружила свой горшок на новом месте. Он перенёс его на самый верх пещеры. Туда, где в камне единственная щель — узкая, как удивление, — но из неё на меня теперь глядел огромный внешний мир. Впервые солнце поцеловало лепестки живым теплом. Ветер дотронулся до листьев, и я узнала, что у воздуха есть запах земли и далёкой воды. Я увидела небо — огромное, непривычное, ватное облаками. И этого для меня стало достаточно.

Она помолчала, глядя на собственные тонкие пальцы, а потом продолжила тише:

— Госпожа, я узнала, что подвиг — это не только самопожертвование. А простое небезразличие. Самый малый поступок становится великим, если совершён в порыве сердца.

Если обращён к тому, кем дорожишь. Если этот поступок — ключ. Не для тебя. Для другого. Того, кого ты на самом деле любишь.

Элли еле заметно дрожала. Я вдруг поняла, насколько для неё важно произнесённое. Кто-то сказал бы: ничего такого, обычная банальность. Но для неё это было откровением и оттого звучало в воздухе громче слов, неспособных отразить все полутона значений.

— Таково моё последнее слово! — воскликнула Элли, глядя одновременно на меня и куда-то дальше, вглубь мира. Сжала кулачки. — Это и есть мой *Ultimum verbum*. Госпожа, узрите меня. И пусть откровение сохранится, пройдя сквозь будущность, сделавшись сутью предстоящего.

Я — поражённая, растроганная, не знающая, как должно поступать, — онемела. Глядела, понимая и не понимая происходящего. Глядела на Элли, на пылицу, кружившуюся в воздухе...

И вдруг сделалось так, будто пылица — золотая пудра — кружит не в бальном зале, а только лишь вокруг меня. Легчайший порыв поднял целое мерцающее глиттером облако — как золу в догоревшем костре на опушке спящего леса. Закружил, повёл, взбаламутил. Клянусь, я слышала звон. И струнные. И поющий хор детских голосов — когда искусное волшебство пробудилось.

Мириады горящих золотом искр окутали меня, окружающее пространство, круг. Впитали из него сказанное, испили

каждое слово до дна и устремились к Элли. Золотой вихрь подхватил её в объятия. Бесконечно удивлённая, с огромными восторженными глазами, она неожиданно засмеялась — словно ей стало щекотно. Словно произошло долгожданное чудо.

Элли поднялась на метр от пола, раскрылась навстречу урагану невесомых пылинок. Приняла дар. Или обещание. Или благословение — я не знаю, чем это было. Но это, без сомнения, стало лучшим из всего, что когда-либо происходило со мной. Да и с Элли, наверное, тоже. Пыльца облепила юную фею, полыхнула ослепительной вспышкой. А когда, моргнув мгновение спустя, я открыла глаза, никакой магической пыли не стало. Только лицо Элли сияло счастьем, а на её лбу тлела печать в форме золотого полумесяца. Но и та вскоре исчезла, поблекнув окончательно.

Свет вернулся в балльный зал.

— Спасибо, — прошептала Элли одними губами, склоняясь в низком реверансе. — Спасибо вам, дорогая Созерцательница! Вы даже не представляете, как я благодарна!

А дальше обернулась к собравшимся — они наблюдали за нами, разинув рты, — и воскликнула:

— Свершилось! Чудо произошло! Моё слово отныне со мной навсегда. Я буду нести его и сегодня, и впредь. Свершилось, вы слышите?

К Элли подбежали подруги, облепили со всех сторон, обнимали, поздравляли, увели.

Я встретила взгляд капрала — прямой, честный, словно бы он... Не знаю. Гордится? Не собой. Нет. Мною. Капрал Асташенок коротко кивнул, щёлкнул каблуком, ударил кулаком правой руки в грудь напротив сердца — своего рода отдал честь?

Как странно. Как странно, но оказалось, что этот его жест для меня много значил.

Я кивнула в ответ, улыбнувшись краешком губ.

— Ну, девочка, смотрю, ты неплохо справилась! — встретила Лизу Мэри на выходе из помещения для собраний группы поддержки. — Идём, нам уже пора.

— Но по плану у нас ещё чаепитие, — вынырнул из ниоткуда Марат, попытавшись взять Лизу под локоть.

— Молодой человек, — остановила его Мэри. — Чаепития, если я ничего не путаю, устраивают школьникам в школах. А моей компаньонке сейчас нужно перевести дух...

— Мы бы хотели сами её проводить, — не спасовал Марат, взглянув на подросшего Асташенка.

— Вы? — усмехнулась та. — Проводить? Сразу вдвоём или всё же по очереди? Ха! Послушайте меня, парни. Давайте-ка вы займётесь своими делами — обмениваетесь аккаунтами в «Стиме», или мемами в «Тик-токе», или чем там сегодня занимаются желторотые мальчишки? А нам с Лизой пора.

— Э-э-э, какие такие желторотые?! — с бравадой крикнул Марат. — Мы давным-давно совершеннолетние! Просто тут ещё дети...

Но они уже ушли.

Совершеннолетие парни уже имеют право купить энергетики сами, полагая, что и всё остальное теперь им причитается по первому слову, стоит лишь предъявить паспорт. Словно девичьи сердца автоматически должны перед ними распахиваться, как двери военкомата.

Поздний вечер неуверенно топтался на пороге ночи и, сдавшись, ретировался, стоило фонарям в парке у лечебницы брызнуть тусклым светом. Двое шли неспеша, наслаждаясь свежей прохладой. Кузнечики пиликали в траве вразнобой. Деревья в безветрии обернулись чёрными неподвижными статуями. Никакой гармонии. Лиза не чувствовала ног — так вымоталась, что перед глазами стоял туман. Вроде ничего особенного не делала, но по ощущениям — точно генеральную уборку провела в их московском поместье.

— Мне показалось, — тихо сказала Мэри, — тебе хотелось уйти, поэтому я и притормозила парней. Извини, если ошиблась.

— Ничего, всё нормально. Хватит с меня на сегодня общества.

— Как ты?

— Не знаю... Мне кажется, я схожу с ума. — Лиза потёрла виски — голова разболелась, как после трёх выпитых ко-

фе натошак. — Меня преследуют странные видения. Даже говорить о них страшно. Всё равно никто не поверит.

— Ты про мир за ширмой реальности, да? — как бы между прочим подсказала компаньонша. — Дело житейское. Многие поначалу удивляются...

Лиза обомлела. Сделала несколько шагов и присела на лавочку в круге фонарного света, в круге кустов шиповника, окружённая вопросами без ответов.

— Так вы о нём знаете?

— Я много о чём знаю, — присела рядом Мэри. — Много вижу, но мало что смогу рассказать, потому что в этой истории я лишь второстепенный персонаж. — Мэри подняла глаза куда-то высоко — то ли к небу без звёзд, то ли к девятому этажу ближайшего корпуса, сияющего огнями окон. Загадочно произнесла: — Ведь правда, автор?

— Автор? Вы так обращаетесь к... богу?

— Богу? Ха! Можно и так сказать. Впрочем, разве это важно? Важнее, что происходит с тобой. Расскажи мне, как прошло ваше собрание?

Что ж, если уж сходить с ума, то хотя бы в компании.

Лиза задумалась, забралась на скамейку с ногами, положив голову на колени.

— Это был бал во дворце богини Этты. Меня все приветствовали, словно я особенная, а потом начали рассказывать удивительные истории. Сначала Элли...

— Да-да, славная девчонка Элли, — перебила Мэри, —

но про неё мне хорошо известно. Кто-то ещё?

— Потом была её подруга Кейт. Кейт рассказала про встречу с Синей Бородой. Хотя мне показалось, её история была про несвободу и абьюз. Когда ничего нельзя сделать. Когда на поверхности ничего не видно, но тебя тошнит, и ты словно попал в капкан или темницу... А вообще, наверное, она говорила про своего отца. И ей каким-то образом удалось вынести из, казалось бы, безвыходной ситуации соль. Абьюз возможен, если его позволяют. Сильная девчонка — это Кейт. Что до меня? Не знаю. Я очень запуталась...

Мэри положила тёплую пухлую руку на плечо Лизы.

— А пыльца была?

— Ага, была.

— Молодец, девочка. Ты всё правильно сделала. Выслушала их истории, укрепила то, чему они их научили.

— Мэри, но я не понимаю! Что всё это значит? Ведь я самая обычная. У меня рак, как и у всех в этом онкодиспансере. Во мне нет ничего примечательного. Откуда видения? И почему меня все зовут созерцательницей?

— Потому что ты она и есть — Созерцательница.

Мэри достала из огромной сумки шоколадный пончик, откусила, не предложив подопечной второй такой. Долго жевала, к счастью, почти беззвучно. Похоже, собиралась с мыслями, как та студентка перед экзаменом, которая ничего не учила, но верит в силу шоколада, который активизирует мозг и удачу не получить неуд.

— Ладно. Коль уж мне выпала роль проводника, — наконец, отряхнув крошки с чёрного вязаного пончо, сказала она, — давай я кое-чего тебе объясню. Видишь ли... Так случается: некоторые люди, оказываясь на грани жизни и смерти, или пережив сильное потрясение, или став случайными свидетелями чуда, обретают дар видеть немного больше. Не только оболочку мира вокруг, но и его сокрытую суть. Вот как это работает: когда ты смотришь в зеркало, что ты видишь?

— Неудачницу со смертельной болезнью?

— Хм... Я не совсем это имела в виду, но допустим. А когда ты в зеркало не смотришь, как ты себя представляешь? Тоже хворой неудачницей?

— Да.

— А вот и нет! И не ври мне, пожалуйста. Все мы существуем в двух планах бытия. Физический отражают зеркала. А второй — истинный образ — способен увидеть далеко не каждый. Это касается не только людей, но и самого мира. Он тоже существует сразу здесь и там. Поэтому комнаты превращаются в бальные залы, больницы — в дворцы, а девочки на инвалидных креслах — в летучих фей. Это дар, Лиза — видеть настоящее, скрытое от остальных за ширмой.

Когда толстая негритянка в пончо говорит тебе, что у тебя дар, остается два варианта: либо записаться к психиатру, либо съесть то, что употребляет она.

Лиза с трудом соображала. Устала и немного злилась на

Мэри за непредложенный пончик, подозревая о его существовании в недрах огромной сумки. Конечно, она бы отказалась, предложи ей его, но всё же чуть-чуть злилась.

— Допустим. Пусть звучит как полный бред, но допустим, вы правы — у меня не поехала крыша, и я научилась видеть другой «план бытия», как бы дико это ни звучало. При чём тут Созерцательница? Это другое название интроверта? Да? Ведь я - он и есть.

Мэри прыснула:

— Если бы каждый интроверт был Созерцателем, мы бы давно жили в раю! Созерцатели — очень редкий вид волшебных существ. Они что-то вроде колдунов! Но успокойся, колдовать ты не можешь. Магия Созерцателей врождённая, интуитивная, почти неуправляемая. Такие, как ты, создают новые скрепы мироздания, а ещё укрепляют души и сердца.

— Знаете, вот вы говорите-говорите, а яснее не становится, — вздохнула Лиза и, признав собственное поражение на всех фронтах, добавила: — У вас нет, случайно, ещё пончиков? Очень хочется.

Мэри достала из сумки целый бумажный пакет со сладостями.

— Угощайся! Видишь, как бумага пропиталась маслом и сиропом? Съешь пончик, и он сразу же отложится в жир на боках. А знаешь, почему? — она подмигнула, улыбаясь. — Потому что я тебе об этом сказала! А если бы ты не знала, всё было бы иначе. Съела бы и ничего не заметила — ма-

гия вкусной еды... Шучу! Но правда в том, что так работает дар Созерцательницы. Вот как, по-твоему, в нашем мире всё устроено?

— Хм-м-м... Родилась — страдала — умерла?

— Да, но это у женщин. Парням сложнее. У них другая формула: родился — побыл во всём неправ — потом уже умер.

Лиза хмыкнула, показав, что шутку приняла, но не улыбнулась. В лучах света красиво порхали ночные мотыльки — как обрывки чьих-то забытых снов. Помолчали.

— На самом деле, — Мэри тоже наблюдала за танцем бабочек, — каждое живое существо за свой век обрывает опыт, знаниями, мудростью, иногда редкими откровениями, способными изменить саму суть души. Да вот беда: после смерти жизненный опыт обнуляется. Проходит время, и мы возвращаемся в реальность, в новое тело, начиная каждый раз с чистого листа. Перерождаемся, начисто забывая былое. Свои порывы, мечты, зарок. Будто ничего прежде не было. Будто мы пустышки. Это грустно. Это ужасно несправедливо. Возможно, поэтому провидение, или высшие силы, или бог — называй как хочешь — создали Созерцателей.

Лишь раз человек может прийти к Созерцателю и поведать ему мотив собственного сердца. Рассказать главную историю жизни. Указать на алую нить, ведущую его от начала до конца. На то, что сделало его тем, кем он в итоге стал. А Созерцатель, выслушав, закрепляет его главный момент пе-

чатку Луны в самой сердцевине бессмертной души, чтобы никогда не забылся. И тысячи жизней спустя эта память в виде образа, грани характера, харизмы или мечты останется с человеком. Grande destino. Un dono sacro. Засвидетельствовано Созерцательницей. Число, подпись.

Лиза без особого желания доела пончик.

— Такая себе у вас космогоническая теория, дорогая компаньонша. Звучит поэтично, но совершенно неправдоподобно.

— Или так, или ты сбрендила, ловишь глюки, и вместе с химией тебе ещё показана электросудорожная терапия — проще говоря, прожарка мозгов от помешательства.

— Ясно.

Поверила ли Лиза? Трудно сказать. Она и сама не знала. Но внутри что-то щёлкнуло, как переключатель в старом холодильнике — вроде бы и не должен работать, а морозит. Зерно истины было посеяно.

— На сегодня с тебя хватит, — сказала, поднимаясь, Мэри. — Идём. Лучше расскажи мне про тех парней, что пускали на тебя слюни... Этот пушистый — больно нагловатый. А второй — красавчик. Как тебе?

Труба звучащего кошмара

Весь следующий день они провели в стенах лечебницы (хотя больше подошло бы слово «застенках»). Снова анализы, консилиум врачей. С обречённой неизбежностью всё чаще звучало «оперативное вмешательство». Лиза, жмуря глаза в безнадёге, сжимаясь внутри тела в крошечный комочек — размером с тот самый орган, который собирались отнять, — постепенно училась принимать неотвратимость удаления опухоли. А вместе с ней и матки.

Липкий страх терзал сильнее холодных врачебных инструментов, чьи проникновения в тело уже сделались будничными, почти как чистка зубов. Не так уж долго ей удалось побыть женщиной. Совершеннолетие плюс один год — вот и всё. Конечно, потом, после «вмешательства» (придумали же слово — будто речь о вмешательстве в рецепт пирога), она не перестанет ею быть. Но уже не полноценной женщиной. А кем-то с грудью. Кем-то с пожизненной терапией эстрогеном.

Впрочем, «пожизненно» — громкое слово. Её «пожизненно» продлится не так уж долго. Пятилетняя выживаемость — меньше двадцати семи процентов. Метастазы яркими вкраплениями на негативах КТ не внушают надежд. Доктора подбадривали: «Перспективно! Главное — подобрать

препараты для химиотерапии, тогда телоотреагирует».

Когда врачи говорят «перспективно» никогда не знаешь для кого: для тебя или их научной работы по тебе.

Утро нового дня началось со звонка. Отец, конечно. Отец звонил постоянно, по три-четыре раза в сутки. Говорил, поддерживал, обещал, пытался зарядить верой во «всё будет хорошо». Только Лиза слишком хорошо его знала — слышала между строк, как он не к месту сглатывает комок, как нет-нет да дрогнет знакомый голос. Когда эту дрожь уже нельзя было скрывать, он бросал трубку. Лиза смотрела на мобильник, зная, что где-то далеко в Москве её отец смотрит на свой — с её фотографией на заставке — и плачет.

Отец. Мужчина. Твердыня семьи. Плачет.

Как такое вообразить? Представить его уверенное лицо, искажённое слезами, не получалось. Зато ничего не требовалось, чтобы понять причину горя. Она. И только она. Причина. Следствие. И обещание: «дальше только хуже».

— Дорогая, — в этот раз чуть ли не кричал отец в трубку. — Ты уже в курсе? Пришли результаты скрининга! Я сейчас говорил с Фёдором Сергеевичем. Он убеждён — первоначальный диагноз неточен. Алло, ты слышишь?

Лиза оторвала голову от подушки, села на кровати, всё ещё не открывая глаз.

— Да, я здесь.

— Опухоль локализовалась в правом яичнике! Удаления матки целиком не требуется! — отец радовался так, словно

ему сообщили, что у него родилась вторая дочь — здоровая, вместо бракованной. — Нет, ты слышала это?! Отличные новости! Почему ты молчишь? Лиза?

— Я поняла. Хорошие новости. Спасибо, папа.

— Спишь, что ли? Всю жизнь проспай! — захохотал он в трубку и отключился.

«Неужели это происходит со мной на самом деле? — подумала она. — Обсуждаем с отцом яичники! Надеюсь, он хотя бы не начнёт вести записи моих месячных». И тут нехорошее подозрение заставило Лизу нахмуриться. Наверняка и эта сторона её жизни уже не тайна для родителя. Вполне вероятно, он уже и впрямь ведёт... И в курсе, что месячные отнюдь не цикличны. Планка «нормальности» неумолимо пробила дно.

— Какой кринж! — охнула она, кутаясь в одеяло.

Но это был ещё не он.

В соседней комнате зазвонил мобильный Мэри. Гипсокартонные стены совсем не таили звук — работали как дешёвый радиоприёмник, который невозможно выключить.

— Алло, — проснулась компаньонша.

— ...

— Да-да, Олег, я — само внимание.

— ...

— Нет, ещё не в курсе. Действительно в правом яичнике?

— О, боги!.. — охнула Лиза, затыкая уши подушкой.

Немного погодя, когда она шла на кухню, слышала шаги

в холле за дверь. У неизвестного постояльца тоже запиликал мобильник. Неужто отец звонит и ему?

«Почему бы и нет? Осталось только повесить баннер в ВК: "Моей дочери не вырежут матку целиком, ура!" А что? Фраза, достойная клика».

Лиза сварила кофе, который ей больше нельзя, согласилась на компромисс и добавила молока, которое пока можно, вышла на балкон. Сентябрьские ночи стали холоднее. Утро с трудом отвоёвывало у них тепло — солнце совсем не любит осенний Питер. Оно вообще его не любит, как кошка воду. Лиза не могла больше думать о своей болезни. Смотрела на деревья и не могла думать ни о чем другом.

«Нет. Хватит».

Но о чём тогда думать?

Вдруг сильно захотелось фисташек. Лиза покачала головой — вот же подсознание. Вот хитрюга! Конечно, ей вспомнились отнюдь не орешки. А фисташковые глаза одного отчаянного парня. Почему он не пишет? Если бы она ему понравилась — обязательно написал. На всякий случай заглянула в мессенджер — пусто. Зашла в группу поддержки — и обомлела.

Десяток обращений в общем чате. Почти все от Марата.

Ах, пустая голова! Она же сама запретила личные сообщения от незнакомцев после того случая, когда её номер утёк в сеть, а потом на Лизу хлынул поток «дикпиков». Ну, ладно-ладно, не поток. Но и от одной мерзкой картинки затош-

нило, стоило вспомнить.

Улыбнулась, читая вроде бы ничего не значащие сообщения с обиженными смайликами. Потому что по факту они означали многое. Например, то, что Лиза Марату понравилась. А это дорогого стоит, когда ты сама себе не мила.

Написала первой:

— Привет! Извини, отключила уведомления...

Марат будто ждал. Отозвался мгновенно, как чат-бот:

— Привет-привет-привет!!! Милая, я до сих пор под впечатлением от нашей первой встречи. Клянусь, не позабыть её даже через сто миллионов лет, когда мы станем старенькими-старенькими и будем нянчить наших внуков!

И всё бы ничего, если бы это было не голосовое. Лиза терпеть не могла голосовые сообщения. Слушала их с ощущением, словно в её жизнь без спроса вторгаются. Впрочем, другого от Марата и не ожидала. С другой стороны, всегда лучше слышать приятный голос с акцентом, чем читать текст с многочисленными «акцентами» в виде ошибок. Поэтому просто написала:

— Милая? — её смайлик задумчиво вскинул бровь.

— Тебе не нравица? — это уже буквами.

— Почему же? Можешь называть меня так, как тебе *нравится*, — элегантно, как ей казалось, и поддержала, и поправила заодно Лиза.

— О! Сама напросилась! Тогда буду называть тебя Оптимус Прайм!

Лиза захохотала. И сама испугалась своего смеха. Потому что ну какой смех в её положении? Впору рыдать. Однако улыбка упорно не сдавалась, оставаясь на лице, и воплотилась в смайлик.

Марат снова скинул голосовое:

— Шучу! Конечно, шучу! Я буду называть тебя Принцесса. А теперь хочу спросить: какого дракона мне нужно прикончить, чтобы вызволить мою принцессу из пещеры и пригласить сегодня на свидание?

— Ну, например, моего мужа! — хихикнула она.

Марат долго не отвечал. Испугался, что ли?

А затем прислал гифку с обезьянкой, которая бьётся головой о стену.

— Теперь я пошутила, — ответила Лиза. — Освобожусь после восемнадцати ноль-ноль.

— В кино или посмотрим на огни большого города?

Отвечать не стала — вот ещё! Пусть мужчина сам решит. А для неё это станет сюрпризом. Но, с другой стороны, с мужчин станется... Написала:

— Можно в кино, но только не на «Трансформеров». Про них мне всё известно. Я же Принцесса-Оптимус-Прайм.

На балкон вышел настоящий дракон, охранявший её покой. Чёрный дракон Мэри.

— Подруга, ты ещё не готова? — вместо приветствия сказала она. — У нас запись через двадцать минут. Так что поспешим!

Кофе в кружке остыл. Как и надежда на славную переписку.

Во время приёма Лиза доктора не слушала. Не то чтобы ей было не интересно — просто слова врачей уже давно не несли в себе ничего хорошего. Раз за разом они погружали её глубже в пучину гулкого отчаяния и страха, похожую на черный коридор из кошмара, откуда — беги - не беги, бойся - не бойся — не выберешься.

А Лиза бояться устала.

Она решила довериться отцу и Мэри. Теперь они знали о её болезни гораздо больше, чем она — пусть так и остаётся. Заменила бесконечную тревогу на апатичное подчинение. Нужна кровь? Пожалуйста. Раздеться для осмотра? Как скажете. Принять лекарства? Разумеется. Большую часть времени она пребывала глубоко внутри, почти утрачивая связь с реальностью. Словно смотрела на мир через грязную витрину — вроде всё видно, а дотянуться нельзя.

От страха можно устать и перестать бояться. К храбрости это не имеет никакого отношения. Просто усталость становится настолько обширной, что страх в душе попросту не помещается.

К слову, Лиза удивлялась, как мало таблеток и уколов ей полагалось. Как-то спросила об этом компаньоншу. Та пояснила: основное лечение ещё впереди — после операции. Что

ж.

Ближе к обеду пришли в дальнее крыло лечебницы, где предстояло пройти МРТ. Лизу уже неоднократно просвечивали на разных скринингах: КТ, МСКТ — набор букв, который звучит как название неинтересных звезд. Но в этот раз предстояло испытание посерьёзнее. На каком-то редком особо точном аппарате.

Мэри осталась поболтать с приветливой сотрудницей у стойки.

— Твоя подопечная не страдает клаустрофобией? — привычно поинтересовалась та, предлагая мелкие конфетки из банки.

— Ты страдаешь?

— А? Что? Нет, конечно, нет.

— Тогда подпишите вот здесь и здесь, — протянули ей лист. — Это стандартное согласие на обработку персональных данных. А это подтверждение, что вы действительно не страдаете клаустрофобией. Подпишите в том случае, если это на самом деле так.

Лиза немного напряглась, но подпись оставила. Когда же интерес к ней пропал, привычно прошла в «шлюз» — так она про себя называла комнату метр на метр, где предстояло оставить все металлические предметы и личные вещи. Какое счастье, что она не сделала пирсинг пупка в шестнадцать! Как знала. Как знала.

Не сразу заметила. В шлюзе у второй кабинки лежали ве-

щи предыдущего пациента. Алюминиевый крестик. Часы военного образца. Ремень с крупной пряжкой. На полу — заношенные кроссовки - не пахли. Неожиданно дверь в камеру с машиной МРТ открылась, и оттуда спиной вошёл парень. Не заметил её. А когда обернулся, они оказались один на один в крошечном пространстве.

Лиза и Асташенок без рубашки.

Лиза подняла голову и обомлела. В прошлую встречу толком его не разглядела. А сейчас... Какой крепкий! Не идеальная фигура – скорее жилистая, но точно выкованная в многочасовых тренировках. Впрочем, возможно, это покажется странным, но её всегда привлекала в мужских телах не столько мускулатура, сколько вены. Голубые шнуры, проступающие сквозь кожу у плеч, на предплечьях, на больших сильных кистях — завораживали. Невозможно отвести взгляд. Как у гладиатора, который только что снял доспехи.

Большие грубые кисти с этими венками почему-то вдруг дрогнули и спрятали пухлую лечебную карту за спину. Асташенок растерялся не меньше её. Уставился, ничего не говоря. Чтобы взглянуть ему в лицо, Лизе пришлось задрать голову.

Когда же взглянула... Что-то щёлкнуло в голове. Лиза перестала дышать. Внезапно, остро осознала: вот оно. Какое-такое «оно» — сама не знала, не успела разобраться. Но это однозначно было именно «оно».

Бывают моменты, когда тело знает больше разума.

Мозг тупит, пытаясь найти ответ на вечный вопрос, а надо бы просто послушаться инстинкта.

Асташенок глядел на неё, редко моргая, огромными озёрами иссиня-голубых глаз. Никогда подобных не встречала! Радужки с невероятным выраженным узором — будто кружево на бабушкиных салфетках, только всех оттенков от серого до синего. Глаза цвета чёрного моря на закате, которое, как всем известно, отнюдь не чёрное. Сияли внутренним светом.

Выдающийся кадык попробовал было сглотнуть момент. Асташенок попытался потупиться.

— Нет! — сама от себя не ожидая, воскликнула Лиза, схватив его за лицо, чтобы ещё раз взглянуть в эти глаза, продлить мгновение. — Пожалуйста, одну секундочку.

Что с ней не так? Почему ведёт себя как городская сумасшедшая? Такие вопросы ждала прочесть в синих полноводных озёрах за светлыми ресницами. Но не прочитала. Пальцы кольнул светлый ёжик коротких волос. И это было приятно — как трогать стриженную норку любимого полушубка, это греет. Асташенок вдруг улыбнулся. Но не той улыбкой, что ждёшь от мужчины — с хитринкой, с прищуром, с оценкой. Нет. Он улыбнулся от души, немножечко эту самую душу обнажив. Сам взял Лизино лицо в свои большие ладони — и вдруг стало совершенно не понятно, кому из них больше хочется, чтобы внезапный миг не кончился.

— Ты так прекрасна, как гипотенуза, как корень из ста...

— неожиданно, совсем неуместно, сказал он.

Ой-ёй... Ещё и голос. Глубокий, низкий, чуть под кожу не залез. Что-то внутри неё резонировало с этим голосом, словно она встала рядом с огромной колонкой, а в той — басы на полную мощность. Лиза знала: сделает вдох — и всё оборвётся. Поэтому не дышала.

Сейчас.

Какая дикость — так не бывает!

Сейчас он её поцелует.

В глазах потемнело. Она начала падать, но не упала. Сильные руки подхватили, поддержали — как если бы она была хрупкой фарфоровой чашкой, которой особенно дорожат.

— Что с тобой? Тебе плохо? — неподдельное беспокойство в голосе. С оттенком заботы, от которого захотелось разрыдаться или, напротив, смеяться.

Казалось бы — момент прошёл. Но он почему-то не прошёл. А когда мир снова обрёл чёткость, рассмотрела прямо перед собой плечо с венкой. Венка пульсировала — электрический провод под напряжением. Тело пахло дезодорантом, как положено мужскому телу пахнуть. Как там говорят? Ах-эффект. У Лизы в голове оглушительно бухало сердце — совсем не так, как ему полагается. Она глубоко вздохнула, приходя в себя, и коснулась его ладони, убирая её от лица. Задержала взгляд на мозолях, на царапинах — словно от кошачьих коготков, на чистых ногтях с заусенцами.

«Надо прекращать. Срочно надо прекращать!»

— Прости, пожалуйста, я просто не ожидала, — пролепетала она, встала боком, поспешно примеряя закрытую позу. — Не знала, что кто-то ещё на процедуре.

— Да, ничего страшного, — присел на стул Асташенок, натягивая кроссовки. — Ты уже бывала здесь?

— Да, конечно, мне делали МРТ.

— Я не про МРТ в целом, — усмехнулся он, — а про эту адскую машину в частности. Ей богу — зверь! У нас как-то были выездные тренировки в центре для космонавтов. Так вот, там есть центрифуга с имитацией взлёта корабля на орбиту. Поверь, полёт в космос — фигня по сравнению с этой трубой! Ой... — Асташенок вдруг побледнел. — То есть... Я не хотел тебя пугать. Не бери в голову — это я просто на нервах. А тебе же это только предстоит... Вот дурак. Несу всякое...

— Ничего страшного, — окончательно пришла в себя Лиза. — Зато теперь понятно, почему на ресепшене все разговоры только про клаустрофобию. Попробую как-нибудь пережить. Пожелай мне удачи.

Вышла из шлюза в процедурную, запечатлев напоследок взгляд синих глаз. Теперь он навсегда сохранится в памяти, как фотография.

Некоторые встречи длятся не большие минуты, а остаются потом навсегда. Не потому, что в них было что-то особенное. А потому, что в этот момент понимаешь — прямо сейчас ты особенно жива.

— Вы не страдаете клаустр... — затянул знакомую песню подтянутый санитар с глазами такими же скучными, как скука в голосе, которой он озвучивал стандартные напутствия пациентам.

— Не страдаю.

— Тогда пройдёт.

Лизу уложили перед трубой, а уши предварительно заложили наушниками — каждый размером с кулак. Ложе неожиданно смахивало на камеру из фильма «Аватар», в которой люди спали, пока их синие мысли бегали по лесам. На Лизу сверху тоже опустили решётку, закрепили. Медбрат явно хотел для надёжности привязать ноги и руки, но сдержался, грустно выдохнув нечто похожее на: «всёравнонахренвырвется».

Подозревая неладное, она заморгала, когда в руки дали резиновую грушу и сказали: «Это средство связи. В случае чего — жмите». Смешно. Так же в далёком детстве, когда у неё случился период ночных кошмаров, её успокаивал отец. Давал в руки резиновую уточку и говорил: «Утёнок волшебный. Станет страшно — нажми ему на брюшко, и я сразу приду!». Отец ни разу не пришёл. Лиза научилась сама справляться с кошмарами.

И вот опять.

Хохотнула на нервах, когда кушетка скользнула в тёмное чрево трубы, а пространство сомкнулось в сантиметрах от тела — будто в гробу. Шаги медбрата стихли. Повисло то са-

мое тревожное затишье перед бурей. Момент острой неотвратимости.

Дальше пространство наполнилось гулким урчанием утробы — ничего страшного. Лиза закрыла глаза, готовясь. Вдруг удастся уснуть? Как в следующее мгновение — вдруг и без предупреждения — техника завопила прямо в уши: «НАНАНАНА НАНАНАНА НАНАНАНА!».

Лиза ахнула и, хоть ей строжайше запретили двигаться, дёрнулась всем телом. Готова была поклясться — в тот миг у неё случился первый микроинсульт. На заднем плане равнодушный часовой механизм принялся отсчитывать секунды. Так громко, словно к ушам примотали сразу два советских будильника, заведённых на разное время, чтобы гарантированно не проспать собственную смерть. Разумеется, вскоре они бабахнули сигналом подъёма! Один-другой и даже третий, четвертый, пятый. Разом.

Вдоволь прооравшись, машина замолкла, но едва ли надолго. Сжав кулаки и закусив щеку, Лиза напряглась всем телом. Аппарат загудел на новые лады, выискивая самые дикие из возможных звуков — способных не только напугать, но и вынуть душу. В школе по физике у Лизы была тройка, но теперь, именно теперь она разобралась и поняла, КАК работает аппарат МРТ. Машина визгливо ПРОКРИКИВАЕТ образ человеческого тела на негативы снимков. Иначе чем объяснить этот невозможный грохочущий ужас? Аппарат вздохнул механическими лёгкими и заорал в уши особенно озве-

рело, теперь на другой лад: «НЯ-Я-Я-Я, НЯ-Я-Я-Я, НЯ-Я-Я-Я-Я!».

Сердце кольнуло.

— Нет, я так больше не могу! — спохватилась и нажала на резиновую грушу. — Слышите?! Я не могу! Вытащите меня отсюда немедленно! Немедленно! — закричала Лиза, чувствуя, как вместе с шумом внутри поднимается паника, сметая все мысли в стрекочущий кошмар. Ещё секунда — и она бы сорвала на фиг оковы с груди, разметала бы тут всё к чертовой матери.

Единственное, что в ней осталось — желание выбраться из смертельной ловушки. И плевать, кто что о ней подумает или скажет. Лиза поняла: вот теперь она страдает клаустрофобией. Потому что, когда лежишь в тёмной трубе и на тебя бессовестно орут — как не страдать?

Машина замолкла. Послышались торопливые шаги. Кушетка выехала под высокий потолок. Лиза хватала воздух ртом, но никак не могла надышаться. Голова раскалывалась, гудела, как в нокауте. В глазах медбрата стыло презрение, но ей было всё равно!

— Хотите прервать процедуру?

— Что?.. А... Да... Наверное, хочу... Это ужасно...

— Все так говорят.

И тут в кабинет внезапно вернулся Асташенок — теперь в красной клетчатой рубашке. Глянул на неё, всё понял, сорвался и подбежал, потом взял за руку.

— Говорил же... Адская машина! — улыбнулся он тепло, понимаяюще. — Сильно испугалась?

Если бы в помещении был только медбрат, Лиза бы на выражения не поскупилась. Но при этом симпатичном парне, неожиданно смутившись, как-то сразу взяла себя в руки. Нервное напряжение отступило — будто кто-то открыл окно в душной комнате.

— Слушай, это кошмар какой-то! Никогда ничего подобного со мной не происходило.

— Это ты ещё до кульминации не добралась. Там вообще караул! — улыбнулся Асташенок шире. — Но ты же сильная и обязательно всё преодолеешь, правда?

Вот и как ему ответить «нет»?

— Э-э-э...

— Гм, — напомнил о себе медбрат. — Так вы продолжать будете?

Страх только сделал вид, что отступил. По спине побежала капелька холодного пота, когда Лиза с опаской покосилась на тёмную трубу. Та зияла, как вход в шахту лифта, без лифта.

— Пожалуй, я отка...

— А можем мы быть с Лизой на связи, пока аппарат работает? — вдруг спросил медбрата Асташенок. — Вы же это разрешаете, когда сканируете детей? Ну, чтобы они всегда слышали маму... По-моему, случай как раз подходящий.

Медбрат пожал плечами, сменив презрение на простое

неодобрение:

— Не желательно, конечно. Но если в виде исключения...
— он еле заметно потёр большой палец руки о все остальные.
Асташенок увидел.

— Ясно. Решим вопрос. — А дальше вновь обернулся к ней: — Попробуешь ещё разок? Я буду всё время рядом с тобой. Расскажу тебе что-нибудь. Может, ты даже уснёшь...

— Уснуть?! Там? Ты издеваешься?! — отмахнулась она. Но он так старался, смотрел с такой искренней верой в синих глазах — не могла же она сказать, что та ещё трусиха, да к тому же сбежать? — Ладно, я попробую. Но чур, ты всё время будешь со мной разговаривать!

Асташенок взглянул на медбрата. Тот в очередной раз пожал плечами, заново пристраивая на грудную клетку Лизы клетку алюминиевую.

— Сканируем не голову, - многозначительно глянул он на Асташенка. - Так что пациентка сможет отвечать.

Она уже лежала, когда почувствовала, как её легонько поцеловали в руку.

Она уже оказалась внутри трубы, когда почувствовала, как ободряюще пожали её ступню в тканевой бахиле.

«Будет забавно, если всё это делает медбрат».

Вскоре сквозь вновь оживший гул аппарата МРТ до неё долетел приятный голос. Тот самый, который резонировал с ней — как любимая песня в наушнике.

— Привет, Лиза, — сказал голос.

— Привет, — ответила она, сжав грушу. — Пожалуйста, называй меня Эльза.

И ширма реальности с её уничтожающими разум звуками с готовностью отступила.

Сказка Лизе

*Иногда мы соглашаемся на невозможное
не потому, что стали храбрее.*

А потому, что кто-то рядом сказал:

«Я с тобой».

И этих семи букв

достаточно почти для всего.

Г.Асташенок.

— Я расскажу тебе сказку. Про трёх волшебных зверей, - начал глубокий голос, обволакивая собой весь мир. - В далёком лесу, за тридевять земель от тех мест, где утро целуется с вечером, а ручьи поют на языке, забытом даже птицами, случилась одна история, которую я расскажу тебе шёпотом — чтобы не спугнуть. Ведь её герои – три волшебных существа, которые никогда не только не встречались с людьми, но даже не слышали о них.

- Хорошо, я готова! – ответила я слегка обескураженная внезапным оборотом. – И уж постарайтесь, чтобы сказка оказалась не слишком страшной, а то, знаете ли, может выйти конфуз...

- Слушаюсь и повинуюсь, моя госпожа! А вы постарайтесь расслабиться. Итак. В тех местах поселилась однажды Кра-

сивая капибара Линда. мех её сиял на солнце так, что птицы сбивались с курса, принимая её за второй восход солнца. А глаза были бездонными — как колодцы с самой вкусной водой подземных источников в разгар жаркого лета. Всем была хороша капибара. Все звери в сказочном лесу любили её и мечтали с ней поговорить, а ещё лучше — потанцевать, потому что танцевала она как богиня, которой не лень снизойти до смертных.

- Ой-ой, - шепнула я на выдохе. — Чудятся мне аллюзия в сплетении ваших слов, уважаемый Капрал.

Он не ответил, но голос окрасился оттенком улыбки.

- И вот однажды Линда собралась в гости к Глупому медведю Марику. Медведь был плох почти всем: неуклюж, некрасив, и мысли в его голове ворочались, как камни в пустом мешке, — с шумом, но без толку. Однако имел он одно дьявольское оружие: язык его сыпал словами, как дерево листвой по осени, — много, красиво, но все слова сухие, ничего не значащие. Вот и сбил этот язык с толку Красивую капибару. Заслушалась она медведя, а потом засмотрелась — перестала замечать всех прочих зверей. В том числе Хитрого суриката Гроша, который с первой их встречи не мог прожить и минуты, чтобы о ней не подумать. Ни одной. Даже когда спал.

Шла Линда незнакомой дорогой — такой узкой, да извилистой, будто её начертила пьяная сороконожка. И вдруг видит: впереди ствол огромного дерева. Упало оно дав-

ным-давно, вдоль тропы, теперь лежит — никак не обойти, ни справа, ни слева. Сердцевина сгнила подчистую, осталась только труба из коры. Единственный способ двигаться дальше — пролезть сквозь неё.

Вздыхнула Линда и поползла в чёрный страшный туннель.

Темно. Хуже, чем в закрытом чулане. Хуже, чем в мешке, который завязали сверху. По стенкам ползут противные жу-желицы, многоножки и ещё какие-то твари с нечётным количеством ног — этих даже описывать неприлично. Снаружи доносятся странные звуки: то стук, будто кто-то гвоздь забивает в крышку гроба, то крики, то и вовсе злой хохоток — тоненький, как комариный писк, но в сто раз более зловещий, разумеется.

Испугалась капибара Линда, аж задышала с трудом. Решила вернуться — да вот беда: застряла. Мокрая гнилая древесина обхватила её красивое тело, как обруч, который кузнец подогнал слишком туго. Ни вперёд, ни назад. Лежит Линда, зажата в трубе, чуть не плачет — и пуще прежнего пугает её этот ствол: замкнутым пространством, чернильной тьмой, звуками, которые, кажется, становятся только ближе.

Стала звать капибара на помощь. Хотя понимала: в высшей степени это неосмотрительно. Вместо подмоги её могли услышать кровожадные хищники, а скоро ночь — время убийц. Но что делать, когда тишина убивает быстрее, чем острые клыки?

Звала, звала — и кто-то услышал.

Ударил сильной лапой по стволу над самой её головой. Раз, два — пробил дыру. Глядит Линда сквозь щепки, а там медвежья морда. Глаза зелёные, без тени интеллекта, зато горят, как два болотных огонька.

— Привет, Линда! — сказал Глупый медведь Марик. — Как же это тебя так угораздило?

— Мишка, сама не знаю! Шла к тебе в гости и попала в ловушку. Помоги мне выбраться! — взмолилась капибара.

Долго медведь чесал затылок — так долго, что можно было успеть добыть мёда и съесть его. Потом проломил дыру пошире, просунул лапы:

— Давай, хватайся за меня. Буду тебя тянуть.

— Как репку?

— Точно, как её.

Тянул он Линду, тянул — не вытянул. Кряхтел, пыхтел, даже вспотел, начал пованивать, а она ни с места. Тут почувствовала капибара, как кто-то ловкий, сильный и, наверное, отважный — раз не испугался темноты — схватил её за задние лапы и пробует вытащить не вперёд, а назад.

— Ну что тут сказать, — снова почесал затылок Марик. — Ты слишком толстая для этого дерева. Никак мне тебя не вытянуть.

— Эй-эй, сбавь обороты, косолапый! — нахмурилась Линда. — Вовсе я не толстая. Это дерево такое... неподходящее для меня.

А сама чувствует: тот, кто сзади, не сдаётся. Тянет — мед-

ленно, упорно, как корешок тополя, который пробивает асфальт. Откуда бы ей только знать про асфальт, но подумалось — так подумалось.

— К тому же ты ещё и глупая, — не унимался медведь, вдобавок к прочему ещё и абыюзер, — раз не соотнесла свой размер с периметром круга. Этому же ещё в школе для капибар учат! — Он задумался, почесал не затылок, а живот. — Как же там? Забыл формулу...

— Два умножить на Пи, умножить на радиус, — рявкнула Линда, и в голосе её зазвенела ярость, которой раньше никто от неё слыхом не слыхивал — она же грызун. — Так ты помогать будешь или как?!

— Чем же я тут помогу? — Марик махнул лапой. — Только один выход — ждать, когда ты похудеешь и сама выберешься.

— Но...

— Я завтра приду. После обеда. Может, тогда и вытяну.

Повернулся и потопал вразвалочку восвояси. А вокруг лес бушует, смеркается. Вон летучие мыши уже снуют в ветках туда-сюда, чертят небо мерзкими кожистыми крыльями. Волк завыл вдалеке — сначала один, потом второй, а третьему, похоже, было лень. Но все знают — волков всегда трое.

— Мишка! Вернись! Не бросай меня здесь...

Медведь не только не вернулся — не обернулся на крик о помощи! Что ему толку с застрявшей капибары? С ней не пошутить, не потанцевать, только время зря потеряешь. Ушёл

обратно в берлогу, где другие гости и кальян уже раскурили, и свежий трек Асти включили — такой же глупый и суетный, как сам Марик.

Осталась красавица в лесу совсем одна. Если не считать того, кто упорно тянул её за задние лапы. Не сильно. Совсем не больно. Бережно. Просто настойчиво. Как будто знал: если ослабить хватку — она пропадёт навсегда.

— Эй, кто ты?! — крикнула она.

Никто не ответил. Оно и понятно: когда занят важным делом, нипочем не станешь отвлекаться на разговоры. Если, конечно, ты не болтливый косолапый медоед с пустой головой и длинным языком.

Час прошёл. Второй. Линда уже начала слышать, как в гнилой сердцевине что-то скребётся — может быть, короеды, а может, кто-то покрупней, да опасней. Глаза привыкли к темноте, но это не помогло: страшная темнота была повсюду, куда ни глянь. Она закрыла мордочку лапами и стала думать о тёплом дне, о вальсе, о том, как танцевала в последний раз... Как же глупо, как непоправимо глупо она выбрала себе друга! Правду говорят: «Если друг оказался вдруг...».

И вдруг — раз!

Она вынырнула из трухлявого дерева. Задом наперёд, как пробка из бутылки. Упала на спину, проморгалась, поднялась. Ищет взглядом своего спасителя.

А перед ней замер хитрый сурикат Грош. Потупился, смутился, лапкой по земле водит справа-налево. А сам гряз-

ный-прегрязный: пыль забила в мех, гнилая кора торчит из ушей, паутина на морде. Чумазый, как пугало, которое вроде напугало ворону, но к своему бесстыдству так и не привыкло.

Фыркнула было капибара:

— Вот нелёгкая принесла избавителя...

А потом взглянула на себя. Так ведь и она не лучше! Земля испортила милую шёрстку, словно ею сажу из трубы выгребали. И совсем по-другому посмотрела на суриката Гроша, который после её слов пригорюнился — уши прижал, хвост повесил — стал похож на мокрый носок на верёвке.

Она подошла к нему. Взяла за исцарапанную лапку — ту, которой он так терпеливо её спасал, — и сказала:

— Грош, спасибо тебе. Пойдём-ка отсюда подальше, пока волки не набежали. Найдём безопасную полянку — и потанцуем.

— А как же медведь? — спросил тот, с сомнением глядя в сторону берлоги, откуда доносилась музыка, приторная, как прошлогодний мёд. — Ты же к нему шла.

— Шла, да не дошла! — Линда сплюнула мох. — Не буду я с ним больше дружить. Потому что поняла: правильное у медведя прозвище. Глупый он. Напустил туману, наговорил красивых слов — а как до дела дошло, так его и след простыл. Свинья, а не медведь!

Она помолчала, провела лапой по щеке, стирая слизь от улитки.

— А вот у тебя прозвище ошибочное. Вовсе ты не Хитрый сурикат. Ты — Отважный Сурикат Грош. Такого я всю жизнь искала!

— Ну что ж, — сказал с оживлением Сурикат, чуть улыбнувшись, — тогда пошли танцевать. Только предупреждаю: танцую я хуже, чем вытаскиваю капибар из гнилых деревьев.

— А это мы сейчас проверим, — подмигнула Линда.

И они пошли. А лес позади них затих — даже волки замолчали, потому что поняли: Отважный сурикат — зверь страшный — может наподдать хоть медведю, хоть волку.

В особенности если он влюблённый.

Душа, исполненная светлой грусти

— Просыпайтесь! Просыпайтесь! — требовательно теревил её за локоть медбрат, щёлкал пальцами перед лицом, готовил нашатырь. — Подъём! Вы в порядке?

Лиза открыла глаза и обнаружила себя освобождённой на кушетке под высоким потолком. Адская машина МРТ недовольно молчала.

— Что? Разве всё кончилось?

— Да, вы проспали всю процедуру! — с уважением покачал головой медбрат. — Великолепная стойкость. На моей памяти здесь никто ни разу не засыпал... А ещё жаловались, будто страшно...

Лиза ничего не понимала. Как так вышло? Она ещё не совсем пришла в себя, балансируя где-то на краю реальности, дремы и мира волшебных зверей — как после двух бокалов вина в легком хмелю. Стала озираться.

— Простите, а где сурик... То есть тот парень? То есть...

— Лиза в изумлении прикрыла рот, осознавая, что не знает имени Асташенка. — Парень, который был со мной...

— А этот хорошист. Не знаю, он уже ушёл.

Человек, который вытащил тебя из беды, исчезает до того, как ты успеваешь спросить его имя. Кто он, если не супергерой?.

Ей сделалось нехорошо. Даже не успела поблагодарить. Даже не задала вопросы про чудесную сказку, которая и сказкой-то не была. А раз так, то капибара в трубе — это она, медведь ясно кто... Выходит, сурикат в неё влюблён? Или всё это заблуждение, иллюзия, попытка самосознания отстраниться от кошмаров настоящего? Верить в последнее не очень-то хотелось. Лиза решительно направилась к выходу, подгоняемая желанием как можно скорее во всём разобраться.

Посетителей у стойки администратора прибавилось. Две пожилые женщины, особо не стесняясь, метали в Лизу молнии из глаз — похоже, она серьёзно нарушила график процедур. Почувствовала себя той самой ненавистной женщиной на свете, которая зависла у банкомата, запутавшись в двух кнопках.

— Мэри! Мэри, ты не встречала здесь Капрала?

— Кого? — округлила та глаза.

— Ну, парня из группы поддержки. Красивый такой.

— Она, наверное, про Асташенка, — подсказала администратор, почему-то поджав губы. — Его сканирование было час назад.

— Да, я про него! А вы не подскажете, как его зовут?

— Так Асташенок же...

— А имя?

— Имя? — администратор углубилась в бумаги. — А вот нашла...

Но Лиза уже увидела в холле за стеклянными дверями знакомую красно-чёрную клетку и побежала.

— И что, впрямь красивый? — заинтересовалась Мэри.

— Не то слово, дорогая, — покачала головой администратор. — Аполлон воплоти. Одна беда — хорошист.

Лиза выскочила наружу — рубашка мелькнула в коридоре напротив. Лиза — за ней. Сердце билось как сумасшедшее, хотя с чего бы? Процедура же кончилась. Поведение собственного сердца её в последнее время совершенно не устраивало, как и в целом многие функции организма, которые принялись вести себя неподобающе — словно договорившись без ее участия, обменялись ролями. Ненормальная слабость ни с того ни с сего раскатилась по телу, ноги так и вовсе заплетались, как у пьяной балерины. Она прислонилась к стене — иначе бы упала. Попробовала отдышаться и услышала совсем близко голос Асташенка.

— ...отец, но это моя жизнь! — говорил он, чуть не срываясь. — Я не хочу переезжать в лечебницу.

— А моя жизнь не позволяет наблюдать за тобой двадцать четыре на семь, — ответил ему голос, полный металла. Так мог бы говорить робот, которого запрограммировали на строгость, но совсем забыли про сострадание. — Ты взрослый, должен понимать. Это повторяется, и рано или поздно сам знаешь, чем закончится.

— Спасибо, что веришь в меня!

— Я верю фактам. Аренду не продляю. Пакуй вещи — ты

переезжаешь.

— Но отец, зачем ты так со...

— Отставить, — прозвучал приказ, которому невозможно было не подчиниться.

Дальше — только шаги.

Лизе стало стыдно. Подслушивать она не собиралась, более того, считала это грехом похуже сплетен. Поэтому посчитала в уме до десяти, вздохнула и только тогда свернула в коридор. Догнать же сумела лишь на ступенях крыльца.

— Постой, — положила она руку на плечо Асташенка, и тот вздрогнул.

Отец и сын обернулись вместе.

Походили они друг на друга изумительно! Точно два брата с очень большой разницей в возрасте. Разве что глаза сыну явно достались от матери — у отца выцветшие, бесцветные, Питерские глаза, как небо над ним. Зато бородка, зато военная форма, как и выправка — вот откуда командирские нотки в голосе. Глядя на него, Лиза словно видела будущее. Вот как будет выглядеть Асташенок-младший спустя двадцать лет. Конечно, вряд ли судьба позволит кому-то из них их спустить. Но можно же помечтать, да и всякое случается.

— Здравствуйте, — сказала она, не дождавшись, когда их представят. — Я Лиза. Мы с вашим сыном посещаем одну группу поддержки.

— Правда? — вскинул бровь Асташенок-старший. И

больше ни единый мускул не дрогнул на его лице — идеальное самообладание. Взглянул на сына, умудрившись этим взглядом унижить. — Что за блажь! Ты что — гомик? Чтобы плакаться на людях?

Его сын побледнел как бумага, плотнее сжав рот.

— Вообще-то группа поддержки не только для слёз...

— Я знаю, для чего проводят группы поддержки, — переключился на неё Асташенок-старший. — Для мужчины в любом случае место неподобающее. Что касается вас, девушка. Я полагаю, вы тоже пациентка. Рекомендую задуматься над сменой парика. Этот слишком вызывающего цвета.

Лиза остолбенела, словно на неё кричали, хотя сказано было умеренным голосом. Ведь случается, что и слабые удары попадают в самое больное место.

— Отец, немедленно прекрати! — рывкнул Асташенок-младший, меняя цвет на пунцовый.

— Предыдущая мне нравилась больше. Хотя бы медсестра...

— Отец!

— Прощайте, — кивнул он им и, не обернувшись, сошёл по лестнице в огромный чёрный джип, похожий на танк. Джип так и назывался — Tank.

Если человек покупает машину по имени «Танк», это о многом говорит. Скорее всего он уже ведет какую-то ужасную внутреннюю войну. Возможно, с собственным сыном.

— Вот это папаша у тебя! — Лиза провела по волосам,

чтобы убедиться — не в парике. — Трудный день, да?

— У него каждый день трудный... — процедил сквозь зубы Асташенок, играя желваками. — Ненавидит больницы, а в связи с этим и меня изводит. Прости. Его хамская бомба предназначалась исключительно мне, но взрывом задело тебя. Прости!

— Не бери в голову, — взяла она его за руку и повела вниз по ступеням. — Я всё понимаю. Успела заметить — это место как Чернобыль. Оно облучает людей какими-то волнами, и все начинают вести себя не так, как обычно. Но ты молодец!

— Всё равно вышло отвратно, — чуть охрипнув, сказал он. — Почему «молодец»?

— О людях проще всего судить по тому, как они говорят о своих родителях. Ты, к примеру, хоть и зол на отца, но ищешь ему оправдания — значит, ты хороший человек. Другой бы обругал матом! — И, загнав собственную обиду в дальний угол сознания, она усмехнулась. — Да, хватит тебе кипятиться! Выдыхай, бобер! Или лучше называть тебя «сурикат»?

— Э-э-э... — Асташенок порозовел.

А Лиза засмеялась, сжав его запястье.

— Ты невероятно легко меняешь цвет! Можешь зваться хамелеоном. Куда пойдём? Может, в кафе в больничном корпусе? Я бы не отказалась от кофе.

— Не рекомендую это место. Ты, возможно, не в курсе.

Там всегда много «свеженьких». Первым делом все идут туда, как узнают диагноз, чтобы подумать, позвонить близким. Поэтому его называют «Кафе слёз». Там всё пропитано горем.

Лиза задумалась, вспоминая. Сама недавно сидела там — разговаривала с отцом по телефону.

— А ведь ты прав! Теперь припоминаю, хотя раньше не замечала... Стой. Я же тебя не поблагодарила! Но для начала — как тебя зовут, уважаемый Капрал Асташенок?

— Гоша.

Лиза чуть дар речи не потеряла. Встала посреди тротуара как вкопанная.

— Гоша?

— Ага. А что не так?

Он окончательно пришёл в себя и теперь смотрел на неё просто и бесхитростно, с доверчивой открытостью пятилетнего мальчишки, который показывает найденного жука. Лиза сдерживалась как могла, сжала губы в ниточку, но всё же не сумела удержаться. И залилась звонким смехом.

— Боже мой, впервые в жизни встречаю живого Гошу! Я всегда считала, что Гоши рождаются сразу взрослыми Дядями Гошами — водителями тракторов или сантехниками.

— Ну да. А я — как ты говоришь? Капрал Гоша, — тоже улыбнулся он. — Хотя такого звания уже нет.

— Подожди-подожди, получается это про тебя: «Он же Гога, он же Жора»?

— Ага.

— Трудно, наверное, супергерою с таким именем!

— Хм, не понял.

— Не бери в голову – это я так – на женском сказала.

Про себя Лиза отметила, что более асексуального имени в природе не существует. Даже Олег немного получше, но у того с отчествами всегда беда. А ещё факт — оно совершенно, категорически, бесспорно не подходящее. Гоша светился. Гоша располагал к себе. Как Александр, или Владимир, или Михаил... Гоша словно прочёл мысли.

— Ты не первая, кто так реагирует. Никому не нравится это имя, поэтому можешь звать просто Асташенком. Или Грошем — меня в кадетском корпусе так прозвали. Я не против.

— Грош, — попробовала слово на вкус. — Как ник какого-нибудь блогера или рэпера. Нет уж. Буду звать тебя Гоша.

— Идёт. Но тогда и я скажу. Лиза — тебе самой не очень-то подходит... — И внезапно замер.

Он остановился и смотрел. Смотрел, смотрел, смотрел. Пауза затянулась до странности. Лиза даже начала озираясь, ища косые взгляды прохожих, но тем было абсолютно всё равно — каждого занят лишь собственным выживанием. Вдруг он резко набрал воздух, как из-под воды вынырнул.

— Десяточка. Мне хочется называть тебя Десяточка!

— Ого... Высокая оценка, если не по стобалльной шкале. Если не в российских, да и любых деньгах...

— Нет, к оценкам и деньгам это вовсе не имеет никакого отношения. Я тебе потом как-нибудь объясню.

— Слушай, Десяточкой мне быть совсем не хочется. Я же не мишень в тире! Давай компромисс: это будет нашим с тобой словом. У всех — «окей», а у нас — «десяточка». Ни тебе, ни мне. Что скажешь?

— Я «за».

— Вот и славно! — про себя Лиза выдохнула с облегчением. Выдумал тоже «десяточка»! — А теперь, Гоша, прими мою искреннюю благодарность за то, что спас на МРТ. Без тебя живой из той трубы я, пожалуй, бы не выбралась. Но что нам слова? Разреши отблагодарить тебя, например, пончиком и какао.

— Можем взять в кафе «на вынос» и погулять в парке за корпусами, — закинул удочку Асташенок.

И она на неё с удовольствием клюнула.

— Это то что надо. В десяточку!

Сначала день клонился к вечеру. Потом вечер поклонился ночи. И последний глоток кофе был уже из третьего картонного стаканчика, купленного по пути. И Мэри наверняка волновалась, ведь телефон остался у неё, и писать хотелось. Но Лиза никак не могла найти сил, чтобы расстаться с Асташенком.

Спроси её, чем они занимались последние часы — она бы

растерялась. Затеяли разговор, да не могли больше от него оторваться. Говорили. О всякой чепухе, но увлекательнее бесед в её жизни не было. Гоша включал свои любимые треки с телефона — многие ей нравились тоже. Они сидели в корнях старых сосен, кидались мелкими шишками в белок. Лежали на ржавой хвое и смотрели в небо, которое неспешно подметали тёмно-зелёные кроны. Они словно знали друг друга со начальных классов школы, но потерялись на годы, а теперь, встретившись случайно, познакомились заново.

Как странно встретить в незнакомце черты того - другого, которого придумала себе во время пубертатного безумия. Вдруг с восторгом узнав, что он существует на самом деле.

И всё же на каком-то подсознательном уровне ноги выбрали мощеную тропинку в сосновом парке, которая вскоре свернула к корпусам.

— Ты так и не ответил: почему вдруг капибара? — она взяла его под руку. — У меня что, зубы как у грызуна?

— Нет, конечно. У тебя превосходные зубы и улыбка. Просто все любят капибар...

— Да-да, а ещё танцуют капибары лучше всех! Видишь, я помню твою сказку, выучила назубок! — Лиза изобразила, как, по её мнению, выглядят танцующие капибары.

Асташенок поднял край губ, опустил глаза и выпустил воздух носом. Ему бы пошли усы. Были бы они у него — вышло бы: усмехнулся в усы. Надо же, она примеряет на него

образы. Прикидывает, какая одежда ему пойдёт. Прикидывает самого Гошу на собственную жизнь — и он пока идеально к ней подходит.

Где-то на краю сознания Лиза понимала: ступает на опасную территорию. В жизни и так полная неразбериха, не хватало ещё случайной влюблённости. Но ничего не могла с собой поделаться. Он нравился ей как давно не нравился никто. Стенки клетки, в которой она прожила многие годы, что защищали душу от слишком близких контактов, трещали — как лёд на реке весной, когда уже понятно - скоро всё поплывёт, и страшно ступить.

Наконец, когда больничные корпуса вытеснили собой лес, Лиза сказала:

— Почти пришли...

— Ага.

— Что за парни нынче пошли? Всё приходится вам под-сказывать!

— Извини, не понял?

— Ну, Гоша... ты почти проводил девушку до, так сказать, дома. Самое время предложить варианты, как мы проведём время, когда встретимся в следующий раз. Я, конечно, сделаю вид, что мне надо подумать. А потом, возможно, соглашусь, но это не точно!

— Лиза, послушай, — вдруг остановился он и убрал её руку. — Ты должна кое-что знать. Может, уже слышала, как таких, как я, здесь называют сёстры? Я — хорошист.

— Ну и что?! — искренне удивилась она. — У меня в прошлом семестре тоже сплошные четвёрки вышли...

Вот и снова он замолчал неожиданно надолго. Даже не мигая. Устав ждать, она дёрнула его за рукав.

— А? Да... Ты не поняла, — сказал он, взглянув наверх, а не на неё. — Хорошистами за спиной здесь называют тех, у кого четвёртая стадия рака. Я — хорошист. Только вот в прогнозах ничего хорошего. Поэтому... Ну, подумай для начала об этом.

У Лизы внутри будто что-то оборвалось. А ведь она всё прекрасно знала. Всё с самого начала было очевидно. У каждого здесь диагноз. Но глядя на Асташенка — сильного и здорового — думать про четвёртую стадию, за которой маячит только вечность, не получалось никак. И на тебе.

— Извини заранее за вопрос, — прошептала она, прикрыв рот ладонью, — но что у тебя?

Он же почему-то легко улыбнулся, пригласив рукой на ближайшую скамейку под фонарём, с танцующими в свете мотыльками.

— Не извиняйся! Здесь в порядке вещей спрашивать о таком, никто не стесняется. Мы ведь все из одной банды. У меня рак мозга. Вот смотри, — показал шрам на черепе, который она уже видела, но подумала про драку — мальчишки же. — В пятнадцать нашли липому. В шестнадцать она оказалась менингиомой, и её неожиданно удачно прооперировали. Я уйму времени потратил, чтобы заново выучиться быть

человеком. Но через три года на том же месте появилась другая опухоль — уже злокачественная. И вот я второй год лечусь. Болтаюсь между ремиссиями. Сначала на мой случай ещё смотрели с оптимизмом, но теперь больше нет. Да и метастазы.

Первым порывом было схватить его за руку и начать утешать. Так бы поступила Лиза образца полугодовой давности. Теперь же, когда сама сидела в похожей лодке, она просто взяла Асташенка за руку и не сказала ничего.

Молчание, к удивлению, не стало тягостным. Оно вибрировало, как струна, на которой сыграли правильную ноту, и теперь она звучала в воздухе сама, не умолкая.

Хоть Асташенок ничего не спросил, Лиза сказала:

— У меня рак матки, которого не бывает в девятнадцать. Скоро операция. Потом химия. Пятилетняя выживаемость — двадцать семь процентов. А у тебя?

Он облокотился на колени и, играя пальцами с сорванным цветком шиповника, ответил:

— Намного меньше.

— Ну вот. Как видишь, ты тоже скадрил не слишком-то здоровую девчонку.

— А я что — скадрил?

— А сам как думаешь?

— Я думаю... Вернее, хотел бы пригласить тебя на танцы, — вдруг сказал он. — А то прошлый раз меня нагло опередили. Если бы это не было верхом безумия, я бы хотел прямо

сейчас тебя пригласить. Десяточка?

— Что? — не поняла Лиза.

Настроение называлось «вою на луну». Какие, к чёрту, танцы?

Но Асташенок негромко включил на телефоне Billie Eilish. Поднялся и, убрав левую руку за спину, склонился в поклоне, предложив ей правую.

— Серьёзно?! — обомлела Лиза, но руку приняла и встала. — А ничего, что мы только что мерялись смертоносностью наших недугов?

— В том-то и соль. Когда смертельно болен — становишься свободнее. Можно творить всякую дичь и не думать про завтра. Ведь оно может не наступить.

— Мудрая мысль. Десяточка.

Так вот какова цена индульгенции на всё, что ты раньше себе запрещала – робкий вздох Смерти за плечом.

Это не был торжественный или изысканный бальный танец. Они просто медленно топтались в круге света, поддерживая друг друга — как два здания больничных корпусов, которые вместе удерживают общую стену, чтобы не рухнуть поодиночке. Лиза могла бы всё изменить. Шепнуть своё ночное имя, нырнуть за ширму в сказку. Но почему-то остро почувствовала: делать этого не нужно. Правильнее оставаться в «здесь и сейчас». И они просто топтались.

Первый поцелуй инициировала сама. Встала повыше на бордюр — чтобы не задирать голову. К счастью, дальше под-

сказывать не пришлось. Гоша обнял бережно, как хрупкую веточку цветущей сакуры, боясь сломать. И чуть-чуть, на самую незначительную малость, коснулся кончиков её губ своими. Словно целовал цветок. Боясь. И ещё раз, чуть более. Но на этом всё. Получился даже не поцелуй, а его призрачная тень.

Лиза вдруг поняла, что глаза у неё закрыты. Поспешила их открыть. Он смотрел прямо на неё своими синими глазами, такими узорчатыми, которые были ближе, чем когда-либо. И в них томила грусть.

Два человека со страшным недугом целуются у больницы. Ничего весёлого. Ничего вдохновляющего. Но как бы ни было тоскливо на душе, в этот вечер вместо них плакала Billie Eilish, вокруг падали мотыльки с обожжёнными о фонарь крыльями — умирая вместо них. Жаль лишь, что и счастливым по-настоящему в этот вечер за них тоже стал кто-то другой.

Иногда кажется, что мы танцуем - на самом же деле мы просто учимся падать.

Напоминание.

Сомнение. Предчувствие

Большую часть времени рак не страшен. Сначала очень страшен — до паники, роняющей в колодезную пропасть, в которую летишь без опор, без крыльев, без сил сопротивляться. А вокруг висят нити надежды. Но они нитки во всех смыслах: тонкие, еле видны, нипочём не удержат, сколько за них ни цепляйся. Только дразнят. Только делают хуже. Потом же к падению привыкаешь — к чувству, будто набрал воздух в грудь, да так и не крикнул. Живёшь вопреки. Обращаешь внимание на каждый укол в боку, случайное потемнение в глазах, острую боль тут, ноющую там. Пытаешься вязать ощущения в клубок самодиагностики, отчаиваешься пуще прежнего, делаешь себе плохо. Потом, смирившись, бояться перестаёшь — большую часть времени. Вспоминаешь изредка, что на самом деле летишь в могилу, и равнодушно не удивляешься: ну да, все так. Падение продолжается. Страх делается частью быта — как ежедневная зарядка смартфона: неизбежная данность.

Но порой... Боже! Как прихватит — хоть вой, хоть реви, хоть ори белугой — не перекричишь.

Сегодня ночью стало именно так. Лиза видела не эротиче-

ские сны про Асташенка. Просыпалась, говорила в подушку: «Как несправедливо!» — про него, про себя, про всех, кто спал в других номерах гостиницы при онкодиспансере. Но справедливость — синяя птица. Её придумали люди. Реальный мир с ней не знаком. Нет справедливости, только случайность.

Вскоре сделалось совсем тяжко. Тяжко — не описать. Встала — глубокая ночь, побежала в спальню к Мэри.

— Можно? — не сдержала всхлип.

— Конечно, девочка, конечно, — отозвалась Мэри невидимая в темноте. — Я тебе местечко как раз нагрела. Залезай.

Лизу дважды уговаривать не пришлось. Нырнула под одеяло, свернулась калачиком, заплакала. А Мэри... Мэри гладила по голове и ничего больше не говорила. Всё зная.

И это было хорошо.

Лучшее утешение — не в словах. Оно в темноте, когда тот, кто рядом умышленно не включает свет, чтобы позволить тебе побыть слабой.

Утро выдалось пакостное, будто похмельное. Аппетита нет как солнца за окном. Но под хмурым взглядом Мэри Лиза проглотила омлет, а через четверть часа вытошнила его в уборной. Дальше — странное. Вслед за стаканом воды компаньонша налила ей крошечную кружку чёрного сладкого

кофе — который под запретом, да и в целом неуместен после, ну... унитаза.

— Пей.

Лиза пожала плечами и пригубила.

Мэри тут же выхватила чашку, вылила на блюдце и долго всматривалась в коричневые разводы, как учёный в микроскоп.

— Ты что ли, гадаешь на кофейной гуще?

— Нет, что ты! Проверяю одну теорию. — Она принесла колоду карт. — Сейчас ещё разок проверим. В том числе, настолько ли ты хороша в предсказаниях, как все говорят. Вытяни мою карту. Представь всю такую обаятельную и привлекательную меня, а дальше не думай — тяни.

Странное гадание. Но у Лизы кружилась голова, возражать всё равно сил нет. Поэтому безропотно подчинилась: загадала, вытянула из центра стопки карту. Мэри посмотреть не дала — отобрала.

— А ты неплоха. Угадала с первой попытки. Гляди, — продемонстрировала пиковую даму. — Продолжаем. Теперь сосредоточься и вытяни карту собственной смерти. Пусть колода подскажет: что, когда и кто.

— Слишком много вопросов. Это так не работает, ничего не получится, — заметила Лиза. И вытянула без веры, абсолютно не стараясь.

Мэри карту отобрала.

В дверь решительно постучали.

В груди ёкнуло. Обрадованная, Лиза бросилась открывать, ни секунды не сомневаясь, что там Асташенок. Однако в дверь вошёл букет. По-другому не скажешь. Или целая садовая грядка роз. Или витрина цветочного магазина протиснулась в номер. Алые розы как на подбор. Рук не хватит, чтобы принять охапку.

— Доставка для Лизы Демидовой, — сказал букет, потому что курьера за ним попросту не было видно.

— Ого, — оценила Мэри.

— Ого, — согласилась Лиза.

— И что нам прикажешь делать со всем этим богатством? — Курьер подумал, что Мэри спрашивает его, и сбежал. — Нам даже поставить такую клумбу некуда. Разве что прямо в ванну. Да и то не уверена, войдёт ли.

Лиза тоже не знала. Никак не ожидала чего-то подобного. Приятно, конечно, но как-то через чур. Был бы букет попроще — обрадовалась сильнее. Кричащее же буйство цветов точно к чему-то её обязывало — как подарок с невидимым ценником.

Нашла конверт, тиснённый позолоченными завитушками. В нём обнаружился текст, тоже в завитках. Его явно писал не автор: почерк ни разу не мужской.

«Приветствую, милое Создание, что так бесчеловечно обошлось с моими отчаянными надеждами, разбив их на тысячи осколков. Каждый из них теперь окроплён кровью

раненого сердца, пылая пуще этих алых роз. Не сомневаюсь, причины твоего молчания тяжелы и непреодолимы, ведь не в силах я поверить, будто огнегriвный ангел, спустившийся с небес, на самом деле жесток! Смею надеяться, эти розы напомнят тебе о несчастном мужчине, ищущем твоего общества вчера, сегодня и всегда! Навеки твой покорный слуга. Марат».

— Вот чёрт! — ахнула Лиза. — Мэри, где мой телефон? Я совершенно потерялась во времени. Мне вчера кто-нибудь звонил?

— А то как же! — отозвалась из ванной Мэри. — Звонил и не раз. Примерно на тридцатом вызове я отключила трубку. А то невозможно...

— Вот чёрт! Вот чёрт!

Телефон включился, нашёл сеть и взорвался сообщениями, пропущенными звонками, эсэмэсками — которые давно никто не пишет, а тут вдруг целый парад. Телефон даже немного завис — сам не ожидал столько всего разом. Лиза не успела прочитать и десятой доли, как прилетело новое сообщение.

— Привет, уже получила сюрприз?

— Привет. Получила. Спасибо, конечно, но не стоило.

— Почему?

Вот и что на это ответить? Не объяснишь же так сходу, а объяснишь неправильно — обидишь человека. Как бы там

ни было, Марат ведь старался — сам позвонил в доставку... Лиза укорила себя: словно пытается обесценить чужой порыв. И впервые в жизни согрешила голосовым сообщением.

— Марат, мне действительно очень приятно, — начала запись, выйдя на балкон подальше от ушей компаньонки. — Но это немного слишком. Малоознакомым девушкам такие подарки дарить не принято. Мило с твоей стороны, но пахнет самонадеянностью, бравадой и наглостью. Понимаешь, я теперь чувствую себя некомфортно, словно обязанной...

Ответ пришёл молниеносно — быстрее, чем выстрел на дуэли.

— Так это очень хорошо, что ты чувствуешь себя обязательной! — не понял, или скорее сделал вид, будто понял ее не верно Марат - в голосе сквозила хитринка. — Спасибо за комплименты. Я тоже считаю, нам обязательно нужно встретиться! Например, через час. Поверь, не пожалеешь!

— Вот хитрый жук, — фыркнула Лиза. — Но нет, меня так просто не возьмёшь! — и написала: — Постараюсь освободиться после восемнадцати ноль-ноль.

- Дижовю, - написал Марат.

А следом три экрана мессенджера — палец устал проматывать — заполнили эмодзи с розами.

— Ну, детский сад какой-то!

И хоть Лиза неодобрительно покачала головой, внутри сделалось тепло. Даже жарко. Улыбку пришлось прогонять

усилием воли, как непростого гостя. Никто прежде с ней не был таким настойчивым. Настойчивым с откровенным перебором. Настойчивым на грани невоспитанности. Но...

Есть огромная разница между «мне льстит ваше внимание» и «мне нравится, как он меня достаёт». Первое — про вежливый интерес. Второе — про животную химию. И «второе» в столовой жизни всегда кажется аппетитней.

Она вернулась в номер, нашла букет в тазике — такой огромный, что держался сам по себе, упираясь в края ванны. Тронула пальцами лепестки. Вспомнила о шипах, запрятанных под бутонами. Что-то подобное сейчас и на душе. Негодование с примесью восторга. И негодование в этом противостоянии неотвратимо уступало.

— Пойдёшь с ним на свидание? — Мэри прильнула к дверному косяку, глядя на неё с чувством. Лиза поняла: компаньонша не подслушивала, просто догадалась. — Ты же понимаешь, что он тебя покупает?

— Понимаю...

— И пойдёшь?

— Пойду.

— Вот и правильно, — закивала Мэри. — Если бы мне кто-нибудь такой веник приволок, я бы тоже не раздумывала!

Но было кое-что ещё, не дававшее Лизе покоя. Вообще-то она никогда не слыла любительницей спрашивать совета, но тут почему-то спросила.

— Мэри, понимаешь, есть ещё Асташенок. Мы с ним вчера гуляли. Славный парень. А сегодня Марат... тебе не кажется, это как-то нечестно?

— Аполлон? Хм, красавчик — ничего не скажешь. Но ты ведь ему ничего не обещала? Или обещала?

— Нет.

— Тогда и думать нечего. Сходи — развейся. А дальше само как-нибудь образуется. Впрочем, есть ещё одна вещь, которую нам нужно обсудить. Но, пожалуй, потерпит до вечера. Ты хоть и взрослая, но в полночь чтобы была в кровати. В своей кровати! Иначе добрая негритянка Мэри превратится в хэллоуинскую тыкву и сожрёт тебе мозг.

В течение дня они ходили по врачам, собирали анализы для операции, которую назначили на пятницу. То есть через пять дней. Мэри попробовала было протестовать. Оказывается, пятница — не лучший день для вмешательства: в субботу ведущие врачи уйдут на выходной, а за прооперированным пациентом оставят приглядывать медработников из второго эшелона. Лучше бы оперировать в четверг. Лиза её остановила. Не могла объяснить словами. Просто знала: вся её прошлая жизнь бесповоротно закончится именно на операционном столе. Дальше начнётся что-то совсем иное — если вообще начнётся. Ей хотелось получить хотя бы один лишний день. И она его получила.

В шестнадцать ноль-ноль вернулись в номер. Никакого настроения. Самое время собираться на свидание, но Лиза рухнула на кровать, обняла подушку — и слёзы потекли сами.

— Бог ты мой! — воскликнула Мэри, входя в спальню.
— А ты чего развалилась? Ещё и мокрое дело разводишь...
Что с тобой, деточка?

— Не знаю. Со мной всё не так. Всегда было не так, а теперь тем более. Не хочу никуда идти. Но этот чёртов букет — как кредит, который надо возвращать.

— Можно подумать, ты когда-нибудь брала кредиты!

— Не брала, но знаю!

— Конечно-конечно.

— Мэри, почему он не позвонил и даже не написал, а?

— Ты ведь сейчас про Аполлона, верно?

— Ага, про Гошу.

— Гошу?! Ха-ха-ха! Бедный парень, кто ж его проклял имечком? — Мэри хлопнула себя по бедру, но быстро посерьёзнела. — Но это еще не всё, да?

— Да! Ещё он «хорошист». У него четвёртая стадия рака.
— Лиза говорила, а слёзы бежали сами. Без всхлипов. Текли и всё тут. — У него глаза как море синие, а душа из чистой грусти. И отец — гондон, заставляет его переезжать в лечебницу. А ещё его бывшая — медсестра, наверняка где-то поблизости околачивается...

— Быть может, он переезжает прямо сейчас, поэтому не

звонит?

Лиза всхлипнула:

— Наверное, я как-то об этом не подумала...

— Ну вот. А у второго что?

— Я не знаю. Слышала краем уха, будто он в ремиссии.

— И ты — женщина-героиня — выбрала из двух котят того, кто послабее? Потому что вроде так правильнее, да?

— С котятками перебарщиваешь, но возможно, что-то в этом духе. Да.

— Деточка, — присела рядом Мэри — кровать заскрипела, наклоняясь в её сторону. — Не думала, что придётся объяснять очевидные вещи, но так и быть. Оглянись, где ты?

— В диспансере?

Мэри состроила гримасу, словно у неё заболел зуб:

— Ты на перепутье. Ты обнаружила в себе способности Созерцательницы. Ты можешь быть где угодно и с кем угодно — законы внешнего мира здесь снисходят до условностей. Почему же ты упорно за них цепляешься? Уж не сделал ли тебя обязанной себе этот Гоша, рассказав о своей болезни? Но при всём при этом, когда другой парень пытается влиять на тебя цветами, ты ведёшь себя как ёж и пытаешься его оттолкнуть. Какой-то синдром матери Терезы, не находишь?

Лиза задумалась. В словах Мэри было зерно истины.

— Нет, ты не права про Асташенка. Он не хотел ничего такого.

— Но это не отменяет того факта, что я права в отно-

шении тебя. И прямо сейчас, валяясь здесь, ты совершаешь большую глупость. Пойдёшь на свидание опухшая, с красными глазами!

Лиза шмыгнула носом, а затем протяжно выдохнула.

— Веки уже сильно опухли, да?

— Пока терпимо. Но лёд лучше приложить.

Волшебный полет

И всё равно идти никуда не хотелось. Даже любимое платье — лёгкое, летнее, бордовое до колен в мелкий цветочек — не поменяло настроения. И любимый платок на шею, невесомый как воздух сентября не помог. В Питере всегда влажно, платок повис, волосы, уложенные в крупные локоны, скоро последуют его примеру. Лучше бы осталась дома. Но она вышла из корпуса, спустилась по ступеням вниз, где уже ждал Марат.

«Ладно. Побуду с ним часок, или два, верну должок, а потом сразу домой».

На счету Лизы значились сотни прочитанных книг — должна бы сообразить, что самые леденящие душу истории обычно начинаются именно с этих мыслей. Но не сообразила. Отвлеклась на парня.

Чёрная щегольская куртка. Причёска блестит гелем. Запах парфюма с корицей и бергамотом — ощутила в шаге. Всё неправильно. Не её. Но он улыбнулся загадочно, поцеловал руку, взглянул оценивающе, а затем восторженно — лучше любого комплимента. Глаза сейчас тёмные с зеленым отливом блестят в гуще ресниц, которым любая девчонка позавидовала бы. Как... у медведя. И внутренне улыбнувшись, она дала ему шанс.

— Привет! Ну, что, полетели?

— Привет. Давай попробуем.

Они обогнули корпус. Лиза не сомневалась — на парковке будет ждать Субару. Но там оказалась Хонда. Впрочем, тоже спорт.

— Слушай, Марат, — сказала она, садясь в салон. — А тебя случайно не называют Марик?

— Вообще ни разу. Что за имя «Марик»? Братишки иногда зовут Марчелло. Если хочешь, ты тоже можешь.

— Ясно.

Хотела было спросить про любимый фильм с Марчелло Мастоияни, но вовремя вспомнила Оптимуса Прайма и передумала. Зачем издеваться? Лизе как-то сразу стало ясно полностью всё. Словно заглянула в ближайшее будущее — такое бывает, когда садишься в машину к человеку, чей типаж тебе хорошо знаком. Натянутое общение, душные комплименты, покатушки, кальянная, позёрство. Медведь Марик, ничего иного от него лучше не ждать. Невыносимо захотелось к Асташенку, в парк, под сосны — туда, где не надо врать, будто тебе интересно потому, что правда интересно.

Она вздохнула и решила использовать то, что имела. Может быть, хоть её бытовая магия что-то исправит?

— Тогда ты называй меня Эльза.

Магия не способна превратить лягушку в принца. Зато ты сама можешь ненадолго в нее обернуться. Хотя бы для того, чтобы потом не корить себя за трусость и упущенное

«а вдруг?».

Лёгкий ветерок — не тот, что из щели автомобильного кондиционера, нет, совсем иной, живой — целовал кожу, ласково касался тысячей невидимых пальчиков. Я открыла глаза. Невероятно, почти невозможно — лечу! Мимо, на скорости, от которой захватывает не только дыхание, но и саму мысль, неслись деревья лесопарка, сливаясь в один сплошной мазок на картине внезапно ожившего мира. Пара секунд — и больница осталась далеко позади.

«Вот бы никогда в нее не возвращаться!».

Пространство вдруг сделалось пластичной лентой — тягучей, как тянучка, и несущейся вперёд, только вперед. Я ощутила под пальцами высокий ворс, глянула вниз — и обомлела. Ковёр. Мы летим на ковре-самолёте! Самом настоящем. Взаправдашнем. Сказочном.

— Мцыри, что это?! — воскликнула, не доверяя ни глазам, ни пальцам.

Он сидел, скрестив ноги по-восточному — расслабленно - парень привыкший к вождению ковров-самолетов! Вёл уверенно, одной рукой, хотя никакого руля нет. Какой руль у ковра? Впрочем, наш ковёр вне сомнения был особого сорта - самый современный, жутко продуманный: на нём не сдувало, и скорость, хоть она росла с каждой секундой, пугала не больше, чем полет на карусели.

— О, кажется, моя принцесса наконец очнулась ото сна?
— улыбнулся Мцыри. Теперь – за ширмой реальности на нём был прогулочный шёлковый костюм восточного падишаха или султана — широкий пояс, струящаяся ткань, драгоценные перстни на пальцах, которые сияли так, будто в каждом заперли по звезде. Спасибо богам – без тюрбана. — Сейчас на моей ласточке вмиг одолеем все вечерние заторы. Тебе не страшно?

— Нет-нет, что ты! Это восторг!

Город внизу превратился в размытую ленту: машины и дома мелькали так быстро, словно кто-то перебирал огромные чётки — чёрные, красные, белые бусины — молитва автостраде всех жителей Купчино в каждой. Огни фар неслись навстречу и тотчас исчезали за спиной, как искры на ветру. Мцыри не смотрел на дорогу. Впрочем, в этом нет особой нужды, если летишь над трассой — выше всех, над автомобилями, их пассажирами, над чужими заботами и суетой. Он смотрел только лишь на меня.

— Я уже говорил, как ты прекрасна?

— А мы перешли на «ты»?

— Разве не ты первая начала?

— Ой, и правда...

— Так я уже говорил, как ты бесовски, фатально хороша?
Morte bonum!

— Признаюсь, было дело. Но не сегодня.

— Вот осёл, скажи? Ведь сегодня ты особенно хороша.

Ты - герань в лучах заката в предгорьях Арарата. Бесценный рубин моего тоскующего сердца.

— Благодарю, — я почувствовала, как краска заливает щёки, а вместе с ней приливает неожиданный восторг — тёплый, как глоток глинтвейна в первый снегопад. Снегопад, под которым я пребывала весь день до. — Мцыри, а мы можем подняться чуточку выше? Чтобы рассмотреть город.

— Приказывай, моя принцесса! А я стану безропотно повиноваться.

Где-то я уже слышала подобное. Ковёр-самолёт взмыл вверх — плавно, словно лифт в доме, где обитают боги. А когда снова выровнялся, у меня перехватило дыхание.

Город внизу перестал быть привычным городом. С высоты птичьего полёта скучные новостройки обернулись шпилями грандиозных башен — острых, устремлённых в небо громоотводами, будто копыа застывшего войска. Строительные краны вытянулись в могучих древесных энтов — широкоплечих, неторопливых, они медленно поворачивали лапы-стрелы, наблюдая за движением каменных рек. Ковёр забрался под самую крышку мира — я ожидала, что станет холодно, но реальность за ширмой приветствовала меня, оберегала, и холодно не стало.

Грань настоящего и волшебного подрагивала серебристым маревом.

— Гляди же не вниз, а выше, дорогая принцесса, — воскликнул Мцыри, указав на купол ватных облаков, — а то

пропустишь явление, которому нет равных!

Облака висели над северной столицей привычной серой ватой — отсыревшей, готовой вот-вот пролиться моросью. Мы оказались ближе к ним, чем к земле, когда вдруг из этой мутной мглы сверху выпорхнул дракон.

Он нырял в облака, вскоре появляясь вновь, словно играл в морских волнах — только его море было сверху, предштормовое и зыбкое. Дракон же напротив — удивительного яркого салатного цвета — словно он самолет известной авиакомпания. Крылья, широкие, как паруса, резали вату, оставляя за собой вихри, а те закручивались в тугую косу позади его хвоста. Он заприметил внизу подходящую поляну, где дожидалась отставшего его стая, и спикировал к своим — величаво и гордо. Куда-то под Пулково.

— Чудесное создание, — проводил дракона взглядом мой спутник. — Мечтаю как-нибудь оседлать его, чтобы унести за тридевять земель.

— Что же тебя останавливает?

— Как это — что? Ты, разумеется! Разве может оставить благородный султан свою принцессу — великолепнейшую из самых достойных — в одиночестве, да ещё в вечно пасмурном королевстве, известном как родина слёз?

— Ох, чудится мне, будто благородный султан мог бы стать знатным бардом! — улыбнулась я. — Столько сиропа в твоих словах, что впору ставить рядом банку — та вмиг наполнится вареньем.

— Но-но, остепенись! — он вскинул волевой подбородок, скосив взгляд — ещё не обиделся, но почти. — Уж не назвала ли ты меня пустобрехом лишь за то, что я просто перечисляю достоинства моей леди?

Мило.

Я коснулась его плеча:

— Благодарю за «леди» и достоинства.

Мцыри резко взял крен — нас качнуло, а сердце на миг ухнуло в живот. Ковёр-самолёт полетел по спирали — спасибо, что не в штопор, а в плавном, полутанцевальном пике. Незаметно мы очутились в центре города, с его архаичной архитектурой, крышами, мостовыми, которые помнили копыта лошадей и первые автомобильные гудки. Готова поклясться, тут и теперь не было ни единой машины — только богатые экипажи, а ещё — вот чудо, резные паланкины, полные дымки тюля с мускулистыми носильщиками у рукоятей подмостков.

«Должно быть, где-то здесь обитает Барри», — вспомнила я и тут же забыла о нём, потому что ковёр, развернувшись, опустился совсем низко, прижался к брущатке и, почему-то взвизгнув тормозами, замер у дверей небольшого заведения, скрытого от глаз полосами малиновых шелков.

- Это духан моего брата, - сообщил Мцыри. — Не возражаешь, если мы возьмем его на борт?

— Никаких возражений. Впрочем, если этот господин окажется столь же сладкоречив, как ты, боюсь захлебнуться

в сахарной вате ваших слов ещё до того, как мы долетим.

— Помилуй Аллах, его язык — помело. Сама сейчас убе-
дишься.

Мцыри махнул рукой, свистнул — и в следующий миг из воздуха, кажется, прямо из складки между «сейчас» и «потом», вышел великан.

Трёх метров росту, отнюдь не атлетичного сложения — скорее крепыш с брюшком, этакий дуб. Он шёл шумно. Дышал шумно — крупным носом, раздувая ноздри. Шумно водрузил себя на ковёр, и тот жалобно скрипнул, как если бы у ковра были рессоры. Я не могла оторвать взгляд. Не потому, что боялась. Просто такие люди не забываются: кожа цвета мха на старом пне, набедренная повязка из шкур, бычьи рога над человеческим лицом. Добрым, хотя глуповатом.

— Приветствую вас, мои дорогие друзья, — сказал он голосом, в котором не было ничего сверхъестественного: ни басовитого грома, ни шёпота из преисподней. Просто приятные нотки между слов.

— Это Дэв, — сообщил Мцыри. — Дэв, с нами Созерцательница Эльза.

— Я невероятно польщен свести знакомство с живым Созерцателем, — гигант развалился позади нас. — Погнали.

— Мцыри, прости моё неведение, — шепнула я, наклонясь. — Но Дэв — это кто-то вроде джина, верно?

- Ха-ха-ха, - искренне, без обиняков рассмеялся он и вот подлец — выдал меня с потрохами! — Слышишь, Дэв. Она

спрашивает, что за джин этот дэв? Как тебе такое, брат?

Дэв развёл огромные руки. Удивился — брови ушли под рога.

— Госпожа, мне стало чуточку обидно. Все ведь знают: джины — голубые. Мы с такими знакомств не водим. Не по чести нам, стало быть.

— А-а-а... Моя промашка! И то верно. Простите, пожалуйста.

— Не беда, — сказал Дэв и успокоительно коснулся моего плеча. Тяжелая теплая ладонь. — Я уже почти всё забыл. Но на всякий случай запомню, что за вами должок. Который ещё выдастся случай вернуть.

Коврик снова оторвался от земли. Под нами проплыл Невский проспект — теперь уже сказочный, с экипажами, застывшими в вечернем заторе.

— Сейчас заглянем лишь в одно последнее местечко, — сообщил Мцыри, глядя на дорогу. — А потом рванём в Пэлас. Там уже ждут. Подозреваю, на подобных приёмах ты ещё не бывала. Запомнишь на всю жизнь!

Мне же отчего-то сделалось не по себе. Вдруг вспомнила с совершенной, почти досадной ясностью: никуда лететь я не хотела – зачем только согласилась?! Взглянула на Дэва — в его огромные бычьи глаза, где горел огонёк мужского первобытного интереса. Так смотрят на еду, когда голодны, но еще соблюдают приличия.

Поёжилась. Позвоночник сделался похож на струну, его

медленно тянуло как на дыбе.

Что же я делаю? Одна среди brutальных мужчин. А сколько их ещё дожидается в этом сомнительном Пэлесе? А что, если они удумают то, о чём множество мужчин фантазирует множество раз на дню — и каждый раз с одинаково бедной фантазией? Желание сбежать крепло. Но коврик поднялся высоко — не улизнуть. Конечно, ширма реальности — тонкий мыльный пузырь, обязательно сбережет мой разум, но только не тело. Я всё ещё живая. Существую и здесь и там — в реальности. Не слишком здоровая. Не слишком умная, и, судя по всему, излишне доверчивая.

— Эм-м, Мцыри... Что-то я себя неважно чувствую. Мигрень разыгралась. Может, перенесём? — предприняла я жалкую попытку.

— Ты будто бы Дэва испугалась! — Он повел плечом, и в его глазах плескалось столько внимания, что мои сомнения дали трещину. Тонкую, но достаточную, чтобы сквозь неё просочилась надежда. — Это он только с виду такой страшный. А по факту и кролика не обидит.

— Не обижу, — подтвердили сзади. — Но не задумываясь съем под хороший гарнир.

— Что ж. Учту. Но тем не менее, мне действительно скоро нужно будет ретироваться.

— Не переживай. — Мцыри положил свою ладонь на мою. — Со мной тебе ничего не угрожает. Гарантирую. Слово султана!

Я постаралась довериться. Но напряжение, поселившееся в душе, не отступало. Немного погодя тревога слегка улеглась, когда на следующей остановке у нового духана мы подобрали Диву.

Гибкая. Тоненькая. Удивительно пластичная — будто кошка, которую перелили в женскую форму. Она на бегу запрыгнула на отяжелевший коврик, тут же устроившись на коленях Дэва. Ковёр, охнул, даже загудел от натуги, поднимая нас всех в воздух.

— Привет, Созерцательница! — звонко поприветствовала она, укладывая хвост львицы на плечо. — Ты же с нами впервые, давай знакомиться. Но это будет сюр, спорим?

— Эм... Ну хорошо. В чём же сюр?

—

Я

—

Дива

.

Но и Дэв — самую малость, а Дэв на самом деле чуть-чуть Дива, хотя в большинстве своём Дэв. Как тебе такое?.

Она рассмеялась — под аккомпанемент тяжёлых золотых украшений, зазвеневших в ушах, на запястьях, на шее. Обняла гиганта, поцеловала в губы. Похоже, эти двое были парой.

— De deo et Divino. Мы оба Дэвы, — пояснила она, сверкнув глазами черными как нефть — без зрачков, или только из

зрчков. — Но ещё и Дивы — в разных странах по-разному называют. Неправда ли, экзотичный каламбур?

— Не менее экзотичный, чем ваша пара. Но вы хорошо смотрите вместе.

— Как и вы с Мариком, — отпарировала Дива.

— Марик?! — ахнула я. — Значит, всё-таки Марик! Мне же наш достопочтимый султан докладывался, будто никто его так отродясь не называл!

— Это он взбрехнул, — пробасил Дэв. — Только так и зовём.

— Про султана — тоже зря наплёл, — поддакнула Дива. — Марик всего лишь третий шахзаде. Разумеется, самый любимый султаном, но всё же третий. А три — это много.

— Если речь не про пальцы, — поддержала я.

— Ну, да будет вам! Хватит... Сейчас же перестаньте! — Мцыри покраснел в цвета граната. Но мы не перестали. И он, кажется, был не слишком против.

А потом Пэлас закрыл собой половину горизонта.

Дворцовый кошмар

Более величественного здания — да что там, дворца, коим он и являлся — я не видела. Тадж-Махал собственной персоной. Или похож, и это подсознание, дорисовывая иное измерение, щедро приправляло его знакомыми красками. Коврик скользнул вниз, к красной ковровой дорожке, где толпились десятки гостей. Кто-то прибыл, как мы — по воздуху. Кто-то в паланкинах, окружённых невольниками. Мне сделалось чуть жаль рабов: всё-таки двадцать первый век на дворе, а тут люди в цепях. Но приглядевшись, заметила: все они были на одно пустое лицо. Вероятно, не люди. Побочные плоды воображения. Исключительно богатые и вне всяких сомнений статусные гости ехали выше остальных — потому что ехали на Элефантах. Слишком грандиозных для обычных слонов. Попадая в пробку, элефанты трубили со звуком автомобильных клаксонов. Бип-Бип. Сюр.

— А ты популярна! — подмигнула Дива, увлекая меня внутрь, пока мужчины разбирались с парковкой. — Какая же тут сегодня толчея...

— Прошу прощения?

— Разве ты ещё не догадалась? Все они пришли поглазеть на Созерцательницу. А кому повезёт больше — те не только поглазеют.

Вот тут дурное предчувствие, что скреблось с самого начала пути у краешка души — там, где кончаются слова и начинается чистое, животное чутьё — расправило могучие чёрные крылья. Меня накрыло с головой.

Я почувствовала, будто задыхаюсь. Ужас. Не вздохнуть. Воздух стал плотным молоком, и в нём не осталось кислорода — только запахи. Чем пахнет страх? Теперь узнала. Страх пах сандалом, людским потом и дымом. Я увидела. Только теперь рассмотрела. Все без исключения гости — увешанные драгоценностями, дорогими тканями, аурой властителей судеб — глядели на меня.

Женщины — у многих лица скрыты прозрачным тенетом, сбиваясь в группы, глядели на меня, но поспешно отводили глаза, стоило их в этом уличить. Мужчины же пялились, не скрывая плотоядного любопытства. Я чувствовала себя павлином в золотой клетке. Невидаль. Редкость. Диковина. Возможно, уродливая — но популярная. На неё можно смотреть. А можно и перо из хвоста выдернуть, если достаточно смел.

Дурнота выбрала подходящий момент. Свечи, лампы, факелы померкли — в глазах потемнело. Я отступила к колонне, прижалась спиной к прохладному мрамору. Сердце колотится в висках, пытаюсь выпрыгнуть наружу и убежать без меня.

Что мне делать? Как быть? Звонить Мэри?

Я достала мобильный. Нажала. И убрала обратно в рюк-

зачок. Толстая негритянка с добрыми глазами — ничем не поможет. Что ей сказать? Я сама не знаю, где мы очутились.

— Что случилось, Эльза? На тебе лица нет! — вынырнул из толпы Марик. — Пройдём внутрь. Там свободнее. И для нас уже готово ложе. Розовая вода тебя взбодрит.

— Нет! — я выхватила свою ладонь из его рук, и вышло резче, чем собиралась. — Сейчас же объясни, что здесь происходит? (вдох). Почему все эти люди пялятся на меня (вдох) словно на экспонат? Почему они все пришли (вдох) посмотреть на Созерцательницу? Ты всё это устроил? (Свистящий вдох). Отвечай!

— И в мыслях не было, дорогая Принцесса, изумруд моей души! — Он выглядел изрядно обескураженным. Будто бы говорил правду. — Я, разумеется, доложил отцу, с кем сегодня прибуду — иначе нельзя, таковы правила этикета. Но к тебе это столпотворение не имеет ровным счётом никакого отношения. Быть может, совпало с каким-то торжеством? С гостями нынешним вечером действительно отъявленный перебор. Но не беспокойся, — в его голосе зазвучала уверенность, а во взгляде — обещание, такое твёрдое, что им можно было резать хлеб. — Я буду всё время с тобою рядом. Никто к нам и на шаг не приблизится.

И надо же этому случиться — я поверила ему, выдохнув. Какой же душой я была!

Под руку с Мариком мы вошли в зал.

Помпезный. До тошноты. Можно подумать — какой-то

волшебник собрал весь остальной мир, утрамбовал его в чемодан, притащил сюда — и выпустил под потолок, где бедняга рассыпался разрозненными фрагментами. Масштабно, но как же аляповато.

Стены выложены мозаикой, рябят. Фонтаны бьют из мраморных чаш, но не освежают — вода в них усталая, как мои сожаления. Люди тоже насторожили. Черноволосые мужчины и женщины — с ними явно что-то не то. Присмотрелась — и мороз по коже. Они не смеялись. Никто. Ни одной захудалой улыбки, ни единого хоть сколько-нибудь искреннего смешка. Изредка кто-то сдержанно фыркал на реплику собеседника — как милостыню подавал.

Под потолком, терявшимся на высоте, от которой захватывало дух и желудок делал кульбит, между колонн летали воздушные гимнасты и тоже делали кульбиты. Без страховки. Неслись сквозь пустоту с трапеции на трапецию — смертники. Мне почему-то захотелось, чтобы кто-нибудь из них сорвался. Захотелось проверить: окажется ли кровь разбившегося настоящей? Или тоже бутафорской - подделкой, как и всё в этом зале.

Невольники разносили десерты и бокалы на тонких ножках. Невольники носили птичьи маски. А на них клювы, перья, пустые глазницы. Пустота. Она сосала под ложечкой.

Играла музыка. Тоскливый восточный напев — струны плакали, как женщины на похоронах. А поверх этого — меццо-сопрано. Волнующий, пронзительно-высокий, повергаю-

щий в шок, ведь владел им мужчина.

Кастрат.

Какая дикость!

Стоило нам войти, как из воздуха материализовалась Дива. Буквально — сначала я почувствовала запах мускуса и жасмина, а потом она уже висит у меня на левом плече. Приобняла. Правой рукой я вцепилась в Марика — боясь его отпустить, потому что без него я стала бы просто куском мяса в клетке с тиграми.

— Р-р-р, - подразнила Дива, изогнув в воздухе хвост. — Испугалась? Шаш! Впервые всегда непривычно, а общее впечатление, как? Шикарно, не правда ли?

— Нет слов. Но после слов твоих, мне теперь чертовски не по себе.

— Забудь. Слова несет ветер за караваном. Тебя же никто не обидел? Чего же начинаешь? Просто ты слишком выделяешься на общем фоне. Не находишь?

Я взглянула на свой наряд. Платье в мелкий цветочек, которое я надела днем, выглядело здесь как насмешка. Как Zivert на сельской дискотеке, причем дискотекой была я.

— Пожалуй, ты права. Но в своё оправдание замечу, когда собиралась, никак не планировала очутиться на приёме у султана. Совсем.

— Хочешь это исправить?

— М-м-м... Пожалуй. Но как?

Она только прищурилась. Ладонь легла на мои глаза. Про-

изнесла: «Эманация нисхождения». Щелчок пальцев — и по всему телу пронеслось щекотка, будто тысяча бабочек реши-ли, что моя кожа — цветок. Щемящее ощущение в груди — как перед первым поцелуем или перед тем, как врач холодно сообщает: «У вас рак».

Я оглядела себя.

Ничего себе!

Вместо платья в цветочек на мне оказался наряд восточ-ной принцессы. Принцессы Будур, Жасмин, Шахерезады — всех одновременно, замешанных в одной ступке и вылитых в совершенную форму. Шаровары из тонкого шёлка с отли-вом, как радуга, которая перебродила в вине. Парчовый жа-кет с золотой вышивкой, приоткрывающий пупок — и тут же лёгкая дрожь от прикосновения воздуха к неожиданно обнажённой коже. Невесомая накидка на плечах — парящая при любом дуновении. Крупные украшения из жёлтого ме-талла — на плечах, на шее — тяжело лежали, напоминая, что красота имеет вес. Даже причёска, растрепавшаяся в полёте, была уложена заново: волнами под обручем, со свисающей на лоб подвеской.

— Чудесно! — выдохнула я, выполнив простейший пор де бра. И в этом движении было столько восторга, что сама испугалась. — Спасибо, Дива. Это великолепно.

Она самодовольно улыбнулась, поправила складку ткани.

— Прими же мой дар тебе, Созерцательница. Не забудь о нём, когда придёт время.

Что-то важное пряталось между её слов, как монета в трещине тротуара — видишь блеск, но не можешь подцепить. Я не успела как следует поразмыслить. Потому что мы уже лавировали между гостями.

Прибыли. Уютное ложе в центре целой площади в центральной галерее дворца. Низкий круглый столик. Сотни подушек — так и ждут, чтобы кого-нибудь потопить в мягкости. И ни одного стула. Правильно — зачем стулья, если можно лежать, кушать виноград и чувствовать себя полубогом? Там уже дожидался Дэв. Плотный дым от его свежераскуренного кальяна стелился по полу. Запах терпких благовоний ударил в ноздри. Я сделала глубокий вдох и пожалела: голова пошла кругом. Кругом дурман.

— Ну как ты? Пришла в себя, алмаз моих мыслей? — Марик опустился рядом на подушки, разлил вино из изящного графина в разноцветные бокалы. Рука у него была твёрдая, но нежная — как у человека, который привык, что ему подчиняются, но сегодня решил поиграть в заботу. — Вот увидишь, тут славно. Просто нужно привыкнуть.

— Поверю тебе на слово. Тут красиво, — я взяла бокал, но пить не стала. — Однако тебе следовало заранее предупредить девушку, когда собираешься приглашать её на подобное торжество. Ведь я совершенно не была готова!

— А как же момент неожиданности? — его глаза с хитринкой блуждали по моему новому наряду. — Вместо того чтобы испортить сюрприз, я взял с собой Диву. Как ви-

дишь — она мастерица преобразений. В случае необходимости может тебя хоть в акваланг нарядить, реши мы дальше опробовать дайвинг.

— О нет. Ещё и дайвинг? Вечер однозначно перестаёт быть томным. Но дайвинг — перебор.

Марик захохотал. И от этого сделалось чуть легче. Я позволила себе немного расслабиться. Впрямь, чего я так напряглась? В конце концов, это просто вечеринка. Ну, с кастратами, воздушными гимнастами и смуглыми людьми, которые не смеются. Ну, с подарками и тайными смыслами. Что может пойти не так?

Всё. Всё шло совершенно так.

— Ваша светлость, Созерцательница.

Пожилой мужчина в тюрбане возник перед нашим столиком, как чёрт из табакерки. Крючковатый нос, тонкие губы, шрам на щеке. Он склонился в поклоне, чему не обрадовались старые кости - ухватился за поясницу. Я почти слышала, как его позвонки шепчут: «Зачем, старик, зачем?»

— Позвольте выказать вам моё восхищение. Ваша статья соперничает с легендарным даром. Я — шах Абдурахман ибн Кураб — страдаю, - и это было единственное правдивое слово в его речи. – Страдаю, не в силах отыскать нужных слов, способных выразить грани своего восторга вами. Пусть же лучше меня это сделает скромный дар.

Он протянул сухую ладонь. На ней — золотая заколка в форме скарабея. Произведение искусства, а не вещь, кото-

рую носят. Обречённая в своей красоте пылиться за стеклом витрины какого-нибудь коллекционера древностей.

Я часто заморгала. Не знала, как быть. В голове билась одна мысль: «это ловушка. Всё, что они дают — верёвка, которой потом свяжут».

Шах Абдурахман ждал. Вопреки сладким словам, на его лице не было и тени восхищения. Он смотрел так, будто оценивал скотину на базаре.

— Простите, — сказала я, и голос прозвучал надрывно. — Я не могу это принять. Не считите за грубость, но мне бы не хотелось быть кому-то чем-то обязанной. Я здесь просто случайный гость. И вряд ли способна оценить ваше сокровище.

Маска сползла с его лица. Не постепенно, а резко сразу вся.

— Возьмите! — он чуть ли не харкнул словом. Вещица упала к моим ногам. — Шах Абдурахман ибн Кураб не делает предложений дважды. Это ваше. Вспомните моё имя, когда придёт час!

— Марик, — вздрогнула я, глядя на золотого скарабея, завалившегося между нами. — Мне это определённо не нравится. Пожалуйста, давай отсюда уйдём!

— Дорогая принцесса, топазы твоих глаз сияют в моём измученном разуме, — ответил он. — Молю, давай дождёмся явления отца. Немного осталось. Я должен тебя ему представить — иначе попросту неприлично. После чего полетим

вдвоём куда тебе захочется. Обещаю.

— Как же мне осточертели твои комплименты на минеральную тему, - зло буркнула я.

А он пригубив предложил:

— Тогда перейдем на органику? Могу называть тебя зайкой, но только шепотом, чтобы Дэв не услышал, а то сожрет.

— Ха-ха, - очень смешно.

Дэв пускал огромные кольца над столом. Кольца выглядели красиво, а он, пуская их, глупо.

— Зря ты не приняла дар Абдурахмана, — Дива чуть пихнула меня локтем в бок. Совсем, по-свойски. — У него три торговых центра в городе. Влиятельный малый. Не стоило такого обижать.

— Но я же извинилась. Просто это неуместно...

Договорить не успела.

Над столиком склонилась новая фигура. Полноватая женщина средних лет — так сильно напомаженная, что её лицо казалось отлитой для музея восковых фигур, где она была бы Урсулой — ведьмой из Русалочки. От неё пахло мускусом и деньгами.

— Ваша светлость, Созерцательница. Позвольте выказать вам моё восхищение. Ваша молодость и свежесть опережают легенды о вашем даре. Я — Аркадия, дочь Гивада, мать Рившада. Прошу, примите сей скромный дар от лица моей семьи.

И сунула мне в лицо шкатулку. Внутри бусы из бирюзы в

чёрнёном серебре. Великолепная работа. Великого мастера. Который, наверняка, умер, потому что таких вещей не делают при жизни — только после.

— Простите, но...

Я глянула в темноту за её спиной.

И лишилась дара речи.

Там выстроилась целая очередь. Мужчины и женщины, старые и молодые, в парче, шёлке, драгоценностях — и у каждого в руках что-то.

Все они стремились к нашему столу. Ко мне.

— Простите, Аркадия, — сказала я, собирая остатки смелости в кулак. — Я приму ваш дар только в том случае, если вы без лести и придворных экивоков прямо скажете, что вам от меня нужно.

Женщина распрямилась. Глянула сверху вниз, как на муху в супе.

— Ясное дело, — сказала она. — Ваш дар. Мне нужно, чтобы вы засвидетельствовали откровение моего сына. А он затем забрал его в вечность. Разве имеется ещё хоть что-то, хоть какая-то малость, что бы вы могли предложить миру?

Вот это удар. Пощёчина правды вышла звонкой.

— С ума сойти, — выдохнула я. — Но спасибо за честный ответ, мадам. Не понимаю только: к чему устраивать представление с дарами? Я с удовольствием выслушаю вашего сына. Он мог бы просто прийти и попросить.

— Попросить?! — женщина буквально взорвалась. Шка-

тулка полетела в меня — едва успела увернуться. — Чтобы Рившад, сын Дамира, просил кого-то вроде тебя? Да ты в помешательстве! Не ведомо судьбе дня, чтобы моя семья кого-то о чём-то просила. Мы покупаем своё право. Так было и будет. Нук-тэ!

Она выплюнула последнее слово, как проклятие. Развернулась — браслеты зазвенели, ушла, расталкивая толпу локтями.

Я медленно встала. Подушки стали похожи на зыбучие пески.

— Спасибо, Марик. Спасибо, Дива. Спасибо, Дэв. С меня на сегодня сюрреализма хватит. Выход найду сама.

— Принцесса... — Марик попытался взять меня за руку.

Я уклонилась. Пальцы в перстнях скользнули по воздуху.

— Останься. Скоро уедем вместе... Отец...

Я шагнула из подсвеченного круга в темноту.

И тут же упёрлась в мускулистую обнажённую грудь, блестящую маслом. Пришлось задрать голову, чтобы рассмотреть. Охранник. Ничего не выражающая маска — ни злобы, ни удивления, ни даже скуки. Глаза смотрят не на меня — выше, сквозь, куда-то в вечность, где ему, возможно, платят по часам.

Шагнула в сторону. Он тоже.

Шагнула в другую. Он тоже.

Охранник не делал попыток схватить меня, или хотя бы коснуться. Просто преграждал путь — точно мы пешки на

шахматной доске, и ход не мой. Попыталась схитрить — юркнуть у его ног. Но за первым вырос второй. За ним — третий. Они смыкались без злобы. Просто потому что так надо.

Я обернулась.

— А ну-ка объяснитесь, что всё это значит? — вскочил Марик – голос звенит. — Как вы смеете преграждать нам путь?!

— Приказ султана, уважаемый третий шахзаде, — отчеканил охранник. — Созерцательница останется здесь до новых распоряжений.

- Дай-ка я ему сейчас всё растолкую, - горой поднялся за нами Дэв. - Кто куда пойдет, а кто останется собирать зубы с пола.

Вот теперь стало страшно. Ледяная волна поднялась от пяток, скрутила желудок, остановившись где-то в горле, комком, который не проглотить. Я готова была отдать всё что угодно. Кошелёк, телефон, заколку-скарабея - всё. Лишь бы сбежать из Пэласа.

Дэв хрустнул костяшками кулаков. Марик метал искры.

— Принцесса, Дэв, этих аскеров без шума нам не преодолеть, — сказал он тихо и яростно. — Не хочу устраивать балаган. Давайте же дождёмся отца. Он вот-вот появит...

Закончить ему не дали литавры.

Они взорвали пространство под куполом дворца, громом, которому сделалось тесно в небесах. Музыка хлынула ото-

всюду: струны, дудки, барабаны. Тьма, не устояла под вспыхнувшими софитами, дрогнула, сбежала в углы. А на свет, как мотыльки, выбежали десятки невольниц. Их танцующие гибкие тела в центре площадки казались язычками пламени. Струящиеся ткани - дымом вокруг углей.

Пафос достиг того предела, за которым уже не смешно, а почти что свято.

На миг я даже позабыла о страхах. Зрелище вышло гипнотическим.

— Это танец-обещания, — подсказал Марик. — Он обещает, что нам сейчас явится султан.

— Мда уж, — пробормотала я, нехотя опускаясь обратно. — Цирк Дю Солей с удовольствием купит вашу постановку.

Танцовщицы выстроились в два ровных ряда. На свет, из-за кулис, шагнула шеренга Аскеров. Они тоже построились рядами напротив танцовщиц. И в образовавшийся туннель ступил...

Бриллиант.

Чуть не ослепла. Прищурилась — и всё равно в глазах заплясали зайчики, как если бы посмотрела на солнце через стекляшку. Бело-золотые одеяния султана горели, слепили, запускали под своды дворца блики. Не рождённый, а огрнённый. Выточенный из яркости.

Громогласный голос невидимого слуги прокатился между колонн:

— Султан Мелик-шах ибн Арслан аль-Мансур, Податель

Роз, Отражение Луны в Полной Воде, Тень Аллаха на Земле и Повелитель Двух Святынь!

Это всё испортило.

Из-за голоса с надломом, переполненного торжества и придыханий, я утвердилась в своем определении - не дворец, а самый настоящий цирк. И конференсье только что объявил следующий номер.

Танцовщицы синхронно дернулись, проделали несколько па на земле — упали ниц к ногам султана. Их тела образовали круг, отсылающий к лепесткам цветка. Аскеры склонили колени, умудрившись сохранить достоинство.

Султан перешагнул через распростёртые руки, вышел в круг света — хотя сам им, можно сказать, являлся. Его лица из-за блеска даже не было видно.

Без микрофона он заговорил негромко. Но самоуверенный голос — тёплый с хрипотцой — слышал каждый в зале.

— Приветствую, уважаемые сородичи! Моё сердце пылает, видя, как многие из вас сегодня отринули дела, дабы прийти на сей скромный пир. А душа поёт, окрылённая надеждой, что каждый покинет мой дворец, получив то, о чём мечтается!

Султан сделал лёгкий жест — и сразу с потолка в зал медленно полетели розовые лепестки. Идеальная режиссура. Я подумала: «Ещё дыма не хватает». Стоило подумать — как по полу начал стелиться дым. Клубясь, наплывая барашками на ноги гостей, плотной морской пеной.

— Прежде чем свершится обещанное. Прежде чем произойдёт то, ради чего все мы сегодня здесь собрались. — Султан сделал паузу — артист, до мозга костей артист. — Памятуя о вековых традициях гостеприимства, хочу засвидетельствовать наше всеобщее почтение звезде этого великого вечера. Драгоценности, украсившей скудный карнавал своим присутствием и вдохнувшей в него дух надежд. — Мисс Созерцательница!

Вот уж чего я точно не ожидала.

Вообще-то султана я не слушала. Краем глаза поглядывала на охрану в надежде, что они отвлекутся — и мне удастся улизнуть, пока никто не видит. Не тут-то было. Было страшновато — а стало в тысячу раз хуже. Потому что худшее из бед для серой мышки вроде меня — оказаться в центре внимания. Хуже может быть только одно: если помимо внимания сверху кто-нибудь удумает подсветить тебя прожектором.

Как и произошло.

Я вся сжалась. Спрятала голову в плечи. Заморгала — почти ослепнув от потока, льющегося с потолка. Пыталась ухватиться за руку Марика как за спасительную соломинку — но он отнял её. Отступил в тень. И, как все остальные, принялся мне хлопать.

Аплодисменты со звуком голубиных крыльев полетели со всех сторон. Я стояла одна в луче прожектора — маленькая, растерянная, в не своём наряде принцессы, на не сво-

ём празднике. Больше всего на свете хотелось провалиться сквозь землю. Но, конечно, как обычно бывает, в отличие от случая с дымом, моё желание не исполнилось.

— Прими же, служительница вечности, мой скудный дар,
— провозгласил Султан.

И тут же четыре невольника внесли сундук.

Не шкатулку. Не ларец. Сундук. Такой большой, что четверым было тяжело нести. Сам сундук являлся драгоценностью тоже: сплошь инкрустирован камнями.

Его поставили у нашего ложа. Открыли.

Изнутри вышло сияние. Внутри лежало всё то, что можно вообразить, если представляешь сундук с сокровищами. Кубки, бусы, золотые монеты, диадемы, перстни, ожерелья — груды, горы, целый курган. Мне же всего этого добра не нужно было от слова «совсем». Хотя я и понимала: подобный подарок способен обеспечить любого на всю жизнь. Одна незадача — моя жизнь, скорее всего, продлится не слишком долго. Зачем мне сундук? Хватило бы и крышки.

— Спасибо, великий Султан, — сказала я, поднявшись.
— Примите мою благодарность. Однако мне ничего этого не нужно. Ценю ваш широкий жест...

Но незадача: в отличие от его голоса, мой будто выключили.

Никто не слышал, что я говорю. Овации адресовались сияющей фигуре в центре дворцового зала — султану, который завладел всеобщим вниманием полностью, без остатка.

Он расхаживал по дыму, говорил об избранности, о дороге в бесконечность. Что-то ещё. Лепестки летали. Музыка звучала. Мне показалось, про меня забыли.

Вот и славно.

— Марик, — дернула я его за рукав. — Похоже, на этом всё. Собирайся. Ты обещал меня отвезти.

Он посмотрел с укором, но потом, прочитав что-то на моём лице, всё же засобирался. Пожал руку Дэву, кивнул Диве.

— Напрасно ты так спешишь. Вечер только начинается. Нас ждёт удивительное представление!

Я молчала. Он вздохнул.

— Ладно-ладно. Возможно, не стоило так сразу шокировать тебя. Лучше бы сходили в кино. Ты не обижаешься?

— Нет, — сказала я. — Не обижаюсь. Но кино впрямь было бы лучше.

На этих словах стоявший поодаль Аскер шагнул вперёд и скрутил мне руки за спиной.

— Ай! Что вы делаете? Марик?!

Но его оттеснили. Или сам отошел — не разобрать, кругом одни ноги.

Меня потащили в центр зала. За спиной султана откуда-то возник чёрный столб. Уж не на таком ли в старину сжигали ведьм? Уж не мне ли он предназначен? Как часто бывает, самое страшное подозрение оказалось правдой: меня тащили к столбу. Задрали руки выше головы, привязали. Под аплодисменты.

— Великий день! — провозгласил султан. — Вознесём хвалу моему третьему сыну, что привёл к нам саму Созерцательницу. Ту, что дарует нам поцелуй вечности!

В дальнем конце зала послышался шум — кто-то боролся, кряхтел.

— Нет, отец! — крикнул Марик. Но его крик утонул в музыке.

Литавры громыхнули — и стихли.

— Любимые сородичи, не стесняйтесь. Стеснение — известный порок. Подходите, — пригласил султан. — Кто первый засвидетельствует своё сокровенное желание?

В круг света передо мной вышел старик с крючковатым носом. Тот, чьё имя я уже забыла.

— Ты приняла мой дар, Созерцательница, — он хрустнул костями в поклоне. — Верни долг.

— Ничего я не принимала! Ваша безделушка валяется там на полу, заберите! — дёрнулась — руки заныли под веревками.

Никто не слушал.

— Моё желание таково, — продолжал старик. — Забрать с собой в будущность тайну, что открылась мне лишь на склоне дней. Секрет, как обращать людской гедонизм в золото. Сохрани же это знание со мной в веках.

— Не бывать этому! — крикнула я. Злость перевесила испуг. — Нет!

Чёрный столб за моей спиной раскалился. Колющий ток

прошёл по телу. Я глянула вверх — там, на навершии столба, уродливая голова монстра. Демона. Я не знала его имени, но точно демона. Столб обжёг спину. Охнула. Выгнулась от боли. И следом, вопреки моей воле, полетела золотая пудра. Пылинки дара срывались с кожи, уносясь к просящему. Золото вмиг облепило старика. Он заулыбался — таинство свершилось. Печать луны на лбу угасла сразу, как проявилась.

— Я! Я следующая!

В круг выскочила толстуха Аркадия, буквально вытолкнув старика прочь.

— Моей семье известна тайна лести. Секреты особых слов, которым под силу вымостить любой путь золотом, исполнить заветное желание. Сохрани же их с нами в веках, Созерцательница!

За её спиной возникли две тени — муж и сын.

— Не бывать этому! Нет! — воскликнула я. — Не так это делается. Отказываюсь! И ничего я вам не должна!

Но горячий столб вспылал. Ток по позвоночнику выбил дух, лишил сил. Золотая пудра опять полетела против моей воли к просителям, которые не просили, а брали. Таинство свершилось вопреки.

Аркадия удовлетворённо хмыкнула, глядя на тающую печать на лбу сына.

— Я же говорила, что будет по-моему, дрянная девчонка! — плюнула мне под ноги и, вскинув голову, гордо ушла.

Её место тут же занял новый господин. Я обмякла. Софит слепил, ноги не держали, в ушах гудело.

— ...секрет обращения алхимии в белый порошок, который придется по нраву каждому, кто осмелится его вдохнуть. Сохрани их со мной. Вот желание, что ты исполнишь!

Я не ответила. Только застонала от боли, когда столб окатил тело жаром.

«Эх, Эльза, что же ты натворила. Почему не послушала предчувствие? Зачем заигрывала с опасностью?».

Во рту сделалось кисло. Золотая пудра летела.

Примерно на шестом просителе — а вернее сказать «требователе» — я поняла: пудра конечна. Как любая магия, она питалась чем-то внутри меня. И это «что-то» стремительно таяло. Вместе с силами. Что будет, когда оно кончится? Видимо, закончусь и я.

Звонкая оплеуха вернула в реальность — щека взорвалась болью.

— Не отлынивай, Созерцательница! — рявкнул султан Мелик-шах, Податель Роз и первостепенная скотина к тому же. — Твои услуги оплачены. Отрабатывай.

— Ничего я у вас не брала... — голоса почти нет.

— Следующий!

Золотая пудра летела, летела, летела. Меня становилось всё меньше, меньше, меньше. Это было стремительное умирание. И никто не спасёт.

— Госпожа Созерцательница...

Знакомый голос вывел из ступора. Напротив столба стояла...

— А... Дива? И ты тоже?

— Прими мой скромный дар, — сказала она. В руках блеснули знакомые бусы — голубым камнем.

Дива подошла ближе, надела их на меня. А сама шепнула на ухо:

— Держись. Ты сильная. Сейчас мы тебя вытащим.

— А?

Ушам своим не поверила. Неужели? Дива игриво провела рукой от моей груди вверх, через шею, по рукам. Со стороны, наверное, казалось, будто мы целуемся. В зале послышался неодобрительный ропот. Слабость чуть отступила. И тут я почувствовала, как она разрезает верёвки на кистях — никто не заметил.

— Отец, услышь меня! — в круг света вышел Марик, загородив нас собой. — Договор был совсем не таким! Зачем ты терзаешь Созерцательницу? Ты обещал мне всего лишь представить её всем. А теперь она привязана к позорному столбу Кара-Дэймона. Неужто твои слова ничего не стоят?

— Умолкни, третий сын! — голос султана прокатился по залу, усиленный магией. — Тебе ли не знать, что мы несём ответственность не только за себя? Мы денно и ночью обязаны заботиться о нашей пастве. Только ради них, ради спасения их пламени в веках задуман этот ритуал. Очнись. Умолкни. Не мешай. Знай своё место!

Султан хлопнул в ладоши. В темноте замелькали тени — к нам спешили аскеры.

— В отличие от тебя, я дорожу крепостью данного слова! — крикнул принц. — Я обещал Эльзе свою защиту. И она её получит!

Трое аскеров бросились на него. Марик отразил их натиск саблей — где только раздобыл? В зале зашумели. Все глаза устремились на них. И мы с Дивой беспрепятственно нырнули от столба в тень.

Ноги заплетались, но она тянула меня, поддерживала. Позади звенела сталь.

— Ты это... Прости, что так вышло! — на бегу крикнула она. — Поверь, не мы всё придумали. Султан задумал.

— И это первая хорошая новость за весь вечер.

Мы лавировали между колонн, жались к дальним стенам. Но слишком быстро двигаться я уже не могла — перед глазами плыло. Хорошо, если не лишусь чувств.

Сбоку раздался звон металла о металл. Один из охранников догнал нас, ударил Диву саблей в плечо. К счастью, угодил в декоративный наруч.

— Ах, шайтан-байтан! — она схватилась за рану, зажав порез. В руке блеснул короткий нож. — Ну подходи. Каково тебе — забыть, что ты мужчина, и нападать на слабую женщину?

Аскер не повёлся. Атаковал выпадом, рассек воздух у её шеи. Дива с кошачьей грацией перешла в партер, пригнулась

— и вжух-вжух-вжух, трижды рассекла его шаровары выше колен. Ткань из белой мгновенно стала красной. Аскер будто не заметил — замахнулся для сильного удара. Но его рука вернулась без сабли. За ним горой поднялся Дэв — голой рукой выхватил оружие.

— А ну-ка угомонись, — прогремел он, опуская кулак-молот на голову охранника.

Аскер пал мешком.

— Чего замерли? Бегите!

— Милый, — Дива швырнула ему воздушный поцелуй.
— Ты в ярости — сам секс!

Ни ярости, ни милости, уж тем более секса я в Дэве не видела. Он резко развернулся и единым ударом повалил двоих бегущих охранников. Во дворце воцарилась суматоха. Будь он не таким огромным, мы бы успели сбежать. Но не успели.

Что-то высоко свистнуло у уха. Я моргнула. А в следующий миг увидела стрелу в спине Дивы, ведущей меня к выходу. Она споткнулась, упала, продолжив скользить грудью по мрамору ещё с метр. Сзади заревел Дэв. Его облепили аскеры — отчаявшись ударить, пытались завалить, наседая кучей. Двое повисли на плечах, один забрался на спину и бил кулаком в череп, держась за рога.

Я упала на колени. Не могла больше бежать. Уронила голову в ладони, чтобы не видеть. Вокруг толпились гости — стремились ко мне, кричали. Кастрат почему-то запел Ave Maria.

— Исполни моё желание, Созерцательница! Сохрани со мной истину о том, как... — схватил за плечо мужчина с перекошенным лицом.

— И мою память сбереги! — налетела женщина с крупной бородавкой на щеке. — Хочу унести в вечность тайну, где запрятала сокровища.

— А я...

- А мы...

Они насели со всех сторон. К этим бежали следующие. А Дива лежала на полу, и люди не замечая разносили её кровь на туфлях.

Безумие. Это должно быть сном. Не может быть правдой.

Накидка с треском разорвалась — кто-то из толпы дёрнул за неё. Я упала навзнич. Меня пнули.

— Почему ты не исполняешь? Быстрее, колдуй! Сохрани моё воспоминание!

— Я была первой!

— Нет, тварь! Первым был я!

Меня волоком потащили обратно к столбу — добить. Разорвать на пошлые желания.

— Уйдите! Прочь с дороги! Расступись! — Марик пытался пробиться сквозь толпу. Безрезультатно. Я его даже не увидела. Услышала удары, услышала стон.

Тогда зажмурилась и отпустила. Будь что будет. Всё равно противиться не в силах. Значит, вот он — финал. Как глупо всё вышло. Концовка в месте, где быть не хотела, с чело-

веком, с которым быть не должна. Как жаль, что не успела сходить на свидание с тем, с кем нужно было идти.

Люди били, пинали, дергали, тащили, драли. А я видела исключительно синие озёра глаз. И от этого боль делалось чуть меньше.

Наверное, всегда так и случается на самом краешке жизни. Всё лишнее облетает. Обнажается суть, которую ты так долго не замечала в ворохе бесполезной шелухи дней. Правда, которую всегда знала — просто не узнавала. Но разве что-то теперь изменишь?

А потом, в бесконечности боли и ужаса, раздались хлопки. Серия громких хлопков.

Меня как-то сразу и вдруг уронили — ох, как же приложилась головой об пол! И сил совсем нет. И искры из глаз... или это искры от пуль? Топот тяжёлых сапог. Крики. Лязг оружия. Я не глядела — свернулась в клубок. Трясло от холода и внутреннего опустошения. Чёрная дыра ширилась под желудком.

Кто-то крикнул:

— Не сопротивляйтесь, глупцы! Первый полк его величества, приготовить мушкеты к залпу!

Но к тому времени я была настолько истощена, настолько слаба, что мир за ширмой реальности, истончился донельзя. Почудилось, будто мужчина крикнул:

— Лежать! Работает спецназ!

Сквозь полуопущенные веки мне мерещилось, как конту-

ры царского убранства Пэласа подрагивают, тают. А за ними проступает шумный ночной клуб, где случилась полицейская облава. Но, конечно, показалось. Как привиделся и мужчина в маске-балаклаве, который бережно поднял меня и понёс. А в прорезях маски сияли перепуганные из-за меня глаза.

Синие-синие.

И я провалилась в забытьё.

Всё изменится, когда он придёт

Лизе снился сон. Она оказалась в питерском подъезде старого жилого фонда — подъезде-колодце. По кругу вьется лестница наверх. Не помнила, как тут оказалась. Но её влекло подниматься.

Ступила на скошенные ступени — выдавшие многое, затертые тысячью ног, похожие на старые грампластинки, заслушанные до дыр, их мелодию никто давно не помнит, а те кто помнил, уже не живут. Пошла. Там наверху, вместо крыши, — небо — манило к себе. Но сколько ни шла, сбивчиво дыша, Лиза к нему не приближалась. Зато дно колодца делалось глубже, дальше, темнее. Его магнетизм с каждым шагом ощущался сильнее. Чудилось: если встать на краю ступени и зажмуриться — обязательно упадёшь. Не потому что хочешь, а потому что дно притянет против воли. Засосёт.

Вдруг её накрыло удивительным прозрением. Всё предопределено. Она может двигаться сколь угодно вверх, забраться очень высоко — а может только на пару этажей. Но в конце всё равно один результат: падение вниз, ниц. В колодец. Потому что это — не питерский подъезд. Это её собственная жизнь. Жизнь, ориентированная на падение — не на полёт. И никак этого не изменить.

Или изменить можно, и ещё не поздно?

Проснулась, как шла — на вдохе.

Медсестра деловито снимала показания с приборов, внося данные в серебристый планшет. Приборам нравилось внимание. Они негромко плакали справа у изголовья кровати, откликались перемигиванием лампочек, впрочем, не обещая ничего путного. Лиза очнулась в больничной палате. Усталая, как если бы не спала. Серый свет питерского солнца лился сквозь жалюзи, не давая ни единого шанса определить: утро сейчас, день или пора вечерних сумерек.

— Доброе утро! — подсказала медсестра, приветливо улыбнувшись.

Такая миленькая. Ничего искусственного — ни скул, ни филлеров в губах, ни даже макияжа. Светлый ангел от природы, если бы ангелам выдавали такие приталенные халатики в комплекте с грудью. Лиза умела без зависти признавать чужие достоинства, поэтому просто порадовалась за неё, подумав, что сама на её фоне — костлявая развалина.

Ноющая постоянная боль внизу живота пришла вместе с ней из сна. Организм успел с ней свыкнуться, сделать незаметной для разума, сродни шуму холодильника. Боль и нечего о ней больше сказать.

— Здравствуйте... Оксана, — прочитала бейдж Лиза. — Что со мной?

— Скоро придёт доктор и всё тебе объяснит, — сразу попростому перешла на «ты» Оксана. Посмотрела с сомнением, потом решила. — Не переживай, ничего страшного...

в твоём состоянии. Было скопление жидкости в брюшине, давило на диафрагму, поэтому возникли проблемы с дыханием. А ещё кровотечение добавилось. Небольшое. Вот ты и потеряла сознание.

Она не знает про события в «Пэласе» — догадалась Лиза. Думает, проблемы из-за опухоли.

— Всё это вполне ожидаемо, врачи не удивлены. Тебе поставили дренаж, так что не пугайся.

Так вот, значит, что болит в боку. Лиза сдвинула покрывало — толстая трубка торчала из её живота, уходя куда-то под кровать. Трубка потоньше от капельницы лила ей в вену лекарства, а толстая выливалась. Попытайся найти в этой формуле лишнее звено — им окажется Лиза.

— А что с моей операцией? Её теперь перенесут, да?

— Скоро придёт доктор и всё тебе... — взгляд медсестры подобрел, она посмотрела по сторонам, словно искала того, кто вздумал подслушивать. — Не перенесут. Я посмотрела недельный план работы в хирургии, ты в списках. Хорошая новость, не правда ли?

— Да, наверное. Не подскажешь, Мэри здесь?

— Мэри?

— Ну, толстая негритянка. Такую не пропустишь.

— А! Твоя компаньонка. Она дежурила почти сутки, но мы уговорили её вернуться в номер, поспать. Сейчас буду ей звонить.

— Сутки?!

— Да, ты здесь уже второй день.

— Матерь божья!

— А ещё твой парень дожидается. Этот упорный — спит в холле, не уходит. Ну, ты знаешь Асташенка.

— Что?! — ахнула Лиза. — Гоша здесь?

— Да, это он тебя привёз. И дежурит. Славный парень...

Она без сомнения хотела добавить, что ей его жаль. Это читалось между строк. Но медсестра оказалась хорошей медсестрой — не сказала. Жалость в онкодиспансере унижает. Никто из тех, кто более всего её достоин, жалость не принимает. Но не только это насторожило Лизу. Было что-то ещё.

— Вы с ним раньше были вместе, да? — на удачу спросила она.

Медсестра вздрогнула, чуть планшет не уронила и отвернулась к окну — якобы вносить новые данные.

Ясно. Ничего себе какая ирония!

Помолчали.

— Да, но это было давно. Много воды с тех пор утекло, теперь мы просто друзья.

«Да-да, конечно! Друзья они... Чего же тогда отворачиваешься?»

— Вы расстались из-за того, что он заболел? — холодно поинтересовалась Лиза.

— Нет! Как ты такое подумать могла?! — вспыхнула медсестра, резко развернувшись. — Нет, тысячу раз нет! Просто так вышло... Это он со мной порвал, между прочим. Сам.

Лучше бы она пользовалась косметикой — не так бы были видны красные пятна гнева на лице. Но Лизу эта её вспышка чуть-чуть успокоила. Даже порадовала — надо же, «сам»!

— Извини, я не хотела сказать ничего такого или обидеть.

— Да ладно. Прошное в прошлом, — вздохнула немного погодя медсестра. — Ничего. Просто Асташенок — особенный парень. Ну, ты сама, наверное, знаешь. Очень особенный... Он тебе уже играл на гитаре?

— Нет, не играл.

Тёплая ладонь проверила катетер, словно невзначай мягко сжала Лизино запястье.

— Тогда, пока у вас есть время, постарайся сделать так, чтобы сыграл, — медсестра скромно улыбнулась, не поднимая глаз. — Он всегда играет на гитаре перед тем как... Ну, ты понимаешь.

Она хихикнула и пошла к выходу. А у самой двери замерла и сказала спиной:

— Береги его...

«...раз у меня не получилось» — хотела сказать она, но не сказала. Ушла.

Бывшие – как старая колода карт. Слишком многое видели, слишком многое знают – доверять им нельзя.

Лиза лежала и тупо пялилась в потолок, не чувствуя ничего, кроме бессильной злости на саму себя. Ведь злиться на судьбу — что кричать в стену. Стены не принимают женских голосов. Судьба ничем не лучше.

Чёрт подери, почему? Почему времени, которого всегда хватало с избытком, вдруг — раз — и совсем не осталось? Считанные часы. Часы!

Ничегошеньки не успела. Всю жизнь глупо ждала чего-то. Дождалась.

Она вдруг поймала себя на том, что перестаёт себя любить. И раньше-то не особенно любила, теперь же... В ней ширилась и крепла стойкая неприязнь к собственному телу. Прямо сейчас, лёжа и снова глядя на трубку в животе, ей захотелось выдернуть её, засунуть руку внутрь поглубже и ногтями выцарапать оттуда чужеродное дьявольское проклятие, которое пожирало её матку. Мерзкая и отвратительная дрянь — наверняка чёрная и бесформенная — не могла иметь никакого отношения к Лизе. Она пришла извне и должна туда же вернуться.

Вот только как быть с опухолью, засевшей в голове Асташенка?

Лизе бы сейчас свернуться в клубок да заплакать, но трубка не даст.

И она смотрела в потолок.

Самое страшное в умирании — не боль и не сама смерть. Самое страшное — осознать, как многое ты не успела.

Всю дорогу Лиза держала в руках книгу жизни, но как прилежная девочка сначала писала в черновик, а теперь оказалось, что книга ее жизни пуста. Только помарки с кляксами на скомканных бумажках кругом.

Она смотрела в потолок, и когда пришла Мэри. Мэри принесла куриный бульон - приговор, написанный не в больничной карте, а сваренный в кастрюле. Смысл один. Его никогда не предложат здоровым. Только тяжелобольным.

— Я умираю, — сказала Лиза. Мокрая полоска прочертила линию на щеке — от уголка глаза к уху.

— Я тоже умираю.

— В смысле? И ты чем-то больна?!

— Да, больна. Болезнь называется жизнью. От неё ещё никто не излечился. Сто процентный летальный исход.

— Смешно, — констатировала Лиза, не улыбнувшись. — Мэри, я умираю прямо сейчас.

— Я тоже умираю.

— У тебя ещё годы в запасе! А я скоро умру!

— Я тоже умру.

— Боже ты мой, Мэри! Разве ты не понимаешь? Смерть, она вот она! Сидит под кроватью и дышит, я слышу её дыхание!

— Я тоже. И тоже умираю.

Лиза зарычала от злости. Как такое вынести? Села, хмурясь.

— Знаешь, когда я была маленькая, то обожала, когда отец рассказывал мне сказки. Требовала их постоянно. А он изводил меня, каждый раз отвечая на мою просьбу одинаково. «Папа, расскажи мне сказку!» А он: «Как дед наклал в коляску и поставил в уголок, чтоб никто не уволок». И так

постоянно. Сто раз на сто просьб! Меня это дико бесило. А теперь ты заладила свою присказку!

— Правильно. И буду повторять, пока ты не перестанешь вести себя как дура!

Лиза только ахнула от неожиданности.

— В смысле? Так-то я умираю...

— И я умираю. И твой отец ежедневно несётся к инфаркту и к смерти от страха и боли из-за тебя, а ты ему даже не звонишь! — впервые Мэри выглядела разозлённой. Отобрала у неё кружку с бульоном и принялась пить сама, ужасающе швыряя. — «Умираю-умираю» — заладила. Как ты не понимаешь? Сейчас, вот прямо сейчас, в эту минуту — ты жива! А не замечаешь этого, потому что постоянно циклишься на смерти. Хотя любая бы на твоём месте расправила плечи и пошла жить. Дурные мысли и размышления о болезни не дают ничего — лишь крадут драгоценные минуты. Вместо того чтобы страдать — спеши успеть за счастьем. Проживи столько, сколько осталось, целиком! Да, мало — но так, чтобы показалось, будто много. Пей не жалость к себе, а жизнь, сколько бы её ни было отведено!

Лиза не могла поверить ушам. Отродясь с ней никто так прямо и жёстко не разговаривал. Хотя... Нет же, был один человек, который говорил, что думает открыто. Всю правду, какой бы неприятной она ни была. Мама.

— Мэри, но у меня трубка в животе. Куда я пойду?

— А у меня геморрой! — рявкнула компаньонша. — Тоже

фиговина, отнюдь не приятная, и ничего. Трубку твою сейчас вынут, она просто за брюшиной, останется крошечный порез. Но ты себя уже чуть ли не закопала.

Слова Мэри обескураживали. Слова Мэри вдруг показались вторым за утро откровением, или его продолжением? Они уронили шоры с глаз. Ведь как права! У Лизы даже слёзы высохли. Сглотнула солёный комок.

— И что мне, по-твоему, следует делать?

— Как минимум собраться, перестать себя жалеть. Потом ещё одну вещь. А потом приложить максимум усилий, чтобы побыстрее слинять из этой палаты в номер!

— Звучит как идеальный план. Спасибо. А вещь-то какую нужно сделать?

Мэри всплеснула руками:

— Ты безнадежна! Парень тебя на руках унёс от беды! Я когда прочитала твоё сообщение, почему-то сразу ему набрала — и не спрашивай, откуда у меня его номер. Так он сорвался, всё бросил. Знал бы, что ты о нём потом даже не вспомнишь, не стал бы напрягаться — и правильно бы сделал!

— Значит, я всё же отправила то сообщение... Удивительно, совсем не помню...

Мэри не слушала, горячилась:

— ... мучается бедолага чёрт знает сколько в больнице, а она, видите ли, не знает, что должна сделать?! Дорогуша, я была о тебе лучшего мнения!

— Ужас какой... — Лиза залилась краской. — Ведь ты права! Мэри, неужели я правда такая конченная дрянь, которая думает только о себе? — глаза опять вздумали намокнуть, как представила бедного Асташенка в приёмной. Вторые сутки на ногах из-за неё. — Мэри?.. Но я же, наверно, зелёная, как лягушка. Зачем ему такая?

— Вот поэтому... — Мэри сменила гнев на милость и переставила с пола на кушетку свою запредельно огромную сумку. Кушетка и Лиза на ней вздрогнули — внутри явно были кирпичи. — У меня всегда с собой всё то, что превращает лягушек в принцесс!

Дежурный хирург, пришедший вынуть трубку, округлил глаза, когда вошёл в палату. Он не поверил глазам и вышел. Видно, перепроверил номер, вернулся хмуясь. В палате играла релакс-музыка из смартфона. Лиза и Мэри — обе с увлажняющими масками на лицах, с огуречными дольками на глазах — не обращали на него никакого внимания. Дежурный хирург не одобрил, но и возражать не стал. Только проворчал: «Бабы...». Дело своё сделал. Трубка вышла безболезненно, просто немного неприятно. Два шва под обезболивающим — и Лиза снова почувствовала себя целой. А вскоре — готовой попробовать жить столько, сколько ей отведено.

Жить.

— Я могу войти? — заглянул Асташенок в палату, где она дожидалась его одна.

— Да, конечно. Проходи, пожалуйста.

На бледном осунувшемся лице проступила светлая, как волосы, щетина. Показалось, что за эти два дня он похудел. Щеки впали, оставив на лице одни только синие глаза, смотрящие с непередаваемой тревогой. Словно перед ним горящий дом.

Лиза повернулась, улыбнулась, пригласила присесть.

Асташенок подошёл. Моргнул. Его черты исказило изумление, чего уж там — он буквально вытаращился.

— Слушай, а ты прекрасно выглядишь для девушки, которая провела в отключке больше суток... Десятка, как пить дать!

Лиза не без кокетства закатила глаза и поправила свежий локон на, увы, совсем не свежих, но хотя бы расчёсанных волосах.

— Шутишь что ли? Мне вот только недавно стало слегка получше. Гоша...

И перестала играть.

Лиза вдруг осознала, что, находясь рядом с Асташенком, не может лгать. Не то чтобы была записной вруней — просто во вранье терялся смысл, когда рядом тот, кто честен как кристалл. Только пачкать его этой ложью. А пачкать не хотелось. Хотелось обнимать, прижаться и ещё совершенно точно не быть в больничной палате. Она на белых простынях,

он в халате поверх свитера, держит за руку умирающую. Нет. Категорически не то.

— Гоша, прежде чем мы поговорим — а нам многое нужно обсудить, — я хочу тебе кое-что показать. Ведь ты помнишь, что я — Созерцательница.

- Эм, - нахмурил он лоб. – Допустим...

- Я никогда этого еще не делала, но попытаться должна. Есть одно место, очень надеюсь, мне удастся сбросить ширму реальности правильно, чтобы тебе его показать. Итак, помоги мне чуть-чуть. Назови меня Эльза!

- Эльза.

На самой кромке земли

Кондиционер, услышав имя, надрывно дунул в глаза. А когда я снова их открыла — оказалась там, где загадала, где дышит небо, а не кондиционеры.

Очень-очень давно я сохранила это место в глубинах памяти. Дала себе зарок, завязала крепкий узелок на ленте воспоминаний: однажды привести сюда того, кто сможет понять его значение. А значит — и меня. Это было моё место. Не объяснишь словами. Но каждый такое место узнаёт, когда находит.

Мы сидели на скамейке из дерева, почерневшего от возраста, на самом краю света. И глядели за край. Жёлтый камень высокой скалы круто обрывался всего в пяти шагах от наших ног. А дальше — только синее-синее море. И нет ему конца. Потому что там, где ожидаешь полосу горизонта, море незримо перетекало в небо — такое же синее-синее, — поднималось вверх, закольцовывая мир в шар.

— Ты ведь тоже видишь это? — спросила я тихо, потому что до сих пор толком не разобралась со своей способностью сдвигать с мира ширму.

— А что ты видишь? — глядя на меня, спросил он.

— Это Кипр. Мой самый счастливый день. Мне четырнадцать. Нам случайно кто-то рассказал об этом view point —

его нет на картах. О нём знают только местные, приезжают сюда в важные дни. Есть легенда, что теорию плоской земли древние придумали, сидя на этой скале. Ведь согласись: глаза не могут обмануть. Вот он, конец света. Прямо здесь.

— Теперь вижу, — сказал он. По-прежнему глядя на меня. Словно я была лучше самого лучшего вида на земле.

— А мне кажется, будто нет, — раздосадованная я надула губу. — Ты только взглядом скользнул и отвернулся... Впрочем, прости. Всё это в моей голове. Вечно забываю, как быстро люди привыкают к волшебству.

— Вовсе нет. К тебе я ещё не привык. И никогда не привыкну.

Сердце пронзило стальной иглой. Кольнуло невыносимо. Я поняла: прозвучало пророчество. Зажмурилась изо всех сил, стараясь отогнать мысль прочь. Но она успела утвердиться в сознании, пустить крохотный корешок туда, где положено расти страхам.

— Лиза, что случилось? Тебе больно? — забыв о чудесном пейзаже, и о бризе, и о чайке — одной единственной, он думал только обо мне. — Позвать врача? Это приступ?

— Нет-нет, — поспешила успокоить. — Уже всё прошло, всё прошло. Гоша... Гоша...

— Десятка?

— Десятка!.. Ещё какая!..

Обнял. Тепло, исходящее от него сквозь рубашку, грело мою кожу. Стало уютно — как никогда. Стало как надо. Как

нам предначертано. Я устроилась у него на груди, глядя в синеву бесконечности.

Мы молчали. Каждый, должно быть, о своём. Но оказалось — думали об одном и том же.

Вскоре он заговорил — негромко и с хрипотцой.

— Когда-то очень давно я побывал в Каппадокии. Единственная наша с мамой зарубежная поездка. Отцу нельзя за границу — у него военная тайна, его не выпускают. Как-то раз мы приехали на высокую гору, откуда люди на рассвете взлетают в небо на воздушных шарах. Там было почти так же волшебнно, как здесь. Сначала суeta. Но потом шары оторвались от земли — и стало тихо. Остались только с десяток местных турков. Они заехали перед работой, чтобы встретить рассвет. Самые разные люди. Кто-то в простых одеждах, кто-то в деловых костюмах. Ещё семья вездесущих китайцев — таких же выпадающих из обоймы, как и мы с мамой. Кто-то сел на камни, кто-то прямо на землю. Никто не разговаривал. Все просто смотрели вдаль. А солнце просыпалось, с удивлением обнаруживая нас на вершине, и целовало первыми лучами каждого по очереди. И каждый знал: он здесь не навсегда. Но этот миг — как раз наоборот. Навсегда. Никогда не забудется.

Китайская девочка зачем-то притащила гитару и стала перебирать струны. Кто-то из местных проворчал: «Вечно эти китайцы всё портят». А девочка вдруг заиграла Hotel California — и её тут же простили.

Such a lovely place.

Это было чудо.

Миг.

Мгновение.

Только раз.

И вот уже солнце взошло. Сразу стало душно, жарко. Люди засобирались — каждый по своим делам. Туристические автобусы отъезжали. Где-то далеко внизу загудел в пробках город.

Всё кончилось.

Я тогда понял: всё лучшее в жизни кончается. Как сильно его ни держи, как ни люби. Только память осталась. И больше ничего.

Но знаешь, Лиза, я не хочу память. Хочу, чтобы эти мгновения продолжали случаться.

Я смотрела на него — и вдруг поняла, что клетки, брони, отделявшей мою душу от мира, моей защиты от плохих или просто незнакомых людей, больше нет. Испугалась, но было поздно. Я влюбилась в него, как утонула. Сначала вроде просто дна не почувствовала, а следом раз и не смогла всплыть. Любовь накрыла с головой. Ужас.

— Поцелуй меня.

И Асташенок поцеловал. На этот раз — по-настоящему.

Как и предсказывал Гоша, это наше мгновение тоже кон-

чилось.

Мы устали целоваться. Хотя я не устала. Да и он вряд ли. Просто каждый подумал о другом, а побеспокоившись — перестал. Мы обменялись сбившимся дыханием, оставаясь предельно близко, там где глаза ещё неспособны на резкость, как не были на нее способны мы по отношению друг к другу, больше не тая собственных слабостей. Он медленно провел пальцем от моей щеки вниз, замерев на краю выреза у груди. Его прикосновение было таким, каким должно быть прикосновение влюбленного: ещё незнакомым, но вместе с тем возбуждающим, как обещание сказанное шепотом.

Гоша остановил себя, немного покраснел — совсем чуть-чуть, только кончиками ушей, и посчитал нужным кое-что от меня всё же утаить — закинул ногу на ногу. Я не подавала вида, хотя внутренне усмехнулась: «Ох уж эти мужчины со своей отзывчивой физиологией». Теплый ветерок с моря нырнул в волосы, растрепал их. Я встала и подошла к краю пропасти. Взглянуть вниз, где невероятно далеко синие волны превращались в густую белую пену — из века в век с урчанием набрасываясь на скальную твердь. Дух захватывает. Какая высота.

— Ты раньше не рассказывал о своей маме. С ней что-то случилось, да? Вы всегда с отцом.

— Мама... Её не стало очень давно. У нас с ней одна мутация гена — предрасположенность к опухолям. Так что, как говорит отец, я — маменькин сынок. Весь в неё пошёл. За

это он злится на неё и на меня. За предрасположенность. Но больше — на себя. За то, что нас любит.

Невозможно. Я уже устала удивляться, как много общего всплывало между мной и ним с каждой новой встречей, с каждым разговором.

Кивнула:

— У меня тоже. Больше нет мамы.

Он вдруг оказался сзади, обнял со спины. Стал плащом от всех ненастий, от всех бед. Случившихся и предстоящих, уже маячивших на горизонте — как те тучи, что только кажутся белыми, пока не углядишь за их овечьей личиной гром.

— Прости.

— За что? За то, что мы похожи даже горем? Брось.

Я бросила с обрыва камушек. Вот он был — и вот его не стало. Без свиста, без плеска. Нет — и всё. Так будет со всеми и каждым. Как ни ищи, никогда не найти этот камушек среди миллионов других, упавших в пропасть раньше. А когда меня не станет — даже память о нём исчезнет. Словно не было ничего. И никак этого не изменить. Таковы правила жизни. Смерти. Того, что между ними.

Но что-то мы свернули не туда. Мне бы не хотелось, чтобы наша встреча закончилась слезопролитием. Поэтому я поцеловала его ладонь. Ладонь пахла больничной чистотой, то есть простым антибактериальным мылом. Всё. Хватит. Больше никакого нигилизма, — и сменила тему.

— Послушай, а как ты нашёл меня там, в «Пэлесе»? — спросила я то, что вертелось на кончике языка уже давно, не давая покоя. — Я почти забыла, как выбралась из этого ужаса.

— Ты и не выбралась. — Он примерил маску сердитости — и моментально стал копией своего отца: тот же лёд во взгляде. — Благодарю Мэри, что она сообразила мне позвонить. Боюсь представить, чем бы закончилась та заварушка, если бы мы с парнями не подоспели.

Я вспомнила тяжёлые сапоги, балаклавы, крики.

— Постой, так ты что — работаешь в спецназе?

И похоже, задела за живое.

— Я...

Он замер. Заледенел полностью. Глядел вперёд, но, кажется, ничего не видел. Только ту пустоту, которая под час вырастает внутри человека, когда вопрос падает в больное место. Или, когда метастазы проникают из мозга в нервную систему, нарушая реакции, вызывая ступор. Но мы на краю мира! Тут не может быть и мысли о... Никаких мыслей о недуге.

— Эм-м-м, Гоша?.. Гоша? — Я встряхнула его.

— А... да, — он заморгал. — В спецназе не работают — в нём служат. Нет. Увы, нет. Меня не приняли из-за болезни. И со службы комиссовали. Сама понимаешь — где я и где служба. Я — инвалид. Почти не человек...

— Гоша, ну что ты такое говоришь?! — Я повернулась к

нему лицом, видя, как он расстроился. — Ты самый лучший человек из всех, кого я знаю. Без тебя мне однозначно пришёл бы конец. Я тебе невероятно признательна.

— Не того благодаришь. Это всё отец — выручил. Я ему позвонил, а он поднял группу по тревоге. Меня парни с собой взяли по старой памяти, хотя не по уставу. Вот кому спасибо: быстро сориентировались, пробили этого хмыря Марата — он мне никогда не нравился. Додумался же затащить боль... в смысле просто девчонку в гадюшник своего папаша. Но ребята с ним знатно объяснились, не переживай. Больше он к тебе и на километр не приблизится.

— Хм... Гоша, вообще-то я не уверена, что он во всём виноват. Марик пытался мне помочь, когда всё завертелось...

— Хрень. Нет ему веры! — Асташенок напрягся, заиграл желваками. — Был бы я в порядке, сам бы ему морду начистил. Урод!

— А мне кажется, ты просто немножечко ревнуешь... — Я захлопала ресницами, чтобы чуть разрядить обстановку. — Ты такой милый, когда злишься! Так и хочется тебя уку-сить.

Он остановил меня на полпути к своей лакомой шее. Ещё не улыбаясь, но уже почти.

— Лиза, но всё равно — это было очень неосмотрительно с твоей стороны. Довериться незнакомцу, поехать с ним на другой конец города. О чём ты только думала?

«Первым делом, как вернусь в номер, выброшу букет», —

подумала я. А вслух сказала:

— Торжественно клянусь, капрал Асташенок. С этого самого момента стану воплощённой осмотрительностью и пай-девочкой, которая ни с кем, кроме тебя, на свидания не ходит! Даю зуб. А у танцевальных капибар это священнейшая из клятв.

— Ага! Значит, это ещё и свидание было?!

«Вот чёрт — проболталась на ровном месте».

— Э-э-э, не то чтобы...

Он неожиданно сделал какое-то неуловимое движение — похожее на приём из какого-нибудь вида единоборств, вроде подсечки, но очень осторожное. Мир крутанулся. И в следующее мгновение, смеясь и повизгивая, я оказалась спиной у него на коленях. Снова на скамейке.

— Ах ты рыжая вертихвостка! — улыбаясь строжился он. И щекотал. — На свидание — и без меня?!

А потом щекотал щетиной, целуя в шею, в грудь, в руки.

— Гоша! Ну, Гоша... — не особенно стараясь, отбивалась я, смеясь. — У меня же дырка в животе.

— Ох. Вот же! — Он вздрогнул. — Прости! Прости, пожалуйста, я совсем не подумал. Очень больно?

Было больно. Но намного, намного больше было его отпускать. Моего синеглазого принца.

А потом я взглянула в его лицо — такое близкое теперь — и заметила даже в этой сказочной реальности печать усталости с налётом физического истощения. Ещё бы: столько все-

го пережить за два дня, да ещё без сна.

«Мэри совершенно права. Я — избалованная дрянь, опять ни о ком, кроме себя, не думаю. Совсем забыла — а так-то в нашей паре оба увечные. Да что же со мной не так?»

И ещё я поняла: сам он не уйдёт.

— Гоша, знаешь... Действительно побаливает. — Я села на скамейку рядом. — Думаю, нам обоим следует хорошенько отдохнуть. День выдался длинный.

— Понимаю. — Он тяжело вздохнул, совсем не думая о себе. — Очень не хочу тебя оставлять. Что сказал доктор? Тебя скоро отпустят в номер?

— Не знаю. Но какой им смысл меня здесь держать? Только палату занимать.

Пока я говорила, ширма реальности неспешно наползала на скамейку на самом краю света. Возвращала нас в сумеречный Санкт-Петербург. В корпус онкодиспансера. В палату, где в полутьме перемигиваются приборы, как тревожные буйки на море, но только уже не на море.

Снова взглянула на Асташенка и не пожалела о своём решении — выглядел он ужасно. Сможет ли самостоятельно добраться до постели?

— А ты, Гоша? Ты ведь уже переехал в гостиницу?

— М-м-м, да. Но откуда ты знаешь?

— Да так... Женские сплетни. Сам понимаешь, когда первый красавчик въезжает в корпус, все девчонки только об этом и говорят...

— Ну да. Я такой! — подмигнул он, а у самого синяки под глазами — такие, будто он не спал не два дня, а два месяца. — Тогда пора выходить на охоту! У меня ведь теперь есть право на одно свидание с кем-нибудь ещё, раз ты с тем хмырём... того...

— Но-но! — воскликнула она. — Даже не думай! Теперь ты только мой и больше ничей. Поддай, пожалуйста, воды.

Пока он отвлёкся на графин, Лиза незаметно подкрасила губы двумя быстрыми мазками. Когда Асташенок вернулся, она смачно чмокнула его в щёку. Он, конечно, ничего не понял. Вот и славно. Пусть идёт с алой меткой. Лиза втайне надеялась, что её послание доберётся до адресата и по пути Гоша встретится с медсестрой Оксаной.

След от поцелуя на мужской щеке - универсальный шифр. Он одновременно утверждает: этот парень «занят», «любим», «везунчик». И многозначительно добавляет: «а его девушка — та ещё... психичка, и лучше вам с ней не связываться!».

C

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.